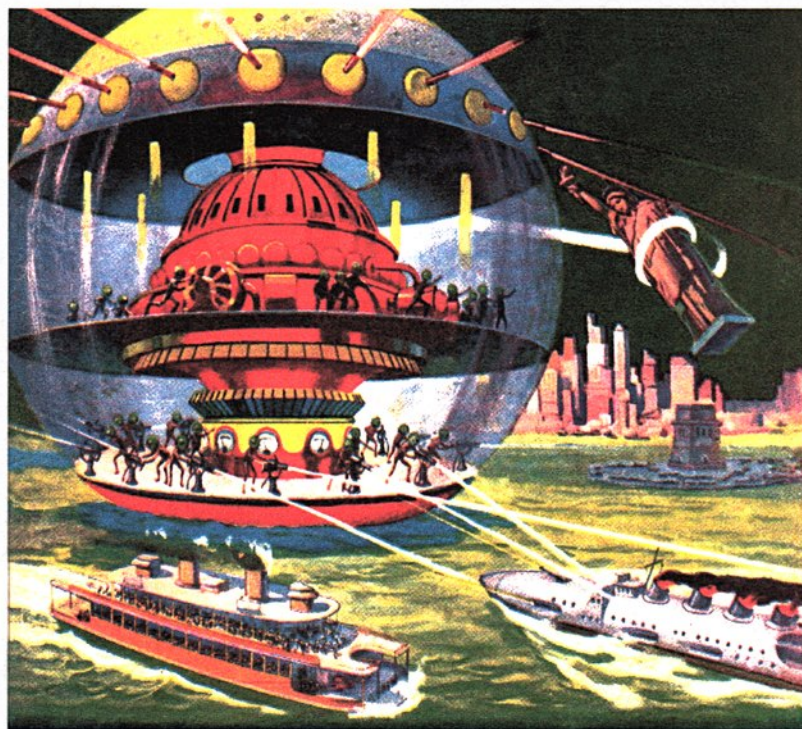

Библиотека англо-американской классической фантастики

ОХОТНИЦА ИЗ АККАНА

Роберт Мур
Уильямс
(Вильямс)

Том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ОХОТНИЦА ИЗ АККАНА

Роберт Мур Уильямс
(Вильямс)

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-18 (2016)

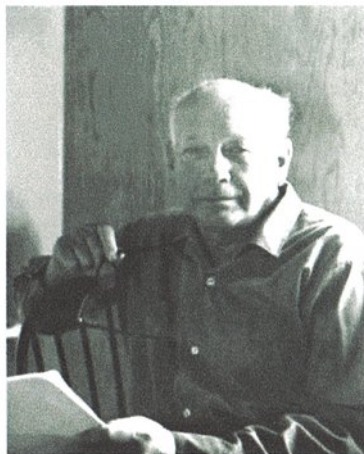
Клубное издание

Роберт Мур Уильямс (Вильямс) (2). ОХОТНИЦА ИЗ АККАНА.
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,38)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Роберт Мур Уильямс (Вильямс)
(Robert Moore Williams)
1907—1977

THE HUNTRESS OF AKKAN By Robert Moore Williams

See
BACK
COVER

AMAZING

FEBRUARY 25¢

IN CANADA 30¢

STORIES

INVASION OF THE MICRO-MEN

By RICHARD S. SHAVER

ОХОТНИЦА ИЗ АККАНА

I

Когда пронзительный вопль разбил тишину жаркой ночи, Сэнди Кинг, капитан Эндрю Кинг из военной разведки США в азиатском театре операций мгновенно сунул руку под свернутую куртку, служившую подушкой, и выхватил лежащий там пистолет. Эхо вопля – кричало ли это животное, какой-то безумец или вообще невообразимая тварь, несколько раз пронеслось над полуразвалившимся бунгало, прежде чем он окончательно проснулся. Люди, занимавшиеся тем, чем занимался он, должны научиться просыпаться при малейшем звуке, иначе они рискуют в одну прекрасную ночь вообще не проснуться. Поэтому Кинг проснулся немедленно. Крыло опахала на потолке замерло на полпути вниз, поскольку перепуганный кули перестал тянуть за веревку. Кинг прислушался.

Ровное дыхание Кэла Карсона, старшего сержанта разведки, чуть сбило темп, но тут же возобновило прежний темп. Кинг понял, что Карсон проснулся и приготовил оружие, но не хотел, чтобы посторонние наблюдатели поняли это. Карсон был хорош, как всегда.

В другом конце комнаты хрюкнул и сел Син Эл, шепотом бормоча смесь китайских и бирманских проклятий, но затем резко смолк. Кинг мысленно проклял его, но, после этого, Син Юл не издал ни звука. В остальных помещениях развалившегося бунгало стояла тишина.

Слишком уж глубокая тишина. Пронзительный крик ночной птицы, хриплое бормотание гигантских жаб, едва слышный писк летучей лисицы – большой летучей мыши, – были бы лучше, чем эта полная, непроницаемая тишина. Обычно джунгли никогда не смолкают, кроме тех случаев, когда на охоту выходит тигр.

Но тигры никогда не кричат. Как и их меньшие братья, эти большие кошки предпочитают тишину. А тут снова что-то взвыло:

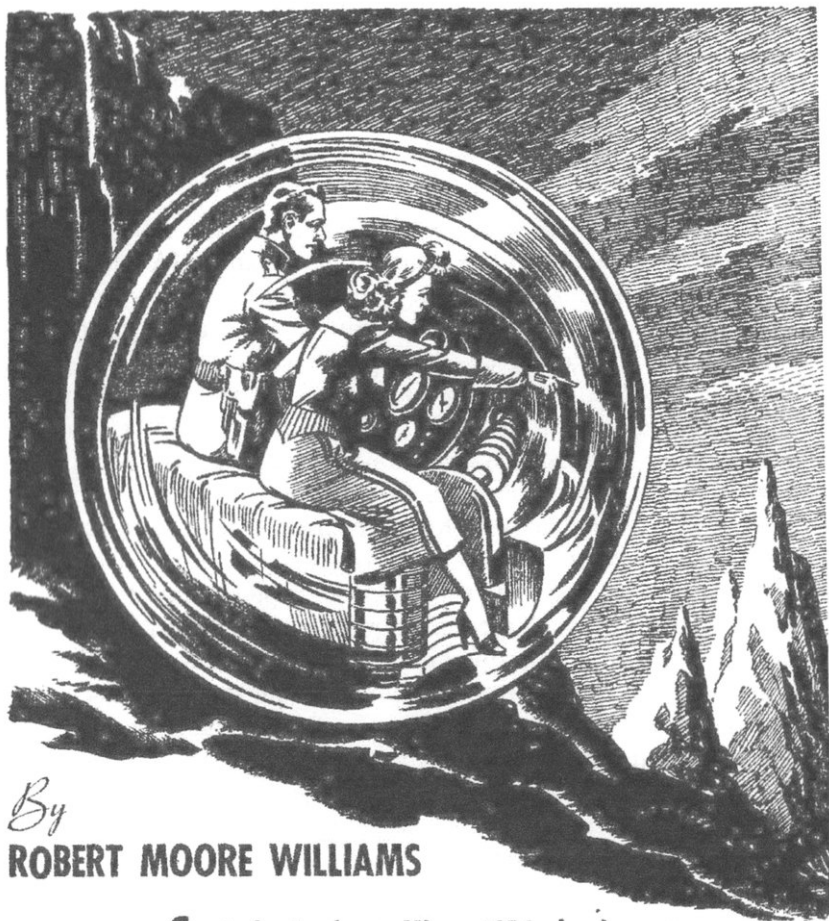
– ЙООООУЛ!

Этот звук разорвал тишину так внезапно, что у Кинга на загривке встали дыбом волосы. Син Юл вскочил и принялся трясти его.

– Нужно просыпайся, сагиб. Снаружи что-то плохо. Там кричит бог Сумпин. Сагиб Кинг, просыпайся...

– Заткнись! – рявкнул Кинг.

Со свистом втянув в себя воздух, Син Юл снова впал в взволнованное молчание. Кинг поднялся, надел ботинки и двинулся к зуб-

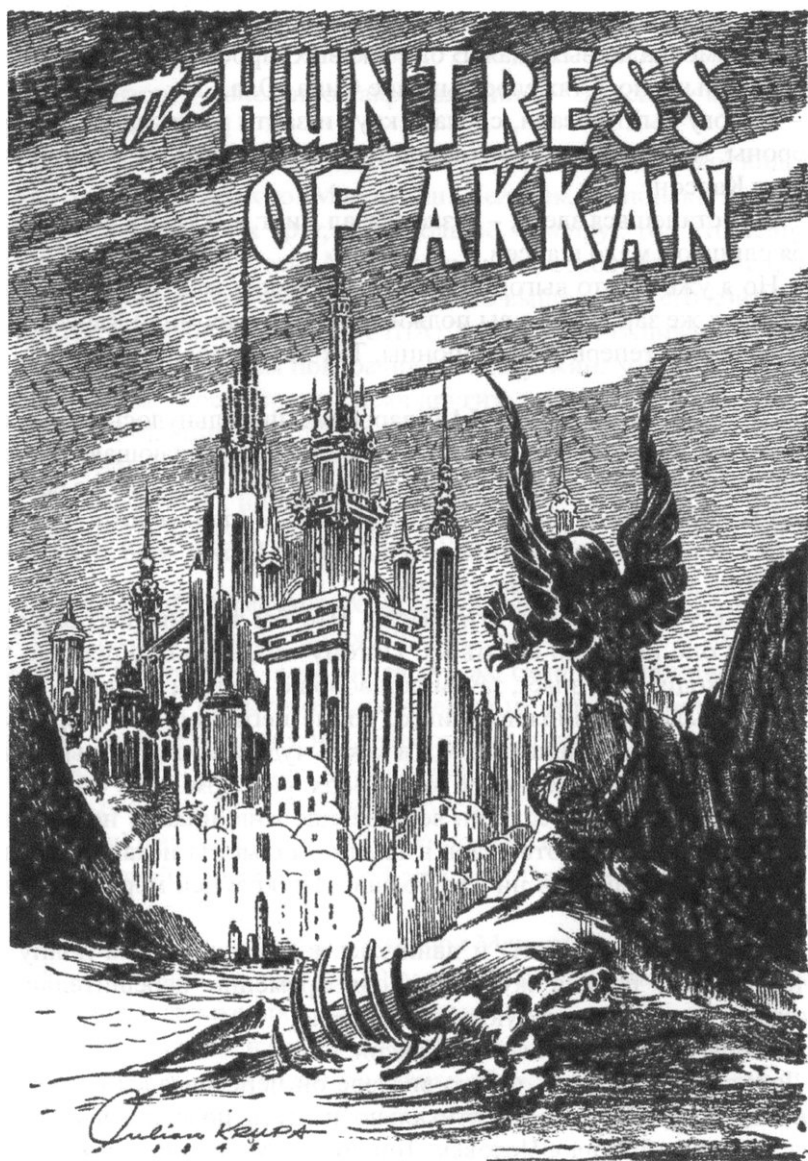
By
ROBERT MOORE WILLIAMS

**Captain Andrew King, USA, had never
faced a menace such as confronted him in
Akkan—where a lovely huntress stalked her prey**

чатой стене, служившей окном. Краем глаза он видел, что Карсон тоже обулся и пошел к нему. Они осторожно выглянули из дыры.

Перед бунгало была небольшая поляна. Кули разожгли на ней небольшой костерок и спали у огня, но при первом же вопле сбежали. За поляной начинались заросли бамбука, толстого, тяжелого бамбука дождевых лесов Верхней Бирмы. На много миль вокруг зеленая растительность спускалась по склону горы.

Лунный свет обливал поляну словно воском, но из-за него видно было только хуже.

It was an amazing phantom city in a desolate setting . . .

- Это где-то в бамбуке, – прошептал Карсон.
- Да, – кивнул Кинг.
- Черт побери, как вы думаете, Сэнди, что это такое?
- Может, сова?
- Сова? Сэнди, слышал я пару раз сову. Она никогда так не вопит.

— Я тоже так думаю, — сухо сказал Кинг.

Они замолчали, выжидая. В бамбуковых зарослях все было тихо. Позади слышалось тяжелое дыхание Сина Юла.

— Я могу выйти сзади, сделать круг и зайти в заросли с другой стороны. А вы караульте эту тварь тут, когда она выскочит, — предложил Карсон.

— Ты останешься здесь, — резко сказал Кинг. — В таких зарослях у тебя слишком мало шансов.

— Но я уже как-то выгонял наших маленьких желтых братьев из подобных же зарослей, а вы поджидали их, — напомнил Карсон.

— Знаю. Но теперь там не японцы. Так что оставайся здесь.

И ТУТ В БАМБУКОВЫХ зарослях шевельнулось какое-то пятно. Это была едва видимая, медленно перемещающаяся тень. Кинг наблюдал за ней со смутной тревогой. Что-то стояло на самом краю поляны и наблюдало за бунгалом. *Наблюдало за нами?* — пронеслось в голове мимолетная мысль. — *Оно знает, что мы в бунгалом? Оно хочет подкрасться к нам?*

Кинг тут же отбросил эти мысли. Что бы там ни пряталось в темноте, оно не могло искать их. Потому что, если оно пришло за ними, выходит, оно знает, зачем они вообще пришли сюда.

А это было невозможно. Никто, кроме него самого и Карсона, не знал, зачем они пришли сюда и какие чудовищные тайны хотят найти здесь, в непроходимых горах Верхней Бирмы. Но он сам, и Карсон, и Макинтош, если он вообще еще жив, никому не рассказывали об этом. Нет, эта тварь в темноте не могла искать их. Она там просто случайно, и ничего больше. По крайней мере, Кинг на это надеялся.

Она вышла из темноты и двинулась к бунгалом, но на полпути остановилась, бросив жуткий и одновременно нерешительный взгляд на полуразвалившуюся постройку.

— Это человек! — прошептал Карсон.

Да, это был человек, только вначале он передвигался на четвереньках, а теперь встал вертикально и, чуть подавшись вперед, рассматривал бунгалом. Человек. Тонкий, исхудавший, совершенно голый, если не считать рваного куска материи, обернутого вокруг его пояса. Бородатый, с длинными, запутанными волосами. Скелет и чучело одновременно.

— Если я когда-то и видел умирающего от голода, то это он, — проворчал Карсон.

В бамбуковых зарослях что-то треснуло. При этом звуке человек повернул голову с быстротой встревоженного животного, долю се-

кунды послушал, склонив голову набок, затем развернулся и бросился к бунгалю.

– Макинтош! – внезапно закричал Кинг. – Эй, сюда, мы здесь! Мы прикроем тебя!

Несмотря на отсутствие одежды и крайне изможденный вид, он узнал этого несчастного. Макинтош! Человек, на поиски которого они пришли сюда. Их друг, даже больше, чем друг, тот, кто делил с ними тысячи опасностей! Макинтош... Он, вероятно, не знал, что война с Японией уже закончилась, и что вышел срок его контракта с Корпусом военной разведки США. Это он, прислушиваясь, всегда петушиным движением поворачивал голову. Кинг узнал бы Макинтоша по этому жесту среди тысяч других.

Это был Макинтош!

Он остановился и уставился на бунгало.

– Сэнди! Это ты, или я уже на Небесах?

– Это я, Макинтош, это я! Макинтош, *сзади*!

ИЗ ТЕМНЫХ бамбуковых зарослей выскочили четыре фигуры. Словно псы, почуявшие запах добычи, они помчались прямо к Макинтошу. Пистолет в руке Кинга тут же ожил. Он принялся стрелять, не целясь, но первая выскочившая из зарослей тень растянулась на земле. Из руки у нее, блестя, вылетел нож. Вторая фигура споткнулась об упавшего, и пуля Кинга попала ей в голову. Двое остальных бросились обратно в заросли.

– Сэнди! Как же я рад тебя видеть! – Рука Макинтоша была слабой, костлявой и влажной. – И Кэл здесь! Словно в старые добрые времена, верно? Можно, я сяду?

Кинг подхватил оседающего на пол Макинтоша.

– Виски! – бросил он Син Юлу, и китаец – или монгол, или кем он там был, – тут же бросился к вещам.

Макинтош сидел на полу в круге лунного света, падающего из разбитого окна, где Карсон уже занял оборонительную позицию.

– Мы получили твое сообщение, – сказал Кинг.

– Ага! Я все время думал, будет ли оно доставлено... гм... своевременно?

– Своевременно?

– Своевременно, чтобы сослужить мне службу. Я не сомневался, что вы помчитесь сюда во весь опор, как только получите отпуск, но не был уверен, позволит ли старик вам уехать...

– Мы перестали уделять внимание генералам, как только закончилась война, – проворчал Кинг.

— Закончилась война? — вскричал Макинтош. — Ты хочешь сказать, что эти желтокожие уже развешены на своих любимых вишневых деревьях, а по улицам Токио маршируют наши ребята?

— Так оно и есть, — ответил Кинг. — Японский флот на дне моря, а японские командиры в аду, где им самое место.

— Вот это то, что я называю хорошими новостями, — с удовлетворением в голосе сказал Макинтош. — Жаль только, что мало желтокожих получило то, что им причиталось. Какие прекрасные слова: война закончилась! Сколько раз мы с нетерпением ждали того дня, когда закончится война и мы можем разойтись по домам, а, Сэнди? Подумать только, наконец-то это случилось!

Кинг не мешал ему выговориться. Человек, который прошел через всю войну, имеет право спустить немного пара, когда узнает, что все уже позади. Макинтош казался ошеломленным этими известиями. Наконец, Кинг решил мягко перевести его на другую тему.

— Кто там вопил? — повторил Макинтош. — А, Сэнди, я и забыл, что вы ничего не знаете об этом, — Вопили там, — он махнул рукой в сторону окна, возле которого сидел на страже Карсон, — эти парни. Они так забавляются.

— Забавляются?

— Да. *Им* кажется это хорошей забавой, — ответил Макинтош, растягивая слова. — Спасибо, Ганга Дин, я бы выпил еще немного виски, как ты считаешь? — Син Юл плеснул ему в алюминиевую кружку еще порцию, Макинтош поднес кружку к губам, и сил у него, казалось, прибавилось. — Они так играют... Да, играют.

— Гм-м... — протянул Кинг. — Но кто они?

— Кто они? Сложный вопрос. По армейской классификации они — убийцы, профессиональные убийцы, и не нужно преуменьшать их достижения в искусстве убийства. Мы считали, что в десантно-диверсионной школе нас научили убивать, но, Сэнди, мы просто любители по сравнению с теми парнями...

— Да кто они? — проворчал Кинг.

— А, да! Я отклонился от темы, верно? Они работают на Акбада. А Акбад... — Макинтош умолк.

— Продолжай, — мягко подтолкнул его Кинг. — Кто такой Акбад? Ты не упоминал о нем в своем сообщении.

— Я стараюсь собраться с мыслями, чтобы рассказать тебе, кто такой Акбад. — Макинтош снова задумчиво помолчал. — Акбад — человек. Китаец, индус, монгол, бирманец или любой другой азиатской расы. Но он человек. Я совершенно уверен в этом. Или, по крайней мере, я *считаю* его человеком.

Кинг почувствовал, как по спине у него пробежал холодок, словно паук с маленькими ледяными лапками. Макинтош сошел с ума? Неужели опасности, голод и истощение сделали свое черное дело?

— Черт побери, Макинтош, о чем ты?

Словно не слыша его, Макинтош продолжал:

— Акбад — священник храма, находящегося неподалеку. *Храма Запретного Наслаждения...* кажется, так они называют его на своем языке. Это древний храм, более древний, чем Бирма, древнее Китая, а, может, древнее и всего Рода Человеческого, кто знает? Были времена, когда я пытался понять, какого же возраста этот... м-м... кажется, я опять отклонился от темы. Акбад — важная шишка в этом храме. Временами, Сэнди, я думал, что он человек, а временами не знал, кто он на самом деле. И когда я не знал этого, Сэнди, я думал, что он бог!

— Что?

— Я до сих пор так думаю, — упрямо настаивал Макинтош. — Нет, не ищи аптечку. Мне не нужны не атакрин, ни хинин. Но если ты хочешь считать меня спятившим, Сэнди, то я готов согласиться с тобой, потому что, Сэнди, или лгали мои глаза, или я действительно видел, как происходит невозможное!

КИНГ ДОСТАЛ из кармана сигареты, закурил и убрал сигареты и спички обратно в карман.

— Какое невозможное? — осторожно спросил он.

— М-м?... А, ну, в общем, я видел, как исчезают люди.

— А я видел, как исчезали в походе слоны.

— Это было не в походе.

Кинг молчал.

— Истинная правда, исчез я сам, — продолжал Макинтош.

— Да?

— Истинная правда, что я побывал на небесах.

— Гм-м... — промычал Кинг.

— Сэнди, я видел жемчужные врата, блистающие в небе. О, нет, я не был так близко, чтобы коснуться их, но я их видел. И я видел, как по воздуху летели ангелы, я слышал арфисток, играющих у подножия трона и...

— Стоп! — воскликнул Кинг.

— Что?

— Давай начнем все сначала, Мак. И на сей раз, парень, не пересказывай мне свои сны во время курения гашиша, или я снова тебя прерву.

— Ну, может, это и были сны, хотя я не думаю...

— Давай сначала!

— Ладно-ладно. Не стоит разговаривать, как полковник! — На мгновение в его голосе промелькнуло раздражение, затем Макинтош продолжал: — Как ты знаешь, я искал здесь секретную радиостанцию, которую наши маленькие желтокожие братишки прятали где-то в здешних горах. Я никак не мог найти эту проклятую...

— Ее обнаружили военно-воздушные силы, — перебил его Кинг. — После них там не осталось ничего.

— Так вот почему все вдруг взлетело на воздух! Ну, дают, летуны! Ну, я так и не смог ее отыскать, и, наконец, решил, что у джапов* хватило ума перевезти ее куда-то в другое место. Поэтому я решил вернуться. Проблемы начались, когда я пошел коротким путем.

— Да?

— Ошибкой был этот короткий путь. Он стал куда длиннее длинного. Я, черт побери, заблудился. И блуждал, пока по ошибке не попал на территорию Акбада. Истинная правда, что я наткнулся прямо на его храм. Это и оказалось, Сэнди, моей худшей ошибкой.

— Могу себе представить. Эти фанатики наверняка трясутся над своими храмами и держат их расположение в глубокой тайне, — кивнул Кинг. — Что было дальше?

— Меня кормили, как предназначенного на убой теленка. Лучшее вино, лучшая еда, что я видел за последние два года. Мой личный гарем. Красотки, выстроившиеся в шеренгу передо мной, и я мог выбрать любую из них или всех сразу. Я купался, натирался ароматными мазями, носил самые мягкие одежды, какие ты только можешь вообразить. Я имел все, что только можно захотеть, стоило лишь попросить. Слова радушного приветствия были у них вытканы даже на половиках.

— Пока все похоже на правду, — заметил Кинг.

— Это было! Было!

— И что пошло не так?

— Вот этого я и не знаю.

— Но...

— Если бы я понял, что случилось со мной дальше, понял то, что имело место в действительности, то, вероятно, мог бы сказать тебе, что пошло не так.

— А как ты думаешь, что все же произошло с тобой? Макинтош, хватит ходить вокруг да около, давай конкретнее. Что они сделали? Откармливали тебя, чтобы принести в жертву?

* Джапы — презрительное название японцев (прим. перев.)

– Принести в жертву? – пожал плечами Макинтош. – Да ничего подобного! Они откармливали меня, приводили меня в норму, чтобы потом отправить меня... ну... на небеса!

– Макинтош!

– Но они действительно собирались отправить меня туда. И они отправили меня туда, это факт. И факт, что...

– **К ОКНУ!** – прервал их вдруг Карсон.

Тут же загрели выстрелы. Кинг повернулся. Он увидел, как через разбитое окно в комнату влетел шар размером с бильярдный, светящийся молочным светом. Карсон выстрелил в него и промахнулся. На долю секунды шар завис в воздухе. И тут из горла Макинтоша вырвался крик, подобный которому Кинг никогда не слышало от человека. Это был вопль человека, которого подвергают пыткам, человека, потратившего остатки сил на этот безумный, выворачивающий наизнанку душу вопль.

Макинтош вскочил на ноги и ринулся к окну в противоположной стене комнаты. Шар секунду поколебался, затем метнулся за ним следом, настиг и, казалось, на миг прикоснулся к его коже. А затем исчез из виду.

Кинг на мгновение перестал его видеть. В то же время Макинтош снова завопил, но его вопль тут же превратился в какое-то бульканье. Бульканье смолкло, Макинтош стал падать. Он падал, когда шар возник позади его с другой стороны. Подскочил вверх к самому потолку, повис, затем покрылся красноватым туманом. Туман этот тут же исчез, и поверхность шара опять стала молочно белой.

Макинтош падал. Скорость, которую он развил, по инерции все еще несла его вперед, но ноги уже не держали. Он ударился о стену, осел на пол и больше не шевелился.

Шар метнулся вниз, завис над ним, затем снова поднялся и с безумной скоростью вылетел вдруг в окно.

Кинг выхватил из кармана фонарик, бросился вперед, наклонился, заслоняя фонарик, и направил его луч на Макинтоша. Затем выключил фонарик, выпрямился. Полные ужаса глаза Юла, не отрываясь, глядели на него. Сидящий у окна Карсон тоже повернулся к нему. Кинг вытер внезапно вспотевший лоб.

Макинтош был мертв. В груди у него была сквозная дыра. Крутая дыра, размером точно с этот безумный шар.

КИНГ ЗАСТЫЛ посреди комнаты, не двигаясь, не глядя ни на кого и не позволяя себе думать. Он слышал Син Юла, дышащего тяжело, как астматическая лошадь. У окна застыл Карсон.

Макинтош был мертв. Это невозможно! *Макинтош мертв!* Убит бильярдным шаром, который влетел в разбитое окно, а вылетел через окно на противоположной стороне. Где-то есть храм, которым правит человек по имени Акбад, а может, он и вовсе не человек. Что, черт побери, все это значит? Кожа на теле Кинга покрылась пупырышками.

– *ЙОООООУУ!*

Из бамбуковых зарослей вырвался вой, прорезав ночную тишину снаружи, вой, от которого волосы Кинга поднялись дыбом, а сердце бешено застучало.

– Они идут, Сэнди, – шепнул Карсон.

Кинг подкрался к окну. Из зарослей вышли темные фигуры. Карсон прицелился в них, но не стрелял. Они даже не пытались укрыться, и Кинг тут же понял, почему.

В воздухе перед ними танцевал шар. словно игривый светлячок, он подпрыгивал и крутился, неспешно направляясь к бунгало.

– Я могу скосить их, – прошептал Карсон.

– А *его* тоже? – спросил Кинг.

Могли ли они попасть в этот пляшущий шар. А если бы и попали, то повредили бы ему пистолетные пули?

– Сэнди, нам нужно решить, что делать, причем чертовски быстро, – сказал Карсон.

– Знаю, Кэл. Бороться или сдаваться. Жди меня, – ответил Кинг.

Он вышел наружу. Шар подпрыгнул вверх почти до верхушек растений, повис там на секунду, словно в удивлении, затем принялся описывать быстрые, эксцентричные круги, то кидался вперед, то отступал, ни на миг не оставаясь неподвижно. Люди остановились. Уголками глаз они наблюдали за шаром, словно ждали от него приказаний. Было их четверо, бородатых, с коротко подстриженными волосами, нагих, не считая сандалий и набедренных поязков. В лунном свете Кинг ясно их видел. Лица у них были как у европейцев, с тонкими носами и высокими лбами, но кожа черная, как у негров. У каждого в руке был изогнутый нож, а еще один торчал за поясом.

– Ну? – спросил Кинг.

Все четверо не двигались. Шар плясал над ними. Ночь была тиха. Кинг слышал, как бьется его сердце, чувствовал ритмичный пульс в висках. Молчание тянулось и тянулось. По лбу Кинга струился

пот, заливая глаза. Но он не осмеливался поднять руку и смахнуть его.

— Ну? — повторил он.

— Bravo! — ответил чей-то далекий голос. — Сильный парень. По-настоящему сильный!

Раздались какие-то мягкие шлепки, словно хлопали в ладоши, тоже далекие.

— Кто говорит? — прошептал Кинг.

— Я говорю, — ответил далекий голос. — Я, Акбад...

— Ты...

— Ты, кажется, узнал мое имя!

— Где вы?

— А где делают таких храбрецов, как ты?

— Не понимаю. Где вы?

Раздался далекий смех.

— Ты кажешься взволнованным, мой храбрец, — слова на этот раз прозвучали нечленораздельно, с каким-то шипением. — Скоро ты узнаешь, где я. Скоро ты все узнаешь. Ха-ха! А, может, попытаешься воспользоваться оружием, которое так нервно сжимаешь в руке? Или хочешь дать сигнал своим храбрым товарищам, чтобы они тоже начали стрелять? Ты ведь предпочитаешь так поступить, разве нет?

— Я могу так поступить! — ответил Кинг.

СКАЗАВ ТАК, он увидел, что светящийся шар перестал нарезать круги в вышине, а резко остановился, словно готовясь к прыжку. Как лев за долю секунды до выстрела. Кинг вспомнил Макинтоша, вспомнил, как его настиг шар, когда он попытался убежать, как шар легко пролетел сквозь него, словно раскаленный шарик через кусок масла.

— Ты хочешь стрелять? — с тревогой спросил далекий голос.

Но, помимо тревоги, в этом голосе слышалось нетерпение. Кинг понял, что Акбад хочет, чтобы он стал стрелять, хочет, чтобы он сопротивлялся. Макинтош сказал, что там, где он был, эти люди развлекали себя игрой. И, услышав в далеком голосе нетерпение, Кинг понял, какой дьявольской была эта игра.

— Вы победили, Акбад, — ответил Кинг. — Не будет сегодня никакой стрельбы. — Он бросил пистолет на землю перед собой. — Смотри! Я не стану сопротивляться. Карсон! Син Юл! Положите оружие и идите сюда. Не будет сегодня вечером никакой стрельбы, Акбад.

– Может, как-нибудь в другой раз? – с сожалением сказал далекий голос. – А, ну, в общем, если ты так желаешь, то пусть так и будет. Желания моих гостей священные, а вы теперь – мой гость. Мои слуги покажут вам, что делать. *Экнар эль сингто!*

Последние слова были на чужом языке. Все четверо мужчин тут же прошли вперед, повинаясь им. Знаками они показали, что трое то ли гостей, то ли пленников, должны следовать за ними. И повели их по тропинке через бамбуковые заросли вдоль края горы.

– Что делать, Сэнди? – спросил Карсон.

– Господи, Кэл, я понятия не имею, – воскликнул в ответ Кинг. – Нас поймали так же, как и Мака.

Он взглянул вверх. Над тропинкой, чуть выше уровня зарослей, летел мягко светящийся шар.

– Может, нам стоит напасть на них? – пробормотал Кинг.

– Мы умрем, если сделаем это, – ответил ему Кэл Карсон.

– Хочу намекнуть, что мы в любом случае уже мертвы, – сказал вдруг Син Юл, впервые нарушив молчание.

ХРАМ АКБАДА располагался на уступах скалистой расселины на вершине горы, которую небольшой отряд мог с успехом защищать хоть от целой армии. Они поднимались к нему всю ночь, конвоируемые двумя бородачами, идущими впереди, и двумя позади. А над ними плыл в воздухе шар, словно маленький, но чрезвычайно опасный сторожевой пес. Рассвет уже окрасил вершину горы, когда они добрались до храма. Храм принял, прижался к утесам, распластался на них, словно какая-то отвратительная жаба с толстым брюхом и ядовитыми бородавками. Он был древний, такой же древний, как горы вокруг. Огромные гранитные блоки, из которых состояли его внешние стены, были до блеска гладкими. Ни за год, ни даже за тысячу лет непогода не смогла бы до такой степени отполировать прочный гранит. Отдельные блоки были громадны и весили много тонн. Кинг видел гранитные блоки, из которых были построены египетские пирамиды, видел каменный блок в карьере позади разрушенного Баальбека. Те камни были столь велики, что современные инженеры не смогли объяснить, как их могли перетаскивать. Но блоки в этом храме были гораздо больше. Они выглядели гораздо старше пирамид, старше Баальбека, старше Ниневии, даже старше, чем библейские города на равнине древнего Авраама.

Древний, древний храм, припавший к горе, точно жаба, обнимающий гору, находился тут, в Верхней Бирме. Сопровождаемые бородачами, конвоируемые сверху летящим шаром, люди подошли ко входу и очутились в помещении, столь богато и гротескно обстав-

ленному, как Кинг никогда еще не видел. Ни у каких легендарных султанов Индии и магараджей не было столь мягких ковров, чем на полу этого храма, таких гобеленов, расшитых золотом и инкрустируемых драгоценностями на его стенах.

И ни у какого короля, султана, хана или царя не висело на стене такого изображения.

Это было изображение девушки, молодой женщины. Она сидела в свободной позе в резном антикварном кресле, голову ее украшала бесценная диадема. На шее висела цепочка с блестящим драгоценным камнем, так искусно нарисованным, что казалось, словно он действительно испускает белое сияние.

Кингу она показалась самой красивой женщиной, какую он когда-либо видел. Глядя на нее, он почувствовал, как кровь быстрее побежала по жилам. Это была девушка, какую он искал с тех пор, как ему стукнуло двадцать лет. Он искал ее по всей Земле, надеясь, что где-то, может, за следующим поворотом пути, она вдруг выйдет навстречу ему, или на очередном званом обеде их посадят рядом. Кинг ее так и не нашел, и вот сейчас увидел ее образ, написанный, насколько он мог судить, лучшим из всех художников на Земле. Да Винчи не смог бы добиться большего успеха. Рафаэль, Ван Дейк, Путти, Вержа – все они могли бы брать у него уроки мастерства, у этого художника, совершенно неизвестного живописца идеальных женщин.

Были здесь и другие изображения. Они покрывали все стены и даже потолок. Но Кингу они не понравились.

Это все были сцены охоты. В густых джунглях маленькие, гротескные люди преследовали тигра. Другая группа, вооруженная копьями, напала на льва. Третья окружала странного зверя, которого Кинг не сумел узнать.

– Клянусь Богом, это же саблезубый тигр! – пробормотал кто-то у него за спиной.

Это был Кэл Карсон, тоже рассматривающий картины.

– Я как-то побывал в Музее Палеонтологии в Чикаго, – продолжал Карсон. – У них там были рисунки животных, когда-то живших на Земле. Этот зверь был среди них.

– А ты не ошибаешься?

– Нет. Нельзя ошибиться, глядя на такие клыки. Но как... – внезапно он замолчал.

– Что «как»? – спросил Кинг.

– Мне тут пришла одна мысль, – нерешительно ответил Карсон. – Ученые Музея нашли кости саблезубого тигра. Затем они выяснили, как он выглядел, и художник нарисовал картинку. Но...

– Я тебя понял, – прервал его Кинг. – Я подумал то же самое. На Земле нет никаких саблезубых тигров уже десять, двадцать, а, может, и все пятьдесят тысяч лет. Как же здешний парень нарисовал *эти* изображения, откуда он узнал, что такой зверь когда-то существовал?

– Ты думаешь, что тот, который нарисовал все это, действительно *видел* саблезубого тигра? – спросил Карсон.

Кинг ничего не ответил. Там были и другие картины. Они понравились ему еще меньше. Все это были сцены охоты, но вот дичью на них были люди. И те же гротескные маленькие мужчины в ниспадающих одеждах были охотниками. И оружие у них было то же самое. *Это какая-то раса охотников*, подумал Кинг. Люди, нарисовавшие эти картины, имели лишь одну цель в жизни – охотиться.

Щелкнув, открылась дверь помещения. Кинг обернулся. Вошли рабы, несущие кувшины с парящей водой. Они отодвинули ширму в углу, открыв ванну, вырезанную из одного куска мрамора, и знаками показали, что пришли, чтобы помочь гостям выкупаться. Пожав плечами, Кинг шагнул вперед и первым освободился от одежды. Они искупались, затем облачились в чистую новую одежду. После этого вошли другие рабы, неся еду: тонкие ломти оленины, вазы с фруктами и приятное на вкус красное вино. Кинг с товарищами наелись до отвала.

– Королевская еда, – вздохнул Кэл Карсон. – Но я обменял бы все это на несколько гамбургеров с луком и картофель фри. Сэнди, куда, черт побери, мы попали?

ПРЕЖДЕ ЧЕМ Кинг успел ответить, снова открылась дверь. Вошли шесть девушек. Это были красивые девицы, лица смуглые, но все равно прекрасные. У Кинга отвисла челюсть, когда он понял, зачем они появились.

– А я-то думал, что у Мака были галлюцинации, – пробормотал он.

Карсон вдруг оробел. А Син Юл, напротив, оживился, темные глаза его масляно заблестели при виде этих девушек.

– Уходите, – бросил Кинг, махнув рукой в сторону двери.

Девушки пораженно переглянулись. Слов они явно не понимали, но жест Кинга был достаточно красноречив. Они заколебались.

– Выметайтесь! – рявкнул Кинг, снова указывая на дверь.

Девушки, точно напуганные кролики, выбежали из комнаты. Кинг повернулся к печально глядевшему Карсону и сверкавшему глазами Син Юлу.

— Черт побери, это же девушки! Зачем ты прогнал их? — возмутился китаец.

— Я хочу видеть Акбада, а не шлюх, — ровным голосом ответил Кинг.

— Твое желание выполнено, — внезапно пронесся по комнате чей-то голос.

Кинг завертел головой в поисках его источника. Карсон вскочил на ноги. Син Юл пригнулся, правая рука его метнулась к поясу в поисках ножа, которого там не было.

Комната была по-прежнему пуста. Когда раздался голос, принесшие еду рабы уже ушли. Через восточное окно потоком струился солнечный свет.

— Где-то здесь скрытый динамик, — пробормотал Кинг.

— Нет, — возразил ему голос. — Я здесь, в комнате, вместе с вами.

— Что?

— Вы ведь хотели видеть меня? Прекрасно. Смотрите.

Посреди комнаты, в ярком солнечном свете, возникло вдруг волнение, игра света фиолетового оттенка. Через пару секунд эти лучи стали такими яркими, что на них было уже невозможно смотреть. Затем все исчезло. А там, где только что была вакханалия света, стоял человек.

Он был высок, по меньшей мере, метр девяносто пять. И очень худой. Кожа оттенка зеленого лимона обтягивала его узкое, как на камее, лицо. Маленький рот, черные, утомленные и какие-то пресыщенные глаза завершали картину.

— Я Акбад! — сказал он.

III

— **ХОРОШИЙ ТРЮК**, — громко сказал Кинг.

— Это вы о моем появлении, — спросил Акбад. — Вы правы, хороший трюк. *И я могу исполнять его.*

— Можете, это уж точно, — согласился Кинг. — Но я все равно думаю, что это — трюк.

Акбад развел руками.

— А разве я утверждал обратное? Но *вы* тоже можете сделать так.

— Ну, нет, — мотнул головой Кинг. — Хотя был бы не прочь научиться. Может, вы расскажете мне, как это делаете?

Похожее на лимон лицо Акбада расплылось в улыбке.

— Ну, даже гости могут просить слишком уж многое.

— А мы гости?

— Разумеется, в настоящее время вы — мои гости.

– Гм-м... – задумчиво протянул Кинг. – Гости? Не соблаговолите ли вы тогда сообщить, какие права мы имеем... как гости?

– Я восхищаюсь вами, – сказал Акбад и повел рукой вокруг, став вдруг похожим на богача, показывающего свои сокровища. – Мои гости получают все это. На все время, что они остаются со мной, у них будет лучшая еда, из доступной в этой несчастной стране, роскошная обстановка, прекрасные картины, чтобы стимулировать воображение, все удовольствия, какие только можно представить.

– Мы будем получать все, что захотим?

– Да, все. Девушки...

– Включая привилегию пойти погулять за ворота? – прервал его Кинг.

– Конечно! – ответил Акбад. – Ничто не обрадовало бы меня больше. Однако... – в голосе его послышалось сожаление, – мой долг предупредить вас: вне этого замка существуют определенные опасности, и вы можете обнаружить, что долгая прогулка окажется трудной. Однако, если вы действительно захотите покинуть меня – это ваше право. Человек, который гостил здесь – как его звали? – да, точно, Макинтош. Он был моим гостем. И выбрал право уйти из моего замка. Разумеется, ушел он тайком, ночью, думая, что так будет безопаснее. Полагаю, в конечном итоге он обнаружил свою ошибку.

– Да, – мрачно сказал Кинг. – Думаю, Мак понял, что это ошибка, хотя не он допустил ее.

– Он не был покладистым, – сказал Акбад. – Должен сказать, он был просто безрассудным, не довольным всем, что мы могли дать ему. Мы сделали все, чтобы ему понравиться, но, тем не менее, он не был удовлетворен. Он был кем-то, кого вы называете янки. Возможно, это объясняет его поведение. Другие янки тоже были непокладистыми.

– У вас были и другие?

– Несколько раз, – признался Акбад. – Откровенно говоря, нам нужно их гораздо больше. Мы обнаружили, что они превосходно подходят для наших целей. Они – великие игроки для большой игры...

– Большой игры? – прервал его Кинг.

– Да.

– Что же, черт побери, это такое?

Акбад поклонился.

– Узнаете в свое время, – ответил он.

Там, где он стоял, снова возникли ослепительные фиолетовые вспышки и полосы, мельтешили несколько секунд, затем исчезли. А вместе с ними исчез и Акбад.

Кинг прислушивался, пристально глядя вокруг. В комнате не было ни малейшего движения, никаких шорохов. Где-то за гобеленами раздался легкий щелчок, словно закрылась дверь. Только и всего. Акбад исчез.

— **НЕ НРАВИТСЯ** он мне, Сэнди, — сказал Карсон. — Я хочу про-
верить, нет ли отсюда какого-нибудь тайного выхода.

Кинг наблюдал, а Карсон начал медленный, методичный осмотр стен. Кинг не спешил помогать ему. Побег из помещения, где они были в безопасности, не решит их проблем. А был ли вообще выход из данной ситуации, подумал Кинг, пытаясь вспомнить рассказы, которые он слышал об этой стране. За два года пребывания в Бирме он услышал много историй, в большинстве слишком фантастических, чтобы можно было им верить. Местные жители рассказывали, что где-то в горах есть зачарованный дворец. Крылатые тигры охраняют его, прячась в бамбуковых зарослях. Местные жители, разумеется, записные лгуны. Но ведь это же Бирма. Здесь все еще процветает культ тугов*. Цивилизация процветала здесь в те времена, когда Европа была дикой, а Америку населяли лишь кочевые племена индейцев. Это была древняя земля, а во всех древних землях кроется свое зло, зло памяти, часто основанной на мрачных фактах.

Кинг попытался вспомнить все, что слышал. Был историк, профессор Соренсон, ученый, приехавший в Верхнюю Бирму примерно за пять лет до начала войны. Британским властям он представился этнологом и получил разрешение исследовать эти края. Где-то тут он и исчез. Тогда же исчезли и несколько американских летчиков, у самолетов которых отказали двигатели. Некоторые успели радировать, что двигатели перестали работать. Но немногим удалось выйти из джунглей. Что случилось с исчезнувшими? Где-то здесь потерпел крушение самолет В-29. Никто больше не слышал об его экипаже. Несмотря на обширные поиски, так и не узнали, что с ними произошло.

Макинтош... Кинг вспомнил его слова, пролетевшие тогда мимо ушей. Мак сказал, что столкнулся с чем-то невозможным. Намекнул на сокровищницы, полные драгоценностей, которые могли бы

* Религиозная секта тугов в Юго-Восточной Азии практиковала ритуальные удушения (прим. перев.)

обогащать их. Мак сказал, что являлся пленником, но упомянул, что думал, что сумеет в любой момент сбежать. Но бежать он не хотел, пока не раскрыл какую-то тайну.

Мак так и не сказал, что это за тайна. Очевидно, он так ее и не раскрыл. Он только малопонятно бормотал: «Это нечто великое, Сэнди, такое чертовски великое, что я не хочу о нем говорить. Пожалуйста, Сэнди, доберись до нее, если сумеешь».

И теперь Макинтош лежит мертвый в темном бунгало, с проделанной в груди дырой.

КИНГ РЕШИТЕЛЬНО заставил себя не думать о том, как умер Мак. Этот проклятый летающий шар – что это было? Им явно управлял Акбад, но что это такое? Какое-то механическое устройство с микроскопическими, но мощными приемником и передатчиком? Оно выпускало какой-то луч, раскаленный луч, прожигавший в человеке дыру? Или оно... Она была живая, эта тварь, вышедшая из самого ада? Кинг понятия не имел об этом. Он даже не понимал, о чем говорил Макинтош, когда упомянул, что преследовавшие его убийцы играют в игру. Что это была за игра, целью которой являлась смерть?

А Акбад... кто он такой? Макинтош с большими сомнениями говорил об Акбаде. Он даже не был уверен, человек ли Акбад. Где Акбад научился говорить по-английски? А если он не человек, тогда кто? Мысли беспорядочно крутились в голове Кинга. Исчезновение Акбада было потрясающим, но не таким уж невозможным. Кинг знал, что ученые Западного мира решили проблему создания невидимости, по крайней мере, теоретически. И вполне возможно, что здесь, на Востоке, какие-то неизвестные ученые перешли от теории к опытам и преуспели в создании плаща-невидимки. Но все равно оставались сомнения. Кто такой Акбад? Человек он или... что-то еще?

Кинг устал, настолько устал, что не мог уже размышлять. Чтобы достойно встретить опасности, которые, как он мрачно подозревал, предстоят им в будущем, он должен отдохнуть и выспаться. Заставив себя расслабиться, он постепенно уснул.

Проснулся Кинг, как всегда, резко и сразу. Где-то бил барабан. Он слышал ритмичные удары, доносящиеся из двери комнаты. Они становились все громче.

Тусклое сияние струилось из окна. Значит, Кинг проспал весь день, и уже наступила ночь. В темноте он услышал, как зашевелились Карсон и Син Юл.

– Ты слышишь это, Сэнди? – прошептал Карсон.

Кинг кивнул. Его рука невольно метнулась к бедру, нащупывая отсутствующее там оружие. Барабан приближался. Дверь открылась.

В комнату, танцуя, двигаясь по спирали, пульсируя знакомым уже молочным сиянием, влетел бильярдный шар, метнулся наверх и занял позицию под потолком, продолжая подсакивать и кружиться.

За ним в дверь вошли восемь стражников с обнаженными кинжалами.

Кинг услышал, как заворчал Карсон и зашипел от страха Син Юл, и медленно поднялся на ноги.

— Что это значит? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. Снова издали послышался голос Акбада:

— Следуйте за стражниками.

ДВОЕ НАГИХ чернокожих возглавили шествие, остальные держались позади. Знаками они указали, что Кинг, Карсон и Син Юл должны встать посередине. Кинг не шевельнулся. Он стоял посреди комнаты, уперев руки в бедра.

— Что? — спросил Акбад.

Это был точно его голос, хотя оказалось невозможным определить, откуда он исходит. Одно было бесспорно: Акбад видел каждое их движение. Он мог быть тут же в комнате, но мог находиться и где-то в другом месте.

— Куда мы идем? — спросил Кинг.

— Играть в большую игру.

— Что это такое?

Акбад рассмеялся, но смех его был безрадостным.

— В свое время научитесь ей.

— А если мы не захотим учиться.

Акбад заколебался, словно слегка удивленный.

— В таком случае... Но у вас нет выбора.

— Всегда есть выбор, — мрачно возразил Кинг.

Акбад, казалось, задумался.

— Да, это так, — сказал он, наконец. — *Хъяй танг!* — произнес он на неизвестном языке.

В полутемной комнате Кинг не мог точно определить, как отреагировали стражники на сказанное Акбадом. Они не шевельнулись, но Кинг точно знал две вещи: то, что их глаза пристально смотрели на него, и то, что они, казалось, перестали дышать.

Он сделал примирительный жест рукой.

— Вы по-прежнему настаиваете на свободе выбора? — с сомнением спросил невидимый Акбад.

— Что мы можем еще, кроме как подчиниться, перед такой убедительной демонстрацией? — вздохнул Кинг.

Кивнув Карсону и Син Юлу, чтобы они тоже повиновались, он встал на указанное стражниками место. Остальные двое выглядели разочарованными.

— В следующий раз можете проверить остроту их кинжалов, — сказал им Кинг.

Двое стражников во главе шествия пошли из комнаты. Кинг и его товарищи последовали за ними. Их провели через гигантское помещение, которое когда-то было, очевидно, банкетным залом, вывели во внутренний дворик, где Кинг мельком увидел возвышающуюся над ними гору. Затем процессия направилась к высившейся наверху у подножия утеса круглой крепости. Там другие стражники поспешно отворили перед ними дверь. Их ввели в туннель. Стражники зажгли факелы.

Позади, по-прежнему летая по спирали, двигался по воздуху шар. Казалось, он стерег каждое движение то ли гостей, то ли пленников. Кингу не хотелось проверять, что будет, если они внезапно решат вырваться на свободу.

Шар наверняка погнался бы за ними, как прежде гнался за Макинтошем!

Идти стало трудно.

Невидимый ветер, вырывавшийся из туннеля, словно пытался не дать им пройти. Кингу пришлось пригнуться, чтобы двигаться вперед. Стражники, Карсон и Син Юл сделали то же самое.

— Почему, черт побери, так трудно идти? — спросил Карсон.

— Не знаю, — пробормотал Кинг.

Туннель, казалось, был проделан на месте древней пещеры. Местами стены вдруг расступались так далеко, что скрывались из глаз, в других местах над пропастями были построены каменные мосты. Подкованные ботинки американцев глухо стучали по камням, когда они прошли над пропастью, уходящую куда-то на головокружительную глубину.

Невидимый ветер становился все сильнее. Передовые стражники уже скрючились чуть ли не пополам, борясь с ним.

Внезапно Кинг понял, что это вовсе не ветер. Не чувствовалось никакого перемещения воздуха. Это, скорее, было давление, все нарастающее давление, действующее на все тело.

Ветер, который не ветер. Кинг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Куда их ведут? В какую игру играют здесь, в самых недрах горы?

Потом они оказались перед какой-то круглой камерой. Стражники остановились. Подняв факелы на всю длину рук, они заставили Кинга и его товарищей выйти вперед.

Невидимый ветер стал еще сильнее. У него, казалось, был какой-то источник здесь, в круглой камере в недрах горы. Очень медленно, осторожно Кинг пошел вперед.

Давление стало таким сильным, что он едва мог двигаться. Поток невидимого ветра, казалось, пульсировали уже внутри его тела, давя на каждую молекулу. Кинг наклонился еще круче. Под таким углом он должен был уже упасть. Но не падал. Его поддерживал невидимый ветер, не давая упасть. Син Юл и Карсон медленно следовали позади.

Стражники остались у входа, не входя в круглую камеру.

Пещера, туннель, камера, дыра — что бы там ни было, это было проделано в твердом граните. Очевидно, в глубокой древности, какая-то конвульсия земли образовала здесь пузырь. Когда лава застыла, образовалась эта камера. Гранит охладился, камера осталась.

Камера, через которую тек поток невидимого ветра.

— До свидания, — откуда-то издалека донесся шепот Акбада.

Давление стало еще сильнее. На мгновение Кингу показалось, что вокруг него воет безумная буря. Ветер, казалось, подхватил его и швырнул, точно пучок соломы. Он был смят и брошен в десяток направлений сразу.

Последним его впечатлением было ощущение падения.

Потом, словно выключили свет, погасло сознание.

IV

— **ПОРА БЫ ТЕБЕ** уже начать шевелиться, приятель, — послышался чей-то голос.

Это был утомленный голос, не очень-то за заинтересованный тем, что говорил. Кинг прислушался, не открывая глаз.

Он не был уверен, что у него хватит сил их открыть. И тем более не было уверен, что ему хочется увидеть то, что возникнет вокруг, когда он откроет глаза. Он чувствовал боль, вернее, тысячи раскаленных докрасна иголок, протыкающих все его тело. Ему казалось, будто он вывернут наизнанку, словно все мышцы и кости были выкручены, а затем возвращены на места чьими-то неумелыми руками. Он лежал неподвижно, как человек, пострадавший в какой-то аварии так, что сам теперь удивлялся, что еще жив. Боль, пронизывающая его, была прародительницей всех болей на свете. Это была боль с заглавной буквы Б. Самая сильная боль, из всех существующих на свете.

Снова раздался утомленный голос:

– Ну, давайте же, парни, подъем, – сказал он.

Кинг не шелохнулся.

И тут заговорил второй голос. Говорил он так быстро, словно щебетала птица.

– Можетбытьониумерли, – проговорил он, соединяя все слова вместе.

Кинг все равно не стал шевелиться. Если он умер, то его больше ничего не должно волновать. Что с ним вообще произошло? Он попытался вспомнить. В голове стоял сплошной туман. Смутно он вспомнил кого-то по имени Акбад, который говорил о том, что нужно играть в какую-то игру.

Кто-то совсем рядом вздохнул, Вздох тут же перерос в стон.

– Если они еще не мертвы, то скоро умрут, – заметил утомленный голос.

Кинг для проверки шевельнул рукой. К его удивлению, рука послушалась.

– Одинадцатизнаешьшевелиться! – возбужденно прошептал говоривший, как птица. – Они живы. Мыдолжныпомочьим!

– Зачем? – спросил утомленный голос. – Если они умирают, то и нечего им пытаться остаться в живых в этой проклятой стране. А кроме того, я устал, – добавил он.

– Мыдолжныимпомочь! – настаивал птичий голос.

– Ну, так *ты* и помогай, – ответил утомленный голос. – Иди *туда* и вытаскивай их.

Птичий голос молчал.

КИНГ ЛЕЖАЛ неподвижно. Он обнаружил кое-что новенькое: что-то, словно давление проточной воды или порывов ветра, проносилось сквозь его тело. Оно напирало на него, стараясь отпихнуть. Кинг стал думать об этой воде или ветре. Они ему явно не нравились.

Он смутно почувствовал, что рядом кто-то шепчет на странной смеси языков, похожих на китайский, бирманский и японский. Снова раздался стон. Кинг подумал о том, что стоит открыть глаза. Но это усилие показалось ему чрезмерным.

– Что здесь происходит? – раздался третий голос.

Это был женский голос, резкий, точно удар кнута. Что-то подсказало Кингу, что говорившая уже увидела, что происходит, и это ей ничуть не понравилось.

Захотев увидеть эту женщину, Кинг все же решился открыть глаза. Но тут же снова зажмурился. Его ослепил солнечный свет.

Однако, он успел увидеть, что лежит в каком-то, напоминающем чашу углублении, очевидно, вырезанном в твердой скале. А на краю углубления, глядя на него сверху вниз, стояли два оборванных бородача. За ними виднелись деревья. А еще на краю углубления была девушка.

— Почему вы до сих пор не вытащили их оттуда? — требовательно спросила она.

Мужчины смущенно полезли в чашу. Девушка опередила их. Сбросив сандалии и оставшись в одном коротком платье из шкуры какого-то зверя, она скользнула вниз в чашу с грацией оленя.

Кинг попытался подняться. Но сумел только сесть. Девушка склонилась над ним. У нее были голубые глаза, гладкая, загорелая кожа, а на носу — веснушки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Теперь, когда увидел вас, гораздо лучше, — ответил Кинг, вытирая пот со лба. — Вы простите меня, я немного... дезориентированный. Где я? Что случилось? У меня только какие-то туманные обрывки... О, привет, Кэл. Это ты стонал?

— Я.

Только тут Кинг заметил, что оба его товарища находятся рядом. Карсон пытался подняться. Син Юл, мигая своими миндальными глазами, пополз к краю чаши.

— Да, это я стонал, — повторил Карсон. — Хочешь узнать что-то еще? — Взгляд его обошел чашу, скользнул по деревьям, растущим на уступах над ней, перешел к девушке и двум бородачам, которые уже спустились вниз и стояли возле нее. — Последнее, что я помню, Сэнди, так это пещеру Акбада. Ветер дул... Ей-Богу, он по-прежнему дует! Я чувствую его! Но... что происходит, Сэнди?

— Именно об этом я и спрашивал эту леди, — ответил Кинг.

— Поговорим об этом позже, — ответила девушка. — А сейчас нам нужно выбраться отсюда.

— Давай, приятель, вставай, — сказал один из бородачей, склоняясь над Кингом и помогая ему подняться на ноги.

Именно у него был утомленный голос, который Кинг слышал раньше.

— Меня зовут Грег, — продолжал бородач. — Грег Доусон. Пойдем, пойдем. Когда Леда говорит выбираться отсюда, то нужно выбираться. Она знает, что говорит.

Доусон помог Кингу добраться до стенки чаши, но они еще не вскарабкались на нее, когда уже Кинг помогал Доусону, а не наоборот. Кинг понял, почему голос Доусона звучит так устало, и почему он прежде так не хотел спуститься в чашу и помочь им. Доусон

действительно был уставшим. Совершенно лишенный сил. Он совершенно задохнулся, прежде чем они преодолели стенку чаши.

— Прости, старина, — сказал он. — У меня совсем не осталось сил.

— А что случилось? — спросил Кинг.

— Что случилось? Да ничего особенного. Просто вчера была моя очередь убегать, вот я сегодня и такой усталый.

— Убегать? — переспросил Кинг.

Что-то такое прозвучало в голосе Доусона, что ужаснуло его.

— А, да, я и забыл, что ты еще ничего не знаешь о беге. Ну, скоро всему научишься.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ КИНГ успел узнать еще хоть что-то, девушка Леда прервала их беседу, попросив уходить. От чаши вела лишь одна извилистая тропинка, напоминающая след дичи. Вокруг и позади чаши стеной стоял лес. Кинг немало повидал джунглей, но никогда еще не встречал таких. Гигантские деревья взметались ввысь на сотни футов. За них цеплялась масса различных лоз и лиан. Кинга сразу же встревожили две вещи. Во-первых, он не узнал ни одного дерева. Все они были ему совершенно незнакомы. Во-вторых, в этих джунглях не было видно ни животных, ни птиц. Густые кроны деревьев крышей смыкались над ним. Так что внизу, на земле, было прохладно и темно. Где-то вдалеке Кинг услышал — или ему показалось? — какое-то гудение, словно звуки гигантского органа. И от этого звука почему-то по телу пробежал холодок.

Девушка вела их в быстром темпе, слишком быстром для Доусона, который почти сразу же стал отставать и вскоре остался где-то позади. При этом Кинг заметил, что ведет она их, где возможно, по твердой, каменистой земле, явно прилагая все усилия, чтобы скрыть их следы. Ни упавшего листочка не касалась она на земле, ни веточки не сломила на ходу.

— Иначе они могли бы найти наш след, — пояснила она в ответ на вопрос Кинга.

— Они? — спросил Кинг. — О ком вы говорите?

Девушка не ответила, но Кинг видел, что она постоянно настороже. Глаза ее быстро осматривали каждое дерево, каждую полянку, каждый просвет в кронах наверху. Двигалась она с гибкой настороженностью индейца, который подозревает о близкой опасности и для которого настороженность — вторая натура.

— Туда, — сказала она, указывая на скалу у основания высившегося впереди утеса. — Держитесь поближе к утесу.

Они шли гуськом. Откуда-то доносился звук падающей воды. Девушка явно вела их туда. Потом впереди оказался водопад —

река, текущая сверху, падала на пятнадцать-двадцать футов вниз, где был бассейн с зеленоватой водой, постоянно бурлящей и разлетающейся брызгами.

— За мной, — велела девушка и нырнула в водоем.

Кинг заколебался. Потом голова ее показалась на поверхности, она встала и пошла по воде прямо к водовороту падающей воды. Тогда Кинг тоже нырнул в водоем. Когда он появился на поверхности, то по всплескам воды понял, что Карсон и Син Юл следуют за ним. Течение быстро понесло их к водопаду. За завесой падающей воды, Леда, в коротком платье, сверкающем от капель, протянула руку, помогая им забраться на выступ, где ждала их. За ней открывался вход в темную, влажную пещеру.

— Мы выжили лишь благодаря этой пещере, — сказала она. — Они пока что не нашли ее.

СНОВА ПРОЗВУЧАЛО это таинственное «они». И снова девушка не стала ничего объяснять. Вместо этого она велела Кингу взять ее за руку, а Син Юлу и Карсону взяться за руку Кинга и такой цепочкой повела их вглубь пещеры. Кинг не сопротивлялся. Как слепые ягнята, они вполне могли последовать за ней на бойню. Но Кинг доверял этой девушке. У нее были голубые глаза и веснушки на носу, к тому же, она говорила по-английски. Правда, Акбад тоже говорил по-английски.

Путь, по которому она вела их куда-то вверх, был легче, гораздо легче, чем восхождение из чаши. Здесь невидимый ветер не дул им навстречу. Кинг не сразу понял, что ветер этот вообще прекратился, как только они выбрались из чаши-ямы.

Вскоре Кинг потерял всякую ориентировку. Они могли пройти милю или все пять — в темноте он не мог этого определить. Наконец, Леда ввела их в небольшую комнату, явно созданную силами природы. Из отверстия в дальней стене лился поток солнечного света. В комнате стояло несколько плетеных стульев, явно самодельных, стол, вырубленный из ствола дерева, и две кровати, покрытые шкурами.

И еще в комнате был человек. Он поднялся при их появлении.

— Хочу познакомить вас с моим отцом, — сказала Леда.

Человек был высоким и худым. Одежда его превратилась в лохмотья, почти все лицо закрывала густая борода. Как и у Доусона, у него был вид смертельно уставшего человека. Только глаза, казалось, жили у него на лице. Он обменялся с ними рукопожатиями и спросил, как их зовут.

— Не могу сказать, что рад видеть вас, — сказал он. — Простите, но я жалею об этом ради вашей же пользы. Однако, вы здесь, и этого уже не изменишь. Меня зовут Соренсон, Джеймс Соренсон из Музея Палеонтологии.

— Соренсон! — воскликнул Кинг. — Не профессор ли Соренсон? Соренсон учтиво поклонился.

— Совершенно верно, — сказал он. — Значит, вы слышали обо мне? Казалось, он был очень доволен этим.

— Только то, что вы исчезли, как, кажется, исчезли и мы сами, где-то в Бирме несколько лет назад.

Соренсон глянул на него острыми глазами.

— Да, — сказал он после недолгого молчания. — Мы с дочерью исчезли. А так, как вы находитесь здесь, то, разумеется, вы исчезли точно так же.

— Ну, — сказал Кинг, — наконец-то мы попали туда, где сможем хоть что-то узнать.

Соренсон улыбнулся, но тут же опять посерьезнел.

— На некоторые вопросы я могу ответить, — кивнул он. — Но не на все. Есть много такого в этой проклятой земле и том адском храме, где правит Акбад, что я до сих пор не могу понять. Но я расскажу вам то, что знаю.

При этом он покачал головой, поколебался, словно не был уверен, с чего начать.

V

— **ПЕРВЫМ ДЕЛОМ** я хотел бы узнать, — помог ему Кинг, — где мы находимся?

Это был вопрос, который не покидал его с тех пор, как он пришел в сознание в гранитной чаше. Где они? Им навстречу дул странный ветер. Может, он унес их... Но куда?

Соренсон кивнул.

— Я вас понимаю, — сказал он с сочувствием в голосе. — Простите, но я не могу сказать вам, где вы находитесь. Это помогло бы вам. Это помогло бы даже мне.

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Боюсь, что не знаю, — ответил ученый и пригладил бороду, закрывающую лицо до самых глаз — встревоженных, умных глаз. — Но я знаю название этого места. Аккан. Но является ли Аккан Землей спустя миллион лет после нас, или Землей за миллион лет до появления на ней Рода Человеческого, планета ли это в нашей Солнечной системе или планета за тысячи световых лет от Солнца — этого я не знаю.

– Что? – закричал Кинг. – А чем, разрази вас гром, вы говорите?

Словно безумные призраки, слова Соверсона заметались в его голове. Земля, какой она была миллион лет в прошлом! Или Земля через миллион лет в будущем. А, может, вообще не Земля! Возможно, это какая-то иная планета, находящаяся черт знает где! Может, Соренсон просто сошел с ума? Не бред ли это его больного разума?

– Все верно, – ответил Соренсон спокойным и твердым голосом. – Я не знаю. Я не знаю, знает ли даже Акбад или те дьяволы, – он махнул куда-то в направлении источника света, – знают ли это они сами... Видите ли, где мы находимся... Все зависит от того, куда нас забросил теллурический ток.

– Теллурический ток? – переспросил Кинг.

– Вы чувствовали его в яме, – объяснила Леда. – Похоже на ветер. Вот этот-то ветер и есть то, что папа называет теллурическим током.

– Да, – кивнул Соренсон. – Это теллурический ток. Точнее, я не знаю, что это такое, но думаю, что это – естественный ток Земли – поток некоей неизвестной силы. Он похож на тяготение, с одним лишь исключением, что тяготение – это сила, известная на Земле и проявляющая себя повсюду. А эта сила на Земле неизвестна и, кажется, существует лишь в недрах одной горы в неизведанной области Верхней Бирмы.

Кинг мрачно кивнул. Он знал, что такое тяготение, поэтому не мог сомневаться, что существуют другие, пока что неизвестные силы. Был ли Соренсон в здравом уме или нет, но Кинг не сомневался, что то, что он называл теллурическим током, существует в действительности. К тому же он сам почувствовал давление невидимого ветра. Он помнил это слишком ярко, чтобы сомневаться в его существовании.

– Но... – начал было он.

– Мы прошли через недра той же горы, – перебил его Соренсон, кивнув в сторону Леды. – Мы тоже были гостями Акбада, как Дюсон и все остальные, кто попадал сюда. Теллурический ток подхватил нас в пещере, проходящей через ту гору, и перенес сюда... Вот только я не знаю, куда именно. – Он заколебался, подыскивая слова. – Представим, что вы вошли в пещеру и попали в подземную реку. Вода понесла вас. Вы потеряли сознание. В итоге, вы пришли в себя и оказались в чужом краю, за много миль до начальной точки вашего путешествия. Теллурический ток похож на такую подземную реку. Он подхватывает и уносит вас. И приносит сюда. Но вы не знаете, куда именно.

— Но можно же это определить, — упрямо возразил Кинг.

— Нет, нельзя, — ответил Соренсон. — Ни вам это неизвестно, ни мне. Может быть, ток перенес нас во времени, может, в пространстве, а может, одновременно и в пространстве, и во времени. Так что, повторяю, мне неизвестно, где мы, за исключением того, что мы находимся на земле Аккан, и что Аккан может быть где угодно во Вселенной. Я точно знаю, что говорю. — Он снова махнул рукой в сторону окна. — Ночью небо полно звезд. Я не астроном, но изрядную часть жизни провел в экспедициях. Иногда мне приходилось искать путь по звездам, так что я знаю все крупные звезды, видимые с Земли. С тех пор, как мы очутились здесь, я ночь за ночью наблюдал звезды в небе Аккана. Если бы Аккан находился на Земле, то я узнал хотя бы некоторые созвездия. Конечно, через миллион лет расположение звезд должно измениться настолько, чтобы стать неузнаваемым, поэтому я и говорю, что мы можем оказаться в далеком прошлом или будущем. И вот, наблюдая здешние звезды, я не сумел распознать ни единого созвездия.

ОН ГОВОРИЛ уверенно и жестко. Не только слова, но и сама манера говорить убедили Кинга, что Соренсон знает, о чем говорит. Ученый говорил правду.

Правда была в том, что они потеряны. Потеряны в необъятности времени, потеряны в не меньшей необъятности космоса. И никто не может сказать, где именно

Акбад зашвырнул их сюда.

Зачем?

По какой причине это тощее чудовище швырнуло их в мир Аккана?

Кинг пристально поглядел на Соренсона.

Ученый кивнул.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал он. — Вы хотите знать, зачем Акбад забросил вас сюда. Причину найти не трудно. Акбад — поставщик для имперских охотничьих угодий Аккана. Это его работа в том проклятом храме, и он старательно выполняет ее — обеспечивает материалом для игры в королевских заповедниках.

Мысли Кинга смешались. Краем глаза он взглянул на Карсона. Карсон внимательно прислушивался к их разговору и выглядел теперь испуганным. Кинг почти никогда не видел Карсона испуганным. Коричневое же лицо Син Юла стало желтым. Доусон, пришедший после них, опустился на одну из циновок с болезненной grimасой на лице. Леда подошла к окну и выглянула наружу с отвлечением на лице.

— Для игры? — хрипло спросил Кинг. — Игра для заповедника? О чем вы говорите?

— Мы — цель этой игры, — мрачно сказал Соренсон. — Так же, как на Земле, где миллионеры владеют специальными заповедниками, в которых играют в охоту, на Аккане такой заповедник принадлежит королю. И в здешней игре в охоту аккане вместо оленей, медведей, львов или слонов предпочитают людей.

Его мрачный голос умолк. Большая игра! Макинтош говорил об игре, сказал, что убийцы, идущие за ним по пятам, играют в игру. Вот она, игра, игра в охоту, причем, в охоту на людей! На Земле были подобные исторические прецеденты. Римляне, в эпоху упадка Рима, выводили на ринг гладиаторов для кровавых сражений. Аккане используют людей в качестве добычи в своих охотничьих угодьях.

Кинг проглотил комок в горле и пожал плечами.

— Думаю, они вскоре поймут, что мы довольно жестоко играем, — сказал он.

— Они уже совершили это открытие, — отозвался Соренсон. Им нравится охотиться в своих заповедниках на людей, потому что люди — хорошие бойцы, потому что они сопротивляются, их трудно поймать и трудно подстрелить. Люди являются изюминкой их спорта! Вот почему мы им нравимся. Мы заставляем их попотеть, прежде чем умрем... Что там, Леда?

ДЕВУШКА ВНЕЗАПНО отвернулась от окна и направилась к ним.

— Взгляните сами! — прошептала она.

За окном была длинная, круто спускающаяся долина. Она была покрыта деревьями, а посреди текла речка. Сразу же под окном была каменистая поляна.

Кинг пробежал взглядом долину и замер. Глянув вниз, он увидел то, что видела Леда. Но это было не там, не на дне долины. Эта штука висела в воздухе футах в пятидесяти от окна.

Прозрачный стеклянный пузырь! Он повис, как громадная капля дождя, блестящая в солнечном свете. Нижняя часть ее была чуть обтекаемой. Сбоку виднелась дверца, а внутри было какое-то механическое оборудование, очевидно, нужное для того, чтобы управлять пузырем. Но Кинг сосредоточился не на самом пузыре. Его внимание было сконцентрировано на том, кто был внутри.

А в пузыре сидела и управляла им, внимательно разглядывая землю внизу, девушка.

Это была та самая девушка, изображение которой висело на стене в храме Акбада, девушка, гениального художника, картину которого Кинг видел в храме.

Ее портрет висел в храме Акбада. И вот теперь здесь, в Аккане, она летела в стеклянном пузыре. Сердце Кинга подпрыгнуло, как только он увидел ее. На таком расстоянии нельзя было ошибиться. Это была та же девушка. Она была так близко, что Кинг видел ямочку у нее горла, видел, как изящно склонила она голову, разглядывая землю внизу.

– Кто... кто это? – невольно спросил он.

Кинг услышал судорожный вздох Леды и, повернув голову, увидел, как побледнело ее лицо.

– Это сама Авена, – прошептала Леда. – Она... она – принцесса Аккана.

– И что она там делает?

– Наблюдает.

Краешком глаза Кинг уловил какое-то движение внизу на поляне. Там из зарослей деревьев выскочил человек, огляделся и поспешно бросился обратно. Движения его были так быстры, что Кинг не был уверен, что вообще видел его. Но Авена его увидела. Кинг увидел, как она что-то сделала внутри с управлением. Пузырь беззвучно рванулся в воздухе и повис над поляной. Из отверстия в одной стороне пузыря вылетел маленький белый шарик. Первой мыслью Кинга было, что Авена бросила бомбу. Но тут же он узнал этот шарик.

Это был шар размером с бильярдный! Один из летающих шаров Акбада! Такая же бело-молочная сфера, которая прошла насквозь через Макинтоша!

– Господи! – прошептал он.

– Вы уже знаете, каков этот белый шар? – спросила Леда.

– Я знаю, что он может сделать, – ответил Кинг. – Но я увидел внизу человека. Кто это?

– Диллон, – ответила девушка. – Вы должны его помнить. Он был у ямы вместе с Доусоном, когда я подошла.

– Помню его. Щебечет, как птица. При разговоре сливает вместе слова. Но что он там делает?

– Сегодня его очередь работать, – ответила Леда.

– Его очередь работать?..

– Смотрите!

Стеклянная сфера Авены зависла над деревьями. А под кронами леса маленький белый шар рыскал в зарослях, точно охотничья собака, бегающая по полю в поисках запахов. Впереди, на поляне,

снова что-то мелькнуло, это Диллон показался на мгновение. Авена тут же направила туда стеклянный пузырь. Шарик летел перед нею, за ним тянулась штриховая линия, словно выхлоп дыма, тут же тающий в воздухе.

— Вы видите, — медленно проговорила Леда, — как охотится Авена.

— Теперь понятно, — сказал Кинг.

Голос у него был сухим и скрипучим, словно напильник, проходящий по металлу. В голове метались суматошные мысли. На стене дворца Акбада он увидел картину, изображающую эту девушку. Она словно символизировала собой все прекрасное, что может быть в мире. Теперь он встретил ее здесь, в невероятном мире Аккана, летающей в стеклянном пузыре и охотящейся на людей. Эта мысль, словно нож, вонзилась ему в сердце. Он смотрел, не открываясь, на то, что происходило внизу.

Авена в стеклянной сфере повисла над тем местом, где был замечен в последний раз Диллон, а бильярдный шар летал где-то внизу. Король знал, что где-то там за ним наблюдает Диллон, нервно вертя головой и ища место, где можно укрыться. Кинг знал, о чем сейчас думал Диллон. Смерть искала его, и Диллон прекрасно знал об этом. Внезапно стеклянный пузырь полетел дальше.

— Он слишком часто показывается, — с отчаянием сказала Леда. — Он слишком рискует.

КИНГ МОЛЧА глядел за продолжением поисков. Авена в своем пузыре висела над лесом. Охотник за крупной дичью, прячущийся на склоне и знающий, что в чаще внизу есть олень, походил бы на нее, пристально глядящую вниз, держа оружие наготове. Авена постепенно перелетала с места на место. Внезапно стеклянный пузырь замер в воздухе, и откуда-то издалека донесся крик, крик, полный страха и ярости. Он эхом отразился от склона и замер. Кинг молча глядел. Авена направила свой пузырь вниз, за деревья. Через минуту она скрылась из поля зрения. Затем ее пузырь вновь оказался в воздухе. Из него торчал рычаг, на котором висело человеческое тело. Пузырь быстро улетал куда-то вдаль. Авена возвращалась домой с удачной охоты. Еще одна голова украсит ее комнату для трофеев. Кинг отвернулся. Леда прислонилась к стене, спрятав лицо в ладони. Плечи ее дрожали от рыданий.

— Я хотел спросить только одно, — сказал Кинг. — Вы сказали, что сегодня была его очередь работать. Что вы имели в виду?

Леда подняла голову. Слезы блестели у нее на щеках.

— Мы выходим по очереди, — сказала она.

— Продолжайте.

Она вытерла рукой глаза.

— Эта пещера — единственное безопасное место, — объяснила она. — Аккане не знают о ее существовании. И пока они не обнаружат ее, мы в безопасности. Но когда поблизости появляется поисковый отряд, один из нас выходит наружу, чтобы увести их подальше.

Соренсон откашлялся.

— Есть и еще причина, почему мы не хотим, чтобы они появлялись здесь, — нерешительно сказал он.

Кинг пристально посмотрел на девушку.

— Значит, Диллон специально подставлялся? — спросил он.

Леда кивнула.

Кинг откашлялся.

Этот маленький человечек с щебечущим голосом оказался героем. Выглядел Диллон непрезентабельно: оборванная одежда, небритое лицо, небрежные манеры. Трудно было представить его героем. Но судить о человеке следует не по внешности, а по тому, что у него в душе. Возможно, в душе у Диллона было все, что требуется настоящему мужчине.

Внезапно Кингу пришла в голову одна мысль, и он отвел от Леды глаза.

— Мы сменяемся? — резко сказал он. — Что значит: *мы*?

Глаза девушки сверкнули.

— Разумеется, я принимаю в этом участие. Все принимают, кроме папы, мы не позволяем ему это делать, потому что... потому что... — Она запнулась и умолкла.

Но Кингу и не нужно было объяснять, почему Соренсону не позволяли принять участие в этой мрачной игре в прятки в джунглях снаружи. У ученого там не было бы ни единого шанса. Он был слишком стар для игр, особенно для игр, в которые играли здесь, в Аккане.

Доусон поднялся с циновки.

— Вчера была моя очередь работать, — медленно проговорил он. — Мне сопутствовала удача. Я ушел. В основном, мы побеждаем. О-о! — прорывался он, добела стискивая кулаки, на скулах его вспухли желваки. — Диллон был лучшим хвостовым стрелком, когда-либо поднимавшимся в небо! — с трудом выговорил он. — Когда-нибудь... Когда-нибудь мне повезет отомстить за него, черт бы их всех подрал!

Голос его прервался, он резко выскочил из комнаты. Кинг посмотрел ему вслед. Значит, Доусон, как и Диллон, и есть те самые американские летчики, пропавшие в Верхней Бирме. Кинг прекрасно

знал, что чувствует Доусон, потому что испытывал то же самое к членам своей команды.

— В следующий раз — моя очередь, — сказал он.

— А потом моя, — тут же подал голос Карсон.

Син Юл невнятно прошептал какие-то непонятные слова.

Соренсон тронул Кинга за рукав.

— Есть еще одна причина, почему мы не хотим, чтобы аккане обнаружили эту пещеру, — сказал он. — Идемте, я покажу вам.

VI

СОРЕНСОН ПОВЕЛ ЕГО в темный угол, прямо на, казалось бы, глухую каменную стену. Внезапно часть стены медленно отодвинулась в сторону. Из открытой двери хлынули потоки света. Ученый вошел внутрь, кивком пригласив Кинга с собой.

За дверью оказалось большое помещение. С потолка мягко светили голубоватым светом какие-то лампы.

В помещении было полно людей и какое-то оборудование.

Люди поразили Кинга. Хотя у него и не было времени обдумать все происходящее, у него создалось впечатление, что Соренсон, Леда, Доусон и он сам со своей командой — единственные в Аккане люди. Но здесь было не меньше пятнадцати-двадцати человек. И все они суетились, словно мальчишки, затыкающие дыры в дамбе*.

— Технический персонал, — с гордостью в голосе пояснил Соренсон. — Некоторые из них были радистами, другие — навигаторами или пилотами. Во время войны эти люди управляли бомбардировщиками, пока не попадали в аварии в Верхней Бирме...

— Понятно, — кивнул Кинг.

— Ага!.. Ну, так вот, Акбад собирал их и отправлял сюда. А вместе с ними приходили и знания, в которых я испытываю недостаток. Видите ли, я ученый, но совершенно не разбираюсь в радиочастотах, высокочастотных электромагнитных излучениях и подобных вещах. А эти люди разбираются, — в голосе его прозвучала гордость, и не просто гордость, а гнев, такая палящая ненависть, какую не выразить словами. — С их помощью мы почти завершили нечто такое, что удивит поисковый отряд аккан, когда они вновь посетят свои охотничьи угодья.

Он указал в противоположный конец помещения. Там находился стеклянный пузырь, подобный тому, в каком летала Авена. Но те-

* Намек на голландский рассказ для детей о героическом поступке мальчика, который заткнул пальцем дырку в дамбе и тем самым спас от наводнения город (прим. перев.)

перь он был разобран на части. И по всему помещению люди старательно изучали эти части.

— Этот пузырь потерял управление и упал, — объяснил Соренсон. — Акканин, летевший на нем, сломал себе шею. — В голосе его послышалось удовлетворение. — Парни сказали мне, что разгадали принцип его работы. Хиллсон здесь, — он указал на черноволосого человека, присевшего на корточки и рассматривающего что-то в разобранном пузыре, поблескивая толстыми линзами очков, — самый опытный. До того, как попал в армию, он был специалистом по электродинамике, и, подозреваю, до сих пор является ее фанатиком. Не так ли, Хиллсон?

Хиллсон поднял голову и усмехнулся в ответ.

— Эй, док, — сказал он, — а что, если я просто спятил? Не стоит рассказывать всем о моих слабостях — Он взглянул на Кинга. — Новобранец, да? Я рад, что вы с нами. Вы разбираетесь в электродинамике?

— Боюсь, что нет, — признался Кинг.

— Ну, ладно...

Хиллсон тут же потерял к нему интерес и вернулся к стеклянному пузырю. Кинг усмехнулся. Он знал такой тип людей. Хиллсона интересовало только то, как устроен стеклянный пузырь и как работает. На таких, как Хиллсон, гениях механики, и держалась Америка, на людях, которым, казалось, нужны лишь проводки, олово, сухие батареи и плоскогубцы, чтобы создать что-нибудь еще небывалое.

И все люди в помещении были явно такого типа. Рыжеволосый паренек, совсем еще подросток, потянул Соренсона за рукав.

— Доктор Соренсон, — робко сказал он.

— Ральф? Что тебе, мальчик мой?

— Мне кажется, у меня получилось, сэр.

— Кажется или получилось? — с улыбкой спросил Соренсон.

— Конечно, я не уверен, но *думаю*...

Соренсон последовал за ним в другой угол помещения, тут же забыв о Кинге, и уставился на что-то, лежащее там.

— Все сюда, — взволнованно крикнул он.

Все оставили свою работу и столпились вокруг Соренсона и рыжеволосого Ральфа. Даже Хиллсон неохотно оторвался от своего любимого стеклянного пузыря. По помещению разлилось напряженное волнение. Кинг тоже подошел туда.

— Покажи им, Ральф, покажи, что ты обнаружил, — тихо сказал Соренсон.

Кинг пробрался вперед и увидел, что лежит на верстаке. Это был один из тех омерзительных бильярдных шаров, ужасных инстру-

ментов смерти, которые использовали Акбад и Авена! У Кинга буквально дыхание сперло в горле.

Рыжеволосый паренек взял этот шар.

— Я думаю... — сказал он. — Мне кажется, я понял, как он работает.

— Покажи! — потребовал Соренсон.

Рыжий положил шар обратно на место. Потом взял что-то, похожее на наборное кольцо, какое надевают на палец, с большим, блестящим камнем.

— Мы забрали его у мертвого акканианина, — сказал он и надел кольцо на палец. — Смотрите.

Он не шелохнулся и даже не попытался ничего сделать с кольцом. Лицо его стало сосредоточенным. Затем он поднял руку, чтобы все увидели кольцо. Медленно, постепенно, камень менял цвета. Сначала он был белым. Затем, когда лицо парнишки стало еще больше сосредоточенным, засветился мягким фиолетовым цветом. Забыв обо всем остальном, парнишка глядел на кольцо. Прошла минута, другая...

— Берегись! — вдруг завопил кто-то.

Бильярдный шар поднялся с верстака и поплыл в воздухе. Кинга ударила мысль, что шар каким-то образом ожил и теперь угрожает гибелью всем находящимся в помещении. Рука его машинально метнулась к бедру за пистолетом, но Кинг тут же вспомнил, что у него больше нет привычного оружия. Он присел. Он уже видел, каким смертоносным может быть шар. Остальные тоже знали это и стали разбегаться. Все попрятались, за исключением Соренсона и молодого паренька.

— Да нет никакой опасности! — закричал паренек. — Это я управляю им. Смотрите!

Взгляд его по-прежнему концентрировался на кольце, лицо осунулось. На шар он не смотрел, но тот, очевидно, по его команде, начал летать по комнате, нырять, уклоняться, вертеться и приплясывать в воздухе, проделывая то, что так хорошо запомнил Кинг. Все не сводили с шара глаз. Потом шар медленно вернулся, опустился на верстак и замер.

Парень вздохнул, вытер со лба пот и снял кольцо.

Тут же послушались голоса, со всех сторон посыпались вопросы:

— Ральф Роджерс, как эта проклятая штука работает?

— Ральф, она на самом деле радиоуправляемая?

Паренек снова вытер выступивший на лбу пот.

— Нет, она не радиоуправляемая, — сказал он. — Это более тонко. Я не утверждаю, но почти уверен, что управляют им при помощи мысли. Шар сделан из особого кристалла, который не только ней-

трализирует силу тяжести, но передвигается и меняет характеристики в соответствии с мысленными командами управляющего им человека. Настоящий секрет находится в кольце, шар управляется с его помощью. Первоначально кольцо было настроено на индивидуальные характеристики его владельца акканианина. Я сумел изменить эту настройку и привел ее к резонансу с излучениями моего мозга. Позже я расскажу вам, как это сделал. Сейчас достаточно сообщить, что вы можете видеть, слышать и разговаривать через шар. Вы можете отправить его, куда угодно. И если вы пожелаете, то можете заставить его испускать излучение, которое сожжет почти все на его пути...

ОН ГОВОРИЛ что-то еще, но Кинг больше не слушал. Его не интересовало, как именно работает шар — пусть этим занимаются специалисты. Главное для него было то, что теперь у них есть оружие, при помощи которого можно бороться с акканианами.

— Если мы только сумеем достать еще эти шары... — прошептал он. — Соренсон, мы можем где-нибудь найти эти штуки?

Ученый повернулся к нему.

— Единственное место, о котором я знаю, это склад оружия в Акке.

— Тогда я иду туда, — заявил Кинг.

Все обернулись к нему. Он был новичком, и они не знали, что он может, а что — нет. Теперь они оценивающе глядели на него. Хиллсон уставился на него так, словно он был стеклянным пузырем. Рыжий Роджерс не сводил с него удивленных глаз. Пристальный, пронизательный взгляд Соренсона снова прошелся по нему.

— Ну, как, поручим эту миссию капитану Кингу? — спросил, наконец, он.

Все заговорили один за другим.

— Похоже, он подходящий для такого задания.

— Думаю, если кто с этим и справится, так только он.

— По-моему, он подходит.

Кинг усмехнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Когда начинать?

VII

— **ЭТО АККА**, столица Аккана, — сказал Соренсон, вытягивая вперед руку.

Они стояли на склоне крутого холма, глядя вниз. Под ними, через несколько миль, лежал город. Каменные здания, широкие улицы, усаженные гигантскими деревьями. Парки с фонтанами, выбра-

рывающими высоко в воздух тучи брызг. Стекланные пузыри то и дело поднимались и улетали, унося акканиан по каким-то делам. Смутно доносились звуки музыки, странной, неземной, словно вздохи громадного органа.

Кинг рассматривал город. Много поколений назад здесь жила раса тружеников, строящих город, развивающих цивилизацию, создающих произведения искусства и изучая науки. Жители Аккана были художниками, архитекторами, на что указывали парки и улицы. Они были превосходными учеными — это доказывали стекланные пузыри и смертоносные бильярдные шары. *Были.* Невольно, сам не понимая, почему, Кинг думал об акканианах лишь в прошлом времени. Они достигли величия, создав этот город, как памятник их достижениям. Затем что-то произошло. Они успешно развивались, но внезапно остановились. Город их постепенно обращался в руины. Многие здания обветшали, крыши рухнули, необходимые ремонтные работы никто не проводил. Улицы засыпал щебень от развалившихся зданий. И никто не прилагал усилий, чтобы убрать его.

— Они достигли настоящего величия, — сказал Соренсон. — Вы видите доказательства этому. Но с ними что-то произошло, они забыли о своих целях, остановились в развитии. Да, что-то произошло...

Голос его звучал грустно.

— Как вы думаете, что с ними могло случиться? — спросил Кинг.

— Может, земля перестала производить пищу в достаточных количествах, — ответил Соренсон. — А может, изменился климат. Возможно, они перестали размножаться. Много чего могло произойти. Кажется, иногда цивилизации просто теряют желание жить и начинают деградировать. В данном случае, кажется, я знаю, что произошло. Они заиклились на одном из основных инстинктов, который очень важен для первобытных племен, но губителен для любой расы, которая продолжает цепляться за него на более поздних стадиях цивилизации.

— И что же это за инстинкт? — спросил Кинг.

— Это охотничий инстинкт, — ответил ученый. — Охота допустима там, где необходима для поддержания жизни. Но акканиане достигли такого уровня жизни, когда охота больше не стала необходимостью. Тысячи, возможно, десятки тысяч лет они были вынуждены охотиться, чтобы выжить. Затем настало время, когда охота была больше не нужна, но она уже стала частью их жизни, так что они не могли научиться обходиться без нее. Таким образом, они продолжали охотиться, но охота стала уже извращением. Вместо того, чтобы охотиться ради еды, они охотились ради острых

ощущений. Все это еще ничего, но постепенно, им требовались все более острые ощущения, и, наконец, наступило время, – могу поставить на это все, что угодно, – когда они стали охотиться на представителей собственного вида забавы ради. Но никакая раса, представители которой ведут охоту друг на друга, не может выжить. Так акканиане начали деградировать. Наука застопорилась, вместо прогресса последовал регресс. Если мы когда-нибудь найдем их исторические записи, то, думаю, узнаем, что стеклянные пузыри, которыми они сейчас пользуются, изобретены сотни лет назад и с тех пор никак не улучшались, что в упадок пришли и все их остальные науки...

Голос Соренсона продолжал гудеть, разясняя взлеты и падения цивилизаций. Ученый хорошо знал свой предмет, но Кинг слушал его вполуха. Для него не имело значения, как развивались акканиане. Ему было достаточно знать, что они здесь и являются смертельной угрозой не только для него, но и для любых людей, которых Акбад направит в теллурийский силовой поток. Он помнил слова Акбада: «Вы, янки, превосходные игроки в большой игре. Мы надеемся, что станем получать вас все больше и больше».

Их планы могли развиваться до того, что они станут уже вагонами вывозить людей в свои омерзительные охотничьи угодья! Это было бы для них не очень трудно. Кинг не знал, насколько мощные эти стеклянные пузыри, но подозревал, что в них заключена ужасающая сила. Полсотни таких пузырей, появившись на Земле, наверняка смогли бы разбить любой воздушный флот, какой только смогли бы собрать союзники. А что было бы потом, когда акканиане вышли бы из Аккана и, во главе с Акбадом, хлынули на Нью-Йорк, Чикаго или Сан-Франциско? Кингу не хотелось даже думать об этом.

– Сколько вообще существует акканиан, как вы думаете? – спросил он Соренсона.

– Пятьдесят – сто тысяч... кто знает? – ответил ученый. – Я как-то наблюдал с этого склона, как их тысячи кишели там, в городе, во время какого-то фестиваля. Не могу даже предположения строить о их численности. Их много. Слишком много. Поэтому вы должны быть очень осторожны, пробираясь на оружейный склад. Если вас поймают, то получают подсказку, где мы живем, и тогда целые тысячи ринутся на наши поиски в горах.

Кинг кивнул. Он видел, как пристально осматривали его люди в пещерной лаборатории, прежде чем позволили ему пробраться в город. Их жизни находились в его руках. Если он попадетсЯ, акканиане направятся на поиски остальных. Вот уж они обрадуются. Новая игра! Новая охота!

— Я не собираюсь попадаться, — сказал он. — Готов, Ральф?

РАЛЬФ РОДЖЕРС кивнул. Рыжеволосый юнец должен был отправиться с ним по нескольким причинам, главная из которых заключалась в том, что он знал, как управлять летающим шаром. Если они сумеют проникнуть на склад, где хранятся шары, никто, кроме Ральфа, не сможет точно определить, что следует брать, а что — оставить. А в карманах у него были инструменты на тот случай, чтобы внести изменения в управление шарами. Роджерс усмехнулся.

— Пора идти, — сказал он.

— Кэл, — сказал Кинг Карсону.

— Наверное, я должен пойти с тобой Сэнди, — сказал Карсон. — Черт побери, ты можешь оказаться там, где пригодилась бы моя помощь.

— Думаю, я тоже должна пойти, — вмешалась Леда. — В конце концов, я почти доходила до города и знаю дорогу.

— Кэл, — усмехнулся Кинг, — твоя задача — ждать возле города и, если мы не вернемся завтра ночью, пойти на наши поиски.

— Ты проделаешь всю работу, пока я буду торчать здесь, — проворчал Карсон. — Черт побери, Сэнди, я тоже должен пойти...

— Никаких препирательств, Кэл, — отрезал Кинг. — Торчать здесь и ждать — это не легче. Что касается вас, Леда... *Берегись!*

Поглядывая через плечо Леды, Кинг увидел летающий шар. А над деревьями у основания утеса плыл стеклянный пузырь. Летел он бесшумно и низко, над самыми верхушками деревьев, и был уже рядом, прежде чем кто-либо сумел его заметить. В пузыре, нетерпеливо глядя вниз, сидела Авена.

Охотница Аккана вышла опять на охоту.

Долю секунды летающий шар плясал позади Леды, затем бросился на нее. Кинг отшвырнул девушку в сторону, и шар пролетел возле его плеча. Он был так близко, что Кинг услышал, как он жужжит.

— Все в заросли! — завопил Кинг.

Краешком глаза он увидел, как Соренсон, Карсон и Роджерс бросились вниз по склону. Леда со стремительной гибкостью метнулась в сторону. Кинг остался стоять посреди поляны. Шар гудел, как рассерженный шершень. Кинг не двигался. Не предпринимал никаких попыток скрыться.

Настала его очередь работать.

Вчера была очередь Диллона, позавчера — Доусона. Сегодня пришла очередь Кинга.

Он смотрел, как шар летит прямо на него. Он готов был спрятаться, но должен дать остальным время укрыться. Он слышал треск в подлеске, когда Соренсон и Роджерс неслись под гору. Леда бесследно исчезла. Кинг стоял на поляне один. Над ним кругами носился шар. Кинг видел, как Авена глядит вниз в стеклянном пузыре, висевшем над деревьями. Она казалась удивленной. Возможно, ее поразило то, что он не убегает, а стоит неподвижно.

– Работай! – донесся откуда-то голос спрятавшейся Леды.

В то же мгновение шар метнулся к Кингу.

Кинг прыгнул головой вперед в самую гущу зарослей. Позади него послышался слабый треск – брр... брр...брр... – как он вольтовой дуги. Одновременно раздался взволнованный вопль. Это Авена кричала от переизбытка возбуждения и охотничьего азарта, а шар транслировал ее голос:

– Таллихо!

Не хватало лишь звуков охотничьих рожков и лая собак, чтобы это стало похоже на сцену охоты на лис. Кинг, мчавшийся среди деревьев, теперь понял, что чувствует лиса, когда слышит позади лай собак, напавших на ее след. Это было не очень веселое чувство. Смесь горячего гнева и ледяного страха мчалась толчками по его венам, точно в них впрыскивали ледяную воду.

Брр... брр... брр...

Это потрескивал шар, точно шершень. На миг оглянувшись через плечо, Кинг увидел его. Шар нырял и петлял, пытаясь отыскать дорогу в зарослях лоз. На секунду он было запутался в них. Но лишь на секунду. Потом шар засветился молочно-белым светом. Дымящиеся лозы поникли к земле, освобождая его.

Он прожигал путь сквозь заросли.

Кинг видел, как он приближается, обогнул дерево, бросился под низко нависшие ветки каких-то вечнозеленых кустов, упав на четвереньки, распластался на земле и замер.

Где-то позади разочарованно закричала Авена. Кинг лежал неподвижно, стараясь бесшумно восстановить дыхание, и прислушивался. Шара он не слышал. Очевидно, тот тоже бесшумно скользил где-то в зарослях. Потом Кинг осторожно двинулся вперед.

Основная часть работы была выполнена. Он оттянул на себя Авену, уводя ее от остальных. В настоящее время все уже должны быть в безопасности: Леда, ее отец, Карсон и Роджерс. Мысли о Леде теплой волной пронеслись по душе Кинга. Девушка в безопасности. Это было самое важное.

Теперь оставалось спасти свою школу.

Тот, кто схватил тигра за хвост, уже не может так просто его отпустить, подумал Кинг.

ПРОДВИГАЯСЬ НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ над ветками, слишком низкими, чтобы он мог встать вертикально, Кинг заскользил вперед. Впереди возвышался открытый скалистый уступ, запрещающий путь в том направлении. Кинг направился вдоль основания утеса, стараясь держаться скрытно. Один раз он увидел через поляну Авену в ее пузыре. Она висела в воздухе позади и справа, глядя в его направлении. Шара Кинг не видел.

Впереди была большая поляна. Кинг внимательно осмотрелся, убедился, что на него никто не смотрит, и стрелой ринулся через поляну.

Позади него раздалось громкое брр... брр... брр... — точно разъяренный шершень.

Авена возбужденно закричала.

Кинг бежал изо всех сил. Авена знала, где он спрячется. Она убрала шар из виду, ожидая, пока Кинг покажется на этой поляне, притворяясь, что совсем потеряла его. И Кинг попался на эту удочку.

Брр!..

Шар был так близко, что Кинг буквально чувствовал его всей спиной. Впереди, в десяти ярдов, снова начинались заросли. Кинг бежал, что есть мочи, бросая быстрые взгляды через плечо. Шар настигал. Внезапно Кинг плашмя рухнул на землю. Шар пролетел над ним, ударился о землю впереди и стал возвращаться. Кинг изо всех сил пнул его, почувствовал боль в ноге и прыгнул в заросли. Шар по спирали пошел вверх, точно неуправляемый.

Неуправляемый!

Удар повредил его!

Бррррр!

Он пролетел по кругу и бросился в заросли на поиски дичи. Он снова был под контролем!

Кинг побежал, игнорируя боль в ноге. Даже полузащитник в большом регби не выказывал большего проворства, чем он. Он нырял в кусты, петлял между деревьями, то и дело оглядывался, а порой бросался на землю ничком. И... потерял из виду шар.

Но впереди утес сворачивал вправо. Кинг хмуро уставился на него. Загнанный в угол, он должен либо возвращаться тем же путем, либо свернуть вправо. Он принял решение свернуть, но тут же замер.

Справа над деревьями висел стеклянный пузырь Авены, блокируя ему дорогу. Нужно было возвращаться.

И тут позади, с того направления, откуда он только что пришел, Кинг увидел шар. Паря в полной тишине, шар подкрадывался к нему через подлесок.

Он попался.

Быстро рассмотрев все возможности, Кинг сделал выбор и заполз в самую гущу кустов. Пока он будет лежать неподвижно, Авене будет трудно его разыскать. Между тем, ночь уже была не за горами. Если бы ему только удалось прятаться тут до темноты... В кустах он уловил какое-то движение.

Тут у него перехватило горло.

Это была Леда. Она тоже убежала в этом направлении. Кинг случайно последовал за ней и привел Авену к ее укрытию.

Они попали в ловушку.

— Откуда вы тут? — прошептал Кинг.

— Тсс! Ни звука!

Кинг замолк и бесшумно поправил листву над собой. Наверху плавал пузырь Авены. Кинг не знал, известно ли Авене, что Леда тоже находится здесь, у подножия утеса, но охотнице наверняка было известно о нем самом. Он видел, как она разглядывает землю внизу, словно ястреб, подкарауливающий добычу. Время от времени он видел сквозь листву рыскающий шар. Шар больше не жужжал, а летал в полной тишине. С его помощью Авена могла разыскать все укромные уголки у подножия утеса, сунуть нос во все дыры, заглянуть, если захочет, под каждый листок.

Кинг глядел на солнце. Через полчаса падет темнота — в Аккане не бывает долгих сумерек. Смогут ли они оставаться в укрытии еще полчаса?

Шар завис над ними. Кинг задержал дыхание. Шар заколебался, затем полетел дальше. Кинг последовал за ним взглядом, наблюдая, как он то и дело зависает над кустами. Он был уже возле самых утесов, но внезапно сменил курс и направился прямо к ним.

Кинг напрягся.

Шар пролетел над ним и устремился к стеклянному пузырю. Пузырь взмыл выше в небо и устремился к городу.

Авена отозвала своего пса, закончила охоту и полетела домой. Кинг наблюдал, как пузырь исчезает в небе, затем медленно встал и вытер с лица пот.

— Опасное было положение, — сказал он.

Леда тоже поднялась, пошатнулась и схватилась за него, чтобы удержаться на ногах. Кинг заметил, как она дрожит, лицо у девушки было пепельно-серым.

— Вам больно?

— Н-нет... Я испугалась. Только и всего. Просто испугалась.

— Бедное дитя... — пробормотал Кинг, поглаживая ее руку.

Неудивительно, что она испугалась. Слишком хорошо она знала, чем заканчивается охота Авены.

— Я отведу вас к остальным, — сказал Кинг. — А затем пойду в город.

ОНИ МЕДЛЕННО побрели по лесу, возвращаясь той же дорогой. Внезапно по земле быстро скользнула тень. Кинг вскинул голову. Авена в своем стеклянном пузыре летела прямо к ним от солнца.

Охотница обманула их. Она притворилась, что улетает, а на самом деле сделала большой круг и вернулась к повороту утеса, предполагая, что добыча покажется, увидев, что охотницы нет.

И она угадала. Добыча показалась.

— Дьявол ее поberi! — взревел Кинг и пихнул Леду в гущу кустов.

Долю секунды он думал, что нужно тоже попытаться убежать. Но затем выбрал иной план сразу по двум причинам. Одна из причин заключалась в том, что у него не было времени скрыться. Но, кроме того, он вспомнил, как в определенных случаях действовали Акбад и Авена. Когда Кинг сдался Акбаду, тот, казалось, жалел об этом. Акбад хотел, чтобы он убегал, ждал, когда он начнет убегать. Когда же он отказался убегать, Акбад какое-то время не знал, что делать.

И Авена, когда поймала их на поляне, и все убежали, а Кинг остался стоять, на какие-то секунды показалась удивленной.

Кинг смело шагнул на открытое место. Авена увидела его. В тот же момент, когда ее пузырь остановился, из него буквально выпрыгнул белый шар и стрелой полетел прямо в Кинга.

Кинг не шевельнулся. Положив руки на бедра, он не сводил с шара глаз. Доля секунды, которая потребовалась шару, чтобы долететь до него, показалась Кингу веками. Все нервы в его теле вопили, чтобы он убежал, все мышцы требовали начать действовать.

Но Кинг словно врос в землю.

Бrrrrr!

В шести дюймах от его груди шар сердито зажужжал и взмыл вверх по крутой дуге. Точно собака, которую дернули за поводок. Казалось, шар в воздухе сделал кувырок через голову.

Кинг проигнорировал его. Теперь он глядел только на стеклянный пузырь. Авена, на прекрасном лице которой было написано удивление, наклонилась и глядела на него.

— Ну, и что дальше? — сердито спросил Кинг.

НАСТУПИЛА ТИШИНА, нарушаемая лишь сердитым гудением шара.

— Ну?! — С металлом в голосе снова спросил Кинг.

У него и мысли не было, что Авена может понять его, но, возможно, она сумеет уловить интонации. Шар, как Кинг уже знал, передает ей все звуки.

— Какое... Что за создание... вы? — прошептала через шар Авена.

Ее слова, а, может, и импульсы, напрямую направленные ему в мозг, были на английском языке. У Кинга не было времени думать над тем, какое чудо переводило ее речь на понятный ему язык. Главное, он мог разговаривать с нею, и она тоже понимала его. Как это происходит, пусть ему позже объяснит Роджерс. Если вообще будет это «позже»!

— Посмотрите в своем зале трофеев, — ответил он. — Они должны подсказать вам, что я за создание.

— Я не об этом.

— А о чем вы тогда?

— Ну... Вы вышли на открытое место...

— Вы удивлены, что ваша дичь начала разговаривать с вами, а не побежала от вас?

— Все остальные убежали.

Было что-то, чего она не могла понять. Все убежали. А он — нет. Это ее озадачивало.

Кинг слышал это в ее голосе. И осмелился, наконец, перевести дыхание.

— Вам даже в голову не приходило, что, рано или поздно, вы встретите кого-то, кто не станет убегать?

— Не-ет. Я думала...

— Вы думали, что люди созданы лишь для того, чтобы убегать от вас. — В голосе его уже звучал жаркий гнев. — И когда один из них не стал убегать, вы, черт побери, так удивились, что не знаете теперь, что делать!

— Вы... Вы не смеее так разговаривать с принцессой Аккана! — тоже рассердилась она, недовольная направлением этой безумной беседы.

— А я не знаю, как с вами разговаривать, — ответил Кинг. — Я никогда прежде не встречал принцесс, поэтому, естественно, не знаю,

как следует с ними говорить. Но из того, что я увидел тут, я благодарю Небеса, что никогда раньше не встречался с принцессами.

– Вы... Вы посмели...

Brrrr! – прожужжал шар.

Поток мыслей тек через шар из мозга человека, управляющего им, в мозг любого, находящегося поблизости от шара. И эти мысли автоматически переводились на известный воспринимаемому язык. Фактически, телепатия посредством шара была единственной доступной формой беседы между людьми и акканианами. Когда мыслеимпульсы Авены достигали Кинга, они переводились на английский. Когда же говорил он, перевод шел в обратную сторону. Но об этом Кинг подумал уже позже.

– Я посмею все, что угодно, – ответил Кинг. – Я сражаюсь, леди. А в сражении люди становятся такими безумными и такими уставшими, что уже не могут следовать правилам высшего этикета. Да, я теперь безумный и усталый, можно сказать – безумно усталый, если хотите знать истину, и не дам и плевка за то, что произойдет дальше.

То, что он сказал, было лишь частью истины. Да, он был сердитым и усталым, но ему вовсе не было наплевать. Его поступками руководил не гнев, а холодный расчет. Акканиане ценили храбрость. По крайней мере, должны были ценить. И если он в них не ошибся, то был еще шанс остаться в живых. У Кинга не было выбора. Если он разыграет правильную карту, то Авена может... что-нибудь сделать. Если же хоть чуть ошибется, если слишком сильно разозлит ее, то она пустит в ход свой смертоносный шар.

– Подумайте же хоть немного, принцесса Аккана!

– О! Вы дурак! Вы просто безнадежный дурак!

– Я?

– У вас что, нет страха смерти?

– Леди, честно говоря, я давно уже должен быть мертвым. Я живу одолженное время. Так что, если вы сейчас убьете меня, это не будет иметь никакого значения.

АВЕНА СПУСТИЛА пузырь еще ниже. Теперь Кинг отчетливо видел ее рассерженное лицо и сверкающие гневом глаза. Но все равно, она была самой красивой женщиной, какую он когда-либо видел.

– Почему вы так смотрите на меня? – требовательным тоном спросила она.

– Всю жизнь я носил в душе мечту о вас, – ответил ей Кинг. – И вот теперь увидел вас наяву.

– Мечту обо мне? Как это возможно? Вы же никогда не видели меня прежде.

– Да, я никогда не видел вас. И что же? Все равно, я мечтал о вас.

– И что теперь, когда вы встретили меня?

Кинг молчал, лицо его стало задумчивым.

– Выходит, я не так красива, как в ваших мечтах? – продолжала настаивать принцесса.

– Вы гораздо красивее! Но... Больше всего в жизни я ненавижу трусость.

– Трусость? – воскликнула Авена. – Вы что же, считаете меня трусихой?

Кинг глубоко вздохнул и словно решил.

– А кем еще я могу вас считать? Вы сидите в безопасности в стеклянном пузыре, каких я никогда в жизни не видел, и летаете в поисках существ, у которых нет возможности защищаться. Но вы и потом остаетесь в полнейшей безопасности, а гоняться за нами отправляете эту штуку, – он махнул рукой в сторону вращающегося шара. – Вы вообще ничем не рискуете. И если это, по-вашему, не трусость, тогда я уж и не знаю, что тогда считать трусостью.

– О! – Теперь она рассердилась еще пуще прежнего, и секунду Кинг думал, что она вот-вот запустит в него шар. – Акканиане всегда охотятся таким способом. Считается очень храбрым прилететь сюда и охотиться на диких животных, которых отправляет сюда Акбад. Акканиане самые храбрые люди...

– И кто это сказал?

– Кто сказал? Ну... Ну...

– Вот именно! – резко продолжал Кинг. – Сами акканиане! Кто же еще мог бы сказать это, кроме акканиан? Но если хотите узнать мнение посторонних, спросите трофеи в вашей комнате, спросите, что думают они. Или спросите меня!

На ее прекрасном лице вновь появилась нерешительность. Она явно была озадачена. Живя в Аккане и сама являясь аккакианкой, Авена никогда не думала, что у другой расы может быть иное мнение о храбрости акканиан. Она вообще не беседовала ни с какими представителями других рас. Убивала их – да. Но беседовала? Нет, нет и нет! Теперь же она разговаривала с одним из них, и он заставил ее сомневаться.

– Но мы храбры...

– Докажите это!

– Доказать? Как?

– Вернитесь в город, найдите самого крупного, самого сильного, самого храброго представителя своей расы, привезите его сюда и

пусть он, на земле, безоружный, бьется со мной. Вот тогда мы и увидим, кто из нас храбр. Бейтесь со мной без оружия. Выставьте против меня вашего чемпиона, вашего самого великого охотника...

— Это был бы Лардон. Но он не прилетит. А если и прилетит, то...

— То останется в своем пузыре, и пошлет убить меня шар, — отрезал Кинг. — Он побоится встретиться со мной лицом к лицу.

Кинг видел, что происходит в ее душе. Авена не знала, что сказать. Гнев ее испарился. Его сменило недоумение. И, самое главное, она больше не думала о нем, как о трофее, голова которого может украсить ее охотничий зал.

— Лардон не прилетит, — повторила она.

— Конечно не прилетит, — с презрением в голосе поддакнул Кинг. — Я знаю, что он не прилетит. Я никогда не видел его, но он акканианин, а все акканиане — трусы!

— Все?

— Все до единого!

— Это так?

— Да.

— Ну, это мы еще поглядим, — сказала Авена, протягивая руки к управлению пузырем.

Кинг было подумал, что она собирается улететь. Он ожидал, что сейчас пузырь взмоет в небо и полетит в сторону Акки. Но он не стал подниматься. Напротив, он быстро спустился к земле, продрался через кусты и остановился. Дверца открылась, и Авена выпрыгнула наружу.

— Вы сказали, что ни один акканианин не посмеет встретиться с вами лицом к лицу, безоружный. Ну, так вот, я посмела. Давайте теперь посмотрим, что вы будете делать.

— Да будь я проклят навеки! — выдохнул Кинг. — Нет, не надо!

Она сжала маленькие твердые кулачки и попыталась нанести ему удары. Кинг легко отбил их и блокировал ее руки.

— Я покажу вам! — задышавшись, выкрикнула Авена. — Вы называли нас трусами. Я покажу вам! Отпустите мои руки!

Она была неистова в гнев, но Кинг легко держал ее и притворялся, что не замечает нависшего над ними шара. У Авены не было на пальце кольца, чтобы управлять шаром, но Кинг подозревал, что блестящий драгоценный камень, висящий на цепочке у нее на шее, служит для этой же цели. Посмеет ли он сорвать с нее цепочку? Без шара она действительно стала бы беспомощной.

— Отпустите меня! — еще раз крикнула она.

КИНГ ВЫПУСТИЛ ее. Авена гордо выпрямилась.

— Ну, как, храбрец. Вот она я, здесь. Почему же ты ничего не делаешь?

Кинг пожал плечами и красноречиво взглянул на шар.

— Вы просите, чтобы я что-то сделал, а та штука парит надо мной.

— Она не повредит вам.

Кинг только рассмеялся.

— Вы боитесь его, — сказала Авена. — Ладно, я его отошлю.

Повинуясь ее не высказанной вслух команде, шар влетел через открытую дверцу в пузырь и улегся там на пол.

— Вот, он улетел. Мне нечем теперь защищаться.

— Вряд ли, Авена.

Она протянула руки, показывая, что в них ничего нет.

— У меня нет оружия. Убедитесь сами. Я буду биться с вами на равных.

Она что, пытается меня разыграть? — подумал Кинг. Шар лежал в стеклянной пузыре, но, повинуясь ее приказу, мог выскочить из него меньше, чем за секунду. Кинг покачал головой.

— Трус! — вызывающе бросила она.

— Даже если вы безоружны, я не стану драться с вами, — ответил он.

— Это еще почему?

— Потому что вы — женщина.

— И какая тут разница?

— Какая разница? Разве в вашем мире считается для мужчин доблестью драться с женщинами?

— Конечно. А разве не так в том мире, откуда вы пришли?

— Должен сказать, что не так, — ответил Кинг. — Мужчины не дерутся с женщинами. Это было бы несправедливо. Нет, Авена, я не стану бороться с вами, даже если вы снимите и выбросите свое ожерелье.

— Что?

— К чему этот бессмысленный фарс? — рявкнул Кинг. — Вы притворились безоружной. Вы считаете меня таким дураком? Если вы действительно полны решимости встретиться со мной на равных, то почему не сняли это ожерелье?

— Откуда вы знаете об ожерелье?

— Откуда... — Кинг резко замолчал.

Ему хотелось откусить себе язык. Он наговорил слишком много! Он ниоткуда не мог бы узнать, что шар управляется при помощи ожерелья.

— Итак, откуда вы узнали про ожерелье и откуда узнали мое имя? Вы дважды называли меня Авеной. Откуда вы узнали, как меня зовут?

В голосе Авены была смесь подозрения и страха.

— Я... Вы сами называли мне имя, — поспешно солгал Кинг.

— Я не называла. И уж ничего не говорила вам об ожерелье. Где вы узнали все это?

Слишком поздно Кинг понял, что допустил фатальную ошибку. Пока принцесса считала его немного умнее животного, он еще мог обманывать ее. Но теперь она поняла, что он знает слишком много, больше, чем имеет право знать. Ее сощуренные глаза уставились на него.

Брр! — стремглав вылетел из пузыря шар и закружился у него над головой.

Кинга словно окатило ледяной водой. Он ошибся, и она тут же поймала его.

— Ну? — с вызовом спросила Авена.

Кинг пожал плечами и протянул руки.

— Вам не понравится мой ответ, — сказал он.

— Говорите, иначе... — Она кивнула вверх на шар.

— Пойдите к черту!

Вероятно, она не знала, кто такой черт, но по тону догадалась о значении его слов. Лицо ее натянулось. Секунду Кинг думал, что она собирается пустить шар в него.

Но вместо этого она указала на стеклянный пузырь.

— Марш туда! — приказала она.

— Туда?

— Да. Немедленно!

Теперь она походила на сурового старшего сержанта Тихо, которого Кинг когда-то знал. Он повиновался.

Стеклянный пузырь быстро летел над лесом по направлению к городу. Авена склонилась над системой управления и молчала. Кинг тоже молчал.

Ну, вот и попал я в город, думал он. Но, конечно, не ожидал, что проникну в него именно так.

Где-то в пролетающем внизу городе был склад оружия, который ему предстояло найти, при условии, что он останется жив. Если он сумеет выжить достаточно долго, то имеет прекрасную возможность отыскать его. А Карсон, Роджерс и, вероятно, Леда будут его искать. Леда расскажет всем, что произошло. И Карсон, без сомнения, ринется сюда.

— Почему у вас такой мрачный вид? — внезапно спросила Авена.

— Мрачный? — проворчал Кинг и затем усмехнулся. — Простите. Наверное, сегодня у меня мало поводов веселиться.

Она пристально посмотрела на него и тоже улыбнулась.

— Вы странный человек, — сказала она. — Но вы мне нравитесь.

— Этого я и боялся, — ответил Кинг.

VIII

ПЕРВОЕ ЖЕ место, где они остановились, когда прилетели в город, был склад оружия, который собирался отыскать Кинг!

Авена отправила по пологой дуге стеклянный пузырь вниз, в длинное здание, похожее на ангар. Оно и оказалось ангаром! Сложенное из камня, со сланцевой крышей, оно явно нуждалось в ремонте. Внутри было множество странных летательных аппаратов. Некоторые стояли полуразобранными, другие ремонтировались, а некоторые были готовы к употреблению. В ангаре было множество рабочих, в большинстве своем стариков, но еще способных трудиться. Один вяло вышел вперед, когда Авена причалила свой пузырь. Медленно склонив голову, что, вероятно, было жестом почтения, старик стоял в сторонке, пока они вылезали из пузыря. Затем старик сам сел в пузырь, переместил его в ряд других таких же и принялся за нечто вроде техосмотра.

— Идите за мной, — велела Авена Кингу.

Шар вылетел за нею из пузыря. Когда они направились к двери в дальнем конце длинного ангара, он парил у них над головами. Кинг заметил, что движения у него вроде бы замедлились. Авена постучала в дверь. Дверь тут же открылась, и они прошли. Кинг бросил взгляд вокруг и сощурился.

Это был оружейный склад! В этом не было никаких сомнений. Они оказались в длинном помещении с низким потолком. По обеим сторонам прохода стояли стеллажи с какими-то приспособлениями. Их было десятки, сотни. От каждого тянулись силовые кабели, сходящиеся в одном месте. Все это напомнило Кингу большую станцию аккумуляторных батарей, не считая того, что таких штуквин, какие находились здесь, Кинг никогда не видел. Кроме того, в ячейках на стеллажах стояли не аккумуляторные батареи. Там лежали светящиеся шары, смертоносные бильярдные шары Аккана. Каждый шар покоился в специальной нише.

Самому оружейному складу, казалось, не хватало рабочей силы. Операторы были не более чем у двадцати пяти — тридцати стеллажей. Стеллажи в дальнем конце длинного помещения, казалось, не использовались уже много лет.

Кто-то, очевидно, начальник операторов, хромая, подошел к ним. Он был старый и согбенный. Черные, как кнопки, глаза глядели на них из провалов над морщинистыми щеками цвета обувной кожи. Он склонил голову перед Авеной.

— *Чаду* требуется перезарядка, — сказала она. — Принеси мне новый.

— Да, принцесса... — глаза-кнопки уставились на Кинга. — Принцесса снова собирается сыграть в игру?

— Это не твое дело, Катор! — рывкнула Авена. — Забери это, И на будущее. Не лезь не в свои дела.

Говоря, она сняла с шеи ожерелье с драгоценным камнем. Кинг услышал, как голос ее становится все слабее. Катор понес ожерелье, и, подпрыгивая, шар полетел за ним. Очевидно, повинувшись указанию, он сам скользнул в пустую нишу. Катор положил туда же ожерелье, взял другое такое же и понес его Авене. Она надела ожерелье на шею, и тут же из одной из ниш к ней метнулся шар. Танцуя и двигаясь спиральными кругами, он занял позицию над самой головой Кинга.

КИНГ ОЦЕНИВАЮЩИМ взглядом наблюдал за всем происходящим.

— Гм-м... — сказал он. — Я думаю, вы называете *чадом* эту штуку? — он кивнул на шар.

— Да, — сказала Авена, голос ее вновь стал сильный, без малейшей слабости. — *Чад* работает на запасенной энергии. Когда она кончается, мы приносим его сюда для перезарядки.

— Интересно. Очень интересно. А кто изобрел *чад* и как он работает?

— Изобретен он был очень давно, — ответила Авена. — Я не знаю, как он работает. — Она пожала плечами.

Ей явно было не интересно, как именно устроен *чад*. Она даже не знала имя акканианина, который изобрел его.

— Идите со мной, — велела она.

Кинг последовал за нею. *Соренсон совершенно прав*, думал он на ходу. *Акканиане когда-то сделали огромные научные открытия и массу технических изобретений. Затем перестали развиваться и теперь регрессируют. Они даже не знают, кто изобрел то или иное, и это их совершенно не интересует.*

В Америке каждый школьник знает имена тех, кто построил первый самолет, изобрел телефон и радио. В Америке все это считается очень важным. В Аккане это никого не волнует. Или почти никого, кроме кучки захваченных, отчаявшихся янки, прячущихся в

горных пещерах. Их интересовало, как устроен *чад*. Их много чего интересовало.

Авена вела Кинга по городу. То, что с высоты было смутно видно, теперь предстало глазам Кинга с отчетливой ясностью: постепенное разрушение, разложение, распад. Улицы не убирались уже много лет. Они были завалены вонючими обломками зданий. Среди руин пробирались отдельные акканиане. В отличие от Авены, их не охранял *чад*. Висевшее у самого горизонта солнце бросало на город длинные тени. Акканиане, которых они встречали, казалось, спешили убираться с улиц до наступления темноты, но все равно, те, которых они встречали, останавливались и с явным удивлением пялились на Кинга.

— Кажется, я удивляю ваших сограждан, — заметил Кинг.

— Это не граждане, — ответила принцесса. — Это рабочие, свободные рабы. Гражданами могут быть только охотники.

— А-а... Я и забыл, что охота является самым важным деянием вашей расы.

— Конечно, — с удивлением ответила Авена. — А что может быть важнее?

— Ну, я могу представить себе и другие вещи, — пробормотал Кинг. — Уборка улиц, например, ремонт зданий... Впрочем, это ваш мир, живите, как вам нравится.

Авена пораженно взглянула на него.

— Вы посмели критиковать акканиан?

— Ничего подобного, — ответил Кинг. — Так, мысли вслух.

Ему не хотелось, чтобы она снова начала проявлять свой вспыльчивый характер.

ВПРОЧЕМ, ВСКОРЕ он получил ответ на свой вопрос. Авена привела его в здание, которое когда-то было дворцом. Построенное в том же стиле, что и храм Акбада в Бирме, оно состояло из множества отдельных строений, сгруппированных так, чтобы образовывать единый ансамбль. Авена ввела Кинга в центральный зал. Здесь, за длинным банкетным столом сидело сорок-пятьдесят акканиан. В отличие от тех, кого они видели на улицах, над каждым из сидящих за столом плавал свой *чад*. Когда Авена вошла в зал, ее приветствовали радостными криками.

— Привет, Авена! Вернулась с охоты?

— Охота прошла удачно, принцесса?

— Добыла еще одну голову для своего зала трофеев?

Затем они увидели Кинга. Наступила мгновенная тишина. Смертоносные бильярдные шары, плавающие в воздухе, казалось, за-

стыли наизготовку. Сначала они легко парили, точно привязанные аэростаты в безветренную погоду. Но как только в зале появился Кинг, все шары тотчас начали свой ужасный танец.

Потом тишину нарушили крики:

– Что *это*?

– Откуда *это* у тебя?

– Что *оно* делает здесь?

Не отвечая, Авена села во главе стола и хлопнула в ладоши. Тотчас подбежали рабы, принесли воду, еду и вино, которые поставили перед ней. Авена начала жадно есть. Кинг тоже почувствовал, как голод грызет ему желудок. Жажда сушила горло. Ему казалось, что он отдал бы жизнь за стакан холодной газировки, которую пила Авена. Изумленно уставившихся на него акканиан он игнорировал.

– Это человек! – прошептал кто-то голосом, преисполненным благоговейного страха.

– Это человек! – подтвердил другой голос, в котором сквозили отвращение и открытая враждебность.

Авена продолжала есть.

– Зачем Авена привела *это* сюда? – спросил раскормленный здоровяк с бычьей шеей, сидевший справа от принцессы.

– Вам что-то не нравится, Лардон? – спросила Авена.

– Нет. Конечно же, нет. Но...

– Что «но»?

– Ничего, – буркнул Лардон.

Лицо его покраснело, на лбу вспухли вены. Он бросил злобный взгляд на Кинга, словно тот доставил ему какие-то неприятности.

– Я приняла решение привести его сюда, – сказала, словно припечатала, Авена.

– Но он грязный, – возразил кто-то.

– И дурно пахнет, – добавил другой.

Кинг откашлялся. С него было достаточно.

– Вероятно, вы правы, от меня воняет, – сказал он. – Я грязен, голоден и хочу пить. Но, насколько я понимаю, здесь многое нужно отмыть и привести в порядок.

Он не был уверен, что его здесь поймут. Конечно, он знал, что *чады* послушно переводят его слова, но вот дойдет ли до них смысл? Но если они поймут, им не понравится то, на что он намекнул.

Они хорошо поняли его. Это было видно по их лицам. Лардон начал было вставать на ноги.

– Такой дерзости... – начал он.

– Сядьте, – велела Авена.

Что-то невнятно ворча, Лардон опустился обратно на стул. Авена ткнула пальцем в сторону Кинга и сказала между двумя кусками:

— Он не сказал, что акканиане плохо пахнут. Он сказал, что нам нужно привести в порядок улицы.

Наступила пораженная, недоверчивая тишина. С их точки зрения Кинг был животным, достаточно хорошим для охоты, но и рядом не стоявшим по разумности с акканианами. И этот тупой, грязный, вонючий зверь из джунглей вздумал их критиковать! Рычание пробежало между сидящими. Авена продолжала есть.

— Он также сказал, — снова проговорила она, — что акканиане трусы.

Вот теперь поднялся настоящий шум.

— Да пусть у него лопнут глаза!

— Я пушу ему кровь!

— Еще не успеет взойти солнце, как его голова будет красоваться в моем зале для трофеев!

— Я убью его!

— Нет, позволь это сделать мне!

В тот же момент десяток *чадов* ринулся к Кингу.

— Стоять! — прозвучал голос Авены.

Шары затормозили так близко от Кинга, что он уже чувствовал исходящее от них тепло.

Вопрошающие взгляды всех за столом обратились к девушке.

— Он сказал, что акканиане трусы, потому что мы никогда не осмелимся встретиться с ним лицом к лицу с пустыми руками. Он сказал, что единственным способом доказать нашу смелость будет борьба на равных. Либо так, либо у него должно быть то же оружие, что и у нас. Вы ведь именно так сказали? — обратилась она к Кингу.

ДОЛЮ СЕКУНДЫ Кинг колебался, жалея, что не может стиснуть ее белое горло. Будь она проклята! Конечно же, она отомстила ему! Но дело было сделано, слово сказано, и Кингу не оставалось ничего, кроме как идти до конца.

— Именно так я и сказал, — подтвердил он. — Акканиане бахвалятся своей смелостью, однако, все это бездоказательно. Акааниане думают, что, если они охотятся на нас, значит, это само по себе доказывает, что они самые храбрые из всех. Но вместо этого они оказываются самыми большими трусами. Если вы хотите показать, насколько вы храбры, то встретьтесь со мной на равных.

Все усталились на него с открытыми от удивления ртами. Разумеется, его слова дали им новый взгляд на самих себя, взгляд, который им сразу же не понравился.

С красным от гнева лицом Лардон обратился к Авене:

— Принцесса, позвольте мне убить это... это...

— Разумеется, Лардон, — проворковала Авена. — Я тоже думаю, что его дерзость невыносима. Убейте его.

Лардон вскочил на ноги. Глаза его горели маниакальным пламенем. Его *чад* полетел к Кингу, но янки оказался проворнее. Он сделал шаг вперед, выбросив левый кулак. За ударом в челюсть Лардона последовал быстрый, как молния, удар правой за ухом. Лардон отлетел назад и рухнул на пол и заворочался там, пытаясь подняться. На какое-то время он потерял контроль над своим шаром, который принялся бесцельно летать по воздуху. Кинг повернулся к Авене.

— Достаточно, — резко сказал он. — Убейте меня, и дело с концом. Хватит с меня всего этого.

Она усталилась на него с неприкрытым восхищением.

— Я не имела в виду... — начала было она но тут же резко прервалась. — Лардон! Немедленно остановитесь! Если вы хотя бы дотронетесь до него своим *чадом*, уже через час ваша голова слетит с плеч. Остановитесь!

Кинг повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как резко остановился летящий к нему шар.

— Но вы же сами сказали убить его, — захлопал глазами Лардон.

— Я имела в виду, встретиться с ним на равных и убейте, *если сумеете!* — возразила принцесса.

— Встретиться на равных...

Авена кивнула.

— Но это невозможно. Я акканианский охотник. Не стану я пачкать руки такой падалью.

— Значит, нет?

— Нет!

— Тогда я думаю, что прав он и, что, по крайней мере, вы действительно трус.

В ЭТОТ МОМЕНТ Кинг понял, что нажил себе смертельного врага. Точнее, Авена создала врага для него. Даже если он больше не сделает ничего предосудительного, Лардон все равно приложит все силы, чтобы убить его. Вероятно, акканианин не захочет встретиться с ним в поединке — пятна, появившиеся на его щеках, показывали, что он боится этого, — но он приложит все усилия, чтобы

уничтожить его. Внезапно Кинг рассердился на Авену за то, что она создала ему такую проблему. Зачем она мучает его? Если хочет его убить, то почему не сделает это сразу?

— Кажется, — снова заговорила Авена, обращаясь к Кингу, — вы сказали, что голодны? Простите меня за такое пренебрежительное отношение к вам. По нашим законам, всех гостей нужно накормить. Держите.

Она взяла со своей тарелки кусочек мяса и бросила ему. Если бы он был голодной собакой, она сделала бы то же самое. В ее действиях было презрение, а в глазах — насмешка.

И бурлящий в Кинге гнев вышел из-под контроля. Он поймал подачку и с силой швырнул ей обратно в лицо.

За долю секунды в зале повисла ужасная тишина. В глазах Авены вспыхнул самый ужасный гнев, какой Кинг когда-либо видел. Но гнев тут же исчез. Его сменило удивление. И что-то вроде страха. На мгновение ее глаза стали глазами маленькой девочки, восьмилетней мисс, с обожанием глядящей на того, кого она любила больше всего в мире. И это удивление осталось. В зале словно все вымерло. Авена рукой вытерла себе лицо.

— А знаете, — медленно проговорила она, — я горжусь вами. Когда я встретила вас там, в лесу, я решила, что вы просто хвостун. Но теперь я знаю, что была неправа. Я недооценила вас. — Удивление в ее глазах не исчезало. — Да, я горжусь вами. И думаю, что вы правы насчет акканиан, хотя я сама никогда не считала нас трусами. А еще я думаю, что вы нужны акканианам, и нужны очень сильно.

— Что это значит? — прошептал Кинг.

Он не осмеливался доверять себе, поэтому шептал, а не говорил в полный голос. Авена улыбнулась. Глаза ее засветились ярче.

— Но это потом. — Она хлопнула в ладоши и сказала подбежавшим рабам: — Проведите этого человека в... в лучшие покои во дворце. Искупайте его, дайте новую одежду. Предоставьте лучшие блюда и вина. Он должен иметь все, что захочет, но не покидать дворец. Действуйте!

Кинга подхватили под руки и повели из зала. Сидящие за банкетным столом молчали, лишь глядели сверкающими глазами, как он уходит. Некоторые акканиане вопросительно смотрели на Авену. Другие, первым из которых был Лардон, впились в Кинга свирепыми взглядами. Кинг позволил себя увести, в голове у него носились беспорядочные мысли.

ПОЗДНО НОЧЬЮ в его комнату вошла Авена. Ее сопровождал Катор, пожилой рабочий из оружейной, где проходили подзарядку

чады. Они вошли в его комнату украдкой, и Кинг с недоумением уставился на спутника Авены.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Мы пришли поговорить, — ответила Авена.

Светильники смутно озаряли комнату. Кинг был поражен изменением, происшедшими в девушке. Прежде она была надменной, властной принцессой с божественным правом, охотницей по многовековым традициям, хозяйкой себя и всех своих подданных, и слово ее было законом. Но теперь она стала совершенно иной. Надменность исчезла. Авена стала теперь чуть ли не скромницей.

— Сначала позвольте признаться, что я проверяла вас, — сказала она.

— Проверяли меня? — эхом отозвался Кинг.

— Да. Когда я поставила вас перед лицом своих дворян, то сознательно создала опасную для вас ситуацию. Откровенно говоря, если бы вы показали себя недостойным и проявили бы хоть малейшую трусость, если бы не соответствовали своим речам, то... Ну, в общем, я позволила бы Лардону сделать то, что он намеревался.

На мгновение в ее голосе прозвучал вызов, открывающий такие глубины ее характера, о каких Кинг и не подозревал. Как охотница, она была жестокой, экстравагантной убийцей и не терпела слабости.

— Даже то, как я бросила вам еду, было проверкой, — продолжала Авена, и снова в глазах ее вспыхнуло удивление и что-то вроде страха. — Да, я горжусь тем, как вы прошли эту проверку.

— Спасибо, — сказал Кинг.

Сильные чувства бурлили в нем, и он с трудом подавил их. Лучше подождать, посмотреть и узнать, чего же она хочет.

— Вы сказали, что хотите поговорить? — сказал он.

— Да. Я... мы... хотим узнать... — она запнулась и замолчала.

Тихий свидетель Катор, старый техник, молча стоял и смотрел на них.

— Что же именно? — спросил Кинг.

— Узнать о... внешней земле.

— О чем?

— О внешнем мире.

Кинг непонимающе уставился на нее.

— Принцесса имеет в виду, о мире, из которого вы пришли, — вмешался Катор, голос у старика оказался глубоким, с басистыми нотками. — Мы хотим узнать об этом.

— А-а... — протянул Кинг.

— Мы хотим узнать о ваших обычаях, как люди живут, что едят, чем занимаются, достаточно ли у всех еды, как ими правят, какие у вас там короли и... — Авена задохнулась и умолкла.

— Мы хотим узнать о ваших науках, — вступил Катор. — Мы хотим узнать, где находится ваш мир и какие на нем естественные условия. Мы хотим знать о физике, химии вашего мира, о... — В голове Кинга возник какой-то непонятный термин, очевидно, что-то такое, что существовало или было известно в Аккане, но не существовало или не было известно на Земле.

— Ого! — присвистнул Кинг. — Да уж, обширные у вас запросы!

Он пристально поглядел на Катора. Старый инженер открыто встретил его взгляд. Потом Кинг взглянул на Авену. Она нетерпеливо смотрела на него.

— Так вы расскажете нам? — с сомнением в голосе спросила она.

— А зачем вы хотите все это узнать? — вопросом на вопрос ответил Кинг.

— Еще никто... — начала было Авена.

На секунду она обрела свой прежний способ разговаривать, но тут же снова стала пайнкой.

— У нас есть на то причины. Кроме того, нам просто интересно. Этого что, не достаточно?

— Наверное, достаточно, — усмехнулся Кинг.

Свое мнение он оставил при себе. Ладно, он расскажет им кое-что. Но будет тщательно отбирать информацию, пока не узнает, по каким причинам она так нужна им. И Кинг заговорил.

Он рассказал им о Земле, зеленой планете, потерянной для него в необъятности чего-то, чего он не понимал. О Земле синего неба и голубовато-зеленых морей, облаков и дождей, закатов и радуг, гор и пустынь, полярных ледяных шапок и жарких тропических джунглей. Рассказывая, он наблюдал за ними. Катор слушал с жадным интересом, его старческие глаза блеснули совсем по-юношески.

— Я не знал... я представить себе не мог... даже не мог вообразить... — то и дело восклицал он.

— А люди? — вдруг прервала Кинга Авена. — Я хочу услышать о людях. Расскажи о них.

Кинг принялся рассказывать о людях, об арабах и китайцах, немцах и японцах, англичанах и норвежцах, об удивительных русских, которые нащупали путь к чему-то... неизвестно точно, к чему, но к чему-то колоссальному. Он рассказывал о французах и испанцах, итальянцах и неграх, обо всех народах на Земле, кроме одного. Теперь Авена слушала его со страстным любопытством, а интерес Катора немного уменьшился.

– Расскажи нам о своем народе, – наконец, попросила Авена. Кинг вздохнул.

– Я американец, – сказал он и подумал, что же это означает.

Америка приняла все расы Земли, перемешала их, и что из этого получилось, никто точно не знал, не считая того, что это тоже было в своем роде колоссально. Кинг попытался рассказать им об этом.

– А кто ваш король? – спросила Авена.

– У нас нет короля, – удивленно ответил Кинг.

– Нет короля?! – теперь удивлена была Авена.

Кингу пришлось пуститься в разъяснения. Когда он закончил, она сказала, что все поняла, но Кинг сомневался, поняла ли она на самом деле. Никто, кроме американцев, никогда не мог это понять до конца. Нужно было родиться на этой земле, жить на ней, работать, потеть и страдать, чтобы действительно все понять. Авена не уставала слушать. И теперь вопросы стал задавать Катор.

Катор хотел узнать о земных науках. Кинг отвечал, но теперь он всю пользовался полуправдой и уклончивыми, туманными разъяснениями в темах, которые были лишь смутно известны ему самому. Катор не удовлетворялся услышанным. Снова и снова он настаивал, чтобы Кинг говорил более понятно. Он не получал то, чего хотел. Было бы не очень мудро рассказывать все до мельчайших подробностей, пока Кинг не знал, для чего все же им была нужна вся эта информация. Он этого не мог понять. А они явно не были готовы рассказать ему.

Внезапно свет за окнами показал, что они проговорили всю ночь. Катор и Авена удалились так же украдкой, как и пришли.

– Мы вернемся, – сказала Авена. Мы хотим узнать гораздо больше.

Что же происходит в ее красивой головке? – задал себе вопрос Кинг.

НА СЛЕДУЮЩУЮ ночь они пришли опять.

И проговорили всю ночь. И после следующей ночью повторилось то же самое. Они даже намеками не выказывали кроющуюся за всем этим цель. Они просто приходили и задавали вопросы. И каждый день Кинг обнаруживал, что остается пленником. Он получал все, что хотел: еду, питье, уход. Но дверь его комнаты всегда была на запоре, а за всеми его действиями наблюдали подобострастные рабы.

Затем как-то в полдень за ним пришел Катор. И тогда Кинг узнал, что они задумали. Глаза старого инженера ярко блестели, когда он вошел в комнату к Кингу.

– Сегодня великий день для акканиан, – сказал он. – Пойдемте. Вы должны кое-что увидеть.

Недоумевая, что бы это значило, Кинг последовал за ним. Катор привел американца в то, что было когда-то огромным открытым амфитеатром, способным вместить сорок-пятьдесят тысяч человек. Как и все остальное в Аккане, половина его лежала в руинах, но центральная часть была цела, и каменные скамьи стояли на местах. Однако, чего-то тут не хватало, и Кинг не сразу понял, чего именно: толпы, заполнявшей когда-то этот амфитеатр, орды, сместить которую он был призван. Людей. Они отсутствовали. Присутствующих акканиан едва хватало, чтобы занять нижние ряды. Тысячи сидели там, где были когда-то десятки тысяч.

В центральной секции, на большом троне с навесом, чтобы защищать от солнечных лучей, сидела Авена.

Ниже, полукругом между нею и толпой, сидели ее дворяне, каста охотников Аккана, и у каждого над головой плавал в воздухе *чад*. У толпы внизу *чадов* не было. Только Авена и ее охотники имели при себе небольшие смертоносные шары.

– Что тут будет? – спросил Кинг.

– Открытие Фестиваля Законов, – ответил Катор. – В этот день правитель Аккана – ныне это принцесса Авена – появляется перед подданными и объявляет законы на грядущий год.

– Что? Вы хотите сказать, что Авена провозглашает все законы этого мира?

– Естественно. Я понимаю, что в вашей стране это происходит по-другому, но мы живем так в Аккане уже много веков.

– И люди повинуются ей?

– Разумеется. Ее слово – закон.

– Да будь я проклят! – пробормотал Кинг.

КАТОР НЕЗАМЕТНО провел его и усадил в толпе рядом с собой. Кинг внезапно заметил, что старый инженер дрожит мелкой дрожью.

– Что случилось? – спросил он.

– Тсс! Ждите. Смотрите и слушайте.

Фестиваль начался. Открылся он со всей варварской пышностью и мишурой, под звуки фанфар, под странные стоны каких-то неизвестных американцу музыкальных инструментов. Целая процессия пажей внесла золотой жезл, который, очевидно, являлся символом власти. Авена приняла его – фанфары снова загремели. Авена поднялась с трона и воздела вверх жезл.

– Закон, дающий людям право на жизнь, продлен на следующий год, – ее ясный голос, усиленный шаром, пронесся над всем амфитеатром.

Снова запели трубы.

– Закон, определяющий налоговую ставку, продлен на следующий год, ставка осталась неизменной, – опять прозвучал ее голос.

Снова фанфары.

Кинг слушал, поражаясь обычаям этого странного народа. Сами законы мало что значили для него, но, казалось, очень много значили для собравшихся акканиан. Они внимательно слушали. Несколько раз Кинг видел, как некоторые из собравшихся принимались озиаться, словно кого-то искали. И каждый раз их ищущие взгляды останавливались на Каторе. Старый инженер сидел и, казалось, ничего этого не замечал. Кинг чувствовал, как в толпе растет напряжение. Все с нетерпением слушали озвучивание законов, но некоторые словно ожидали чего-то еще. Очень долго, казалось. Несколько часов, Авена объявляла законы Аккана. Кинг не понимал, почему это так важно. Эти законы действовали уже много веков. Она просто продлевала их срок действия. От чего же стоило приходить в такой восторг?

А некоторые акканиане действительно дошли до исступления.

Внезапно Авена замолчала. Ее пристальный взгляд пробежал по собравшимся, словно она искала кого-то в толпе. Взгляд ее остановился на Кинге. Она смотрела на него так, словно черпала в нем смелость продолжать. Затем улыбнулась. И вновь зазвучал ее твердый голос:

– Теперь я дошла до места, где обычно озвучивали закон об охоте дворян Аккана.

ЗРИТЕЛИ ЗАВОЛНОВАЛИСЬ. Этого не было в ритуале. Это было не по сценарию.

– Я готова объявить этот закон. *С этого дня дворяне Аккана прекращают охоту, это скотское, ведущее к деградации развлечения, которое привело мой мир и моих подданных к разрушению цивилизации. Мои дворяне прекращают охоту. Больше в Аккане не должно быть никакой охоты, никакой и ни под каким видом. Вместо охоты, мои дворяне займутся управлением очистными и ремонтными работами в городе, чтобы восстановить его до прежнего уровня. Они будут поощрять отстающие отрасли производства, поддерживать и развивать науки, они сделают все, что в их власти, чтобы акканиане возобновили свой прерванный путь вперед и вверх, к блистающему будущему.*

Напряженная тишина повисла над огромным амфитеатром.

— Я все сказала, — завершила Авена села обратно на трон и принялась напряженно оглядывать собравшихся.

Ее слово было законом. Она положила конец охоте в Аккане. В действительности же она уничтожила самое любимое занятие высшего сословия. Она установила декретом то, что являлось ничем иным, как революцией.

Сердце Кинга билось где-то в горле, когда он слушал ее слова. Так вот что планировали они с Катором. Вот что они имели в виду, когда расспрашивали его. Революцию! Они хотели узнать как можно больше о Земле, обычаях ее народов и прочим для того, чтобы начать реформы в Аккане!

Кинг вскочил на ноги и ликующе закричал, разрывая тишину:

— Bravo, Авена! Это, черт побери, лучший закон, который когда-либо принимался за всю историю этого мира!

Головы всех сидящих повернулись в его направлении. Катор резко дернул его, усаживая обратно на место.

— Замолчи и жди, как жду я, — прошипел старый инженер.

— Ждать чего?

— Того... Ах!..

В полукруге, окружающем возвышение с тронном Авены, где сидели дворяне, кто-то вскочил на ноги.

— Заявляю протест! — закричал он.

ВСЕ ДВОРЯНЕ повскакивали с мест, и Лардон первый из них. Лардон указал на Кинга.

— Вон тот чужак, — завопил он, — который увлек принцессу от апробированных и проверенных веками законов и обычаев наших отцов. Он околдовал ее, он заставил ее попытаться уничтожить нашу самую драгоценную привилегию. Я заявляю протест против озвучивания этого закона и заявляю протест против этого чужака! — он ткнул рукой в сторону Кинга.

Тут же протест закричал десяток голосов. Возник хаос звуков, который длился несколько мгновений. Простой народ: рабочие, инженеры и техники, сидящие в амфитеатре, растерянно глядели друг на друга. Они не понимали, что происходит. Был изменен многовековой закон. До них еще не дошло, что именно они, простые люди, получили бы наибольшую пользу от этих перемен. У них не было времени обдумать все это. Дворяне же во главе с Лардоном или были предупредены, или просто соображали быстрее. Они знали, что делать.

Прямо в Кинга полетел *чад*.

Десяток смертоносных шаров метнулись к Авене.

Правда, еще больше *чадов* сердито кружило над дворянами, но не торопилось лететь в Авену или Кинга. Либо они оставались в резерве, либо управляющие ими охотники еще не решили, что делать.

Потрясение среди акканиан быстро росло. Авена изменила закон. Дворяне дружно возмутились. Секунду спустя после того, как был озвучен закон, они уже были готовы уничтожить свою повелительницу.

Кинг вскочил, готовый броситься на дворян. У него оставались считанные секунды жизни. Если бы он только мог уклониться от *чада*, добраться до Авены и защитить...

– Как глупо!.. – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Он не успел бы ничего сделать.

Шары неслись прямо на Авену. Она не шелохнулась.

Но в десяти футах от нее, как и от Кинга, *чады* внезапно остановились в воздухе. Просто повисли там, не шелохнувшись. Еще миг назад они неслись к цели, словно пущенные стрелы. А теперь вдруг остановились, неподвижно зависнув.

На губах Авены появилась презрительная улыбка.

– Ну, и что дальше? – проговорила она.

Дворяне переводили испуганные взгляды с нее на свои *чады* и обратно. Некоторые вертели кольца, пытаясь возобновить контроль над этими смертоносными мячиками.

– Ну? – повторила Авена, в голосе ее зазвенел металл.

Тишина. Все уставились на нее.

– Кто тут заявлял протест против моих законов? – звенящим голосом спросила Авена.

Все молчали.

– Тогда подчиняйтесь законам, установленным мною! А теперь все свободны из моего присутствия!

СЛОВНО РУЧЕЙКИ, вытекающие из поврежденной дамбы и набухающие на глазах, акканиане начали покидать амфитеатр. Одни поспешно бежали по лестницам вверх, другие ныряли в боковые проходы. Дворяне, наряду с остальными, казалось, были рады поскорее убраться отсюда. Как ни странно, но *чады* последовали за ними.

Кинг с изумлением глядел на все это.

Кто-то захихикал возле него. Кинг повернул голову. Это был Катор.

– Это вы? – прошептал Кинг.

Старый инженер кивнул.

– Мы знали, что противники взбунтуются, – сказал он.

– Но почему...

– *Чады* перестали повиноваться им? Естественно. Видите ли, *чады* настраиваю я и мои работники. Мы просто изменили настройку так, чтобы все шары, без ведома их владельцев, оказались под контролем Авены. Поэтому, когда дворяне попытались напасть на нее и вас, она просто остановила полет *чадов*.

– О, Господи! – выдохнул Кинг.

Авена поднялась со своего трона и подошла к ним.

– Ну как, человек из другого мира, что вы думаете теперь? – неуверенно спросила она.

– Я думаю, что вы очень храбрая и сильная, – ответил Кинг. – И я горжусь вами.

– Спасибо.

– Но... У меня есть вопрос...

– Да?

– Лардон и другие дворяне не сумеют ли вновь обрести полный контроль над своими шарами? Сейчас вы победили их потому, что они не поняли, что случилось с их *чадами*. Для них это было полной неожиданностью. Но когда они узнают, почему так произошло, они вернутся к вам и, если я не ошибаюсь, вот тогда-то и начнутся настоящие проблемы.

– Конечно, начнутся проблемы, – ответила девушка. – Но проблемы есть всегда. Но мы же с вами не боимся их, не так ли?

– Возможно, вы и не боитесь, – ответил Кинг. – Но я-то уж точно боюсь.

IX

КАК НИ СТРАННО, прошло несколько дней, но благородные охотники Аккана не прилагали никаких усилий, чтобы сопротивляться декрету, лишившему их чуть ли не всех их привилегий. Их видели на улицах, командующими отрядами уборщиков, распоряжающихся ремонтом зданий. Им предстояла еще масса работы. За несколько дней нельзя восстановить то, что разрушалось веками. Для этого нужны месяцы, годы. Но, в конечном итоге, Аккан мог быть возрожден во всей былой красе.

– По крайней мере, у них будет стабильное занятие, – сказал Кинг Авене, пока они наблюдали за группой людей, передвигающих каменные блоки.

Авена молча кивнула. Все эти дни она, главным образом, молчала. Тайком наблюдая за ней, Кинг никак не мог ее понять. Он знал, что еще совсем недавно она была ярой охотницей на людей,

главой касты охотников Аккана. И вот, несколькими словами декрета она положила конец охоте, уничтожила всю социальную систему и вместо того, чтобы бездумно проводить жизнь в охоте, дворяне стали трудиться на благо всего населения. Она внесла серьезные изменения в жизни акканиан, но при этом и сама изменилась. Молчание было показателем произошедших в ней изменений, но мысли, которые были в ее красивой головке, Авена держала при себе. И в одном она была непреклонна: она не вернулась бы в леса, хотя, при этом, не отпускала туда и Кинга. Он хотел было вернуться к своим товарищам, рассказать им, что произошло, сообщить, что они свободны и могут покинуть убежища, что никто больше не будет охотиться на них, как на диких зверей. Кинг не решался сказать Авене об их существовании, но на предложение пойти прогуляться в лесу наткнулся на ее твердое: «Нет!»

— Но почему? — недоуменно спросил он.

— Я ненавижу охотничьи угодья, — ответила Авена. — Ненавижу их. Я... Прежде я сама охотилась там.

Наверное, только психиатр мог удовлетворительно объяснить ее реакцию, но, казалось, она решила, что охота является чем-то постыдным, поэтому не хотела вспоминать о том, что делала раньше.

В отличие от молчаливой Авены, восторг и ликование переполняли Катора.

— Теперь, — постоянно твердил старый инженер, — мы можем снова начать делать успехи. Долгие годы, века застоя теперь кончились. Мы снова можем начать развивать — я уже составил планы, — все прежние науки. Мы можем вновь открыть заброшенные школы. Возможно, — он хитро взглянул на Кинга, — мы сумеем отправиться в ваш мир и пообщаться с вашими учеными, вашими мудрецами. От объединения знаний двух миров, каждый получит неисчислимые выгоды.

— Возможно, — сказал Кинг. — Но тем временем, действительно ли вы уверены, что дворяне не собирают силы, чтобы нанести вам удар в спину?

— Конечно, уверен, — отмахнулся Катор. — Что они могут сделать? У Авены в руках кнут, а они бессильны.

Катор был настроен решительно, но Кингу его уверенность напоминала больше принятие желаемого за действительное. Не нравились ему взгляды бывших охотников.

— Гм-м... Конечно, Авена может остановить их *чады*. Но на каком расстоянии это будет эффективно?

— Что значит, на каком расстоянии? — Катор внезапно нахмурил лоб. — Любым *чадом* она сможет управлять на расстоянии в двести

шагов. Если же ее собственный *чад* будет заряжен недавно, то и на все триста. Вы же не думаете...

— Пока что я ничего не думаю, — ответил Кинг. — Но если бы я был одним из тех бывших охотников, то отошел бы на триста шагов от принцессы и там смеялся бы над нею. Что бы тогда она сделала?

— Ну... Ну... — растерялся инженер. — Они даже не обнаружили, как она управляет их *чадами*. Они понятия не имеют...

— Не имеют понятия, да? А где, кстати, Лардон?

— Лардон? Лардон... Теперь, когда вы упомянули о нем...

— Вы не видели его с тех пор, как он попытался взбунтоваться, — закончил за него Кинг. — И я тоже.

— Я немедленно организую его поиски, — пообещал Катор и, возбужденно подпрыгивая, чуть ли не как кролик, куда-то пошел.

Кинг подошел к Авене.

— Моя прекрасная леди, сейчас вы похожи на объездчика лошадей, впервые севшего на необъезженную лошадь.

— Я не боюсь, — ответила она. — Мы в Аккане считаем, что все умирают лишь раз.

— В моем мире тоже есть такая поговорка, — кивнул Кинг. — Но еще у нас в ходу и другое высказывание: вы можете умереть лишь раз, но когда умрете, то останетесь мертвым чертовски долгое время.

ПОСКОЛЬКУ ОНА не стала ничего делать, Кинг сам принял меры предосторожности. Он тщательно проверил ее стражников и, без ее ведома, выставил дополнительные ночные посты. С помощью Катора он установил охранную систему, предназначенную для того, чтобы ловить подлых убийц, попытавшихся прокрасться в покои принцессы в темноте. Тем временем Лардон числился пропавшим без вести, и Катор не мог напасть на его след.

Затем, как-то вернувшись поздно ночью в свою комнату, Кинг узнал, куда девался Лардон.

В комнате, на полу, лицом вниз, лежал мертвец. Между его лопаток был аккуратная дыра, проделанная *чадом*. Кинг опустился на колени, перевернул труп и отшатнулся.

Это был не акканианин. Это был американец. Хиллсон, ассистент Соренсона.

Янки из убежища Соренсона лежал мертвый в комнате Кинга во дворце Авены.

Возле него валялась записка, написанная по-английски!

«Мы захватили ваших друзей, прятавшихся в пещерах. В качестве доказательства мы преподносим вам этого человека. Один

удар ножом в горло принцессы Авены, и вы со всеми своими друзьями будете спасены и отправлены обратно в ваш мир. Не сделаете этого, и мы станем посылать вам ваших друзей, одного за другим, в том же виде. Девчонку последней. Выбирайте!»

Записка имела подпись: **АКБАД**.

Так вот куда девался Лардон. Он отправился к Акбаду. И глава Храма Запретного Наслаждения прибыл сюда, в Аккан, чтобы возглавить восстание дворян! Так или иначе, убежище американцев было раскрыто. Акбад использовал их в качестве рычага давления, чтобы заставить Кинга убить Авену. И Хиллсон, все мысли которого были направлены на тайны электродинамики, Хиллсон, с великолепным технических умом, лежал теперь мертвый в комнате Кинга.

Нож в горло Авены, иначе ваши друзья умрут один за другим! Леда, Леда с ясными голубыми глазами и веснушками на носу. Леда умрет последней. Перед глазами Кинга встал ее образ, образ лежащей в комнате на полу девушки. Леда с дырой, проделанной шаром!.. Кингу стало так больно, словно шар пробил грудь ему самому. И появился еще один образ – нож в белом горле Авены, жизнь, уходящая из нее вместе с потоком хлещущей крови. Ему стало еще больнее.

– О, Господи! – простонал он. – Почему бы мне просто не совершить самоубийство!..

Авена... или Леда и американцы! Кинг ничуть не сомневался, что Акбад выполнит свои угрозы. Или Авена умрет от руки Кинга, или один за другим будут появляться на его пороге трупы. Акбад умно выбрал единственного человека, который мог добраться до принцессы.

Скрип входной двери ударил Кинга по ушам. Он вскочил на ноги, все еще держа записку.

Открылась дверь. Вошли Авена и Катор. Взглянули на Кинга, затем их взгляды скрестились на лежащем на полу трупе.

– Что это? – спросил Катор.

– Когда я вошел, то обнаружил его здесь, – ответил Кинг.

– А-а!.. Это вы убили его? Нет, вижу, что не вы, – начав осматривать труп, Катор тут же обнаружил дыру, проделанную *чадом*, и почти немедленно сделал то же самое открытие, что и Кинг ранее, страшно поразившее его. – Ого! Да это не акканианин! Он... он... – Катор поднял взгляд на Кинга.

– Я тоже увидел это, – ответил Кинг.

– Но как американец, представитель вашего народа, сумел попасть сюда?

— Вероятно, так же, как и я сам — с помощью радушного гостеприимства Акбада. Что-то нужно сделать...

Авена кивнула.

— Я согласна, что-то нужно сделать с Акбадом. Но сейчас я больше беспокоюсь... — Она пристально посмотрела на Кинга.

Он сунул записку в карман.

— Вы хотите сказать, что они попытаются убить меня? Не думаю. Если бы они хотели убить меня, то давно бы сделали это, и дело с концом. Относительно этого человека, я сам ничего не знаю, если не считать того, что его обнаружил я. Кто убил его, почему и как он вообще проник сюда... — Кинг пожал плечами. — Я как раз собирался вызвать вас, когда вы сами пришли. — И он скользнул взглядом по горлу принцессы.

Авена озадаченно глядела на него. Она не стала спорить, но Кингу показалось, что не совсем и поверила ему. Мысли ее были в смятении, что отчетливо отражалось на прекрасном лице.

— Мы с Катором пришли поговорить с вами, — сказала она. — А это... ну, это даст мне новую пищу для размышлений. Идем, Катор.

Она повернулась и покинула комнату. Старый инженер чуть колебался и последовал за ней. Несколько минут спустя в комнату вошли слуги и унесли труп. Кинг не возражал. Когда дверь открылась, он заметил, что в коридоре поставлены дополнительные стражники.

Интересно, подумал он, Авена поставила их сюда, чтобы предотвратить возможную попытку убийства, или они были поставлены, чтобы держать меня под арестом?

— Черт! — выругался Кинг сквозь зубы.

В голове была единственная мысль, точнее, вопрос: что же делать? На столике в углу комнаты что-то блеснуло, привлекая его внимание. Это был кинжал с шестидюймовым лезвием, острый, как бритва, и с кончиком, точно у иглы. *Оставили для меня*, мелькнуло у Кинга в голове. Он сунул кинжал в карман и задумался.

Потом принялся действовать. Маленький коврик, лежащий на полу, Кинг скатал в рулон и положил на кровать, накрыл покрывалом. Любопытно, заглянувший в комнату, увидел бы, что Кинг безмятежно спит. По крайней мере, Кинг на это надеялся. Но еще больше он надеялся на то, что никто не станет его искать. Он подошел к окну и тихонько открыл тяжелую створку. Стены оплели крепкие лозы, похожие на плющ. Толщиной они были в целый дюйм. Кинг осторожно проверил их. Затем бесшумно, как тень, начал спускаться по стене.

Полчаса спустя он уже был в спальне Лардона.

– Черт побери! – прошипел он.

Лардона в комнате не оказалось. Кинг надеялся, что дворянин с бычьей шеей вернется к себе домой. Если бы только Кинг нашел Лардона... Ну, были кое-какие вопросы, которые он хотел бы задать этому здоровяку, вопросы, на которые Лардон вполне мог ответить.

– И что теперь делать? – подумал Кинг.

Если следовать логике, ему оставалось лишь одно – найти какого-нибудь другого дворянина. Но какова вероятность, что тот будет знать ответы на его вопросы? Кинг повернулся к двери и собирался уже было покинуть спальню тем же путем, как и проник сюда, но тут в коридоре послышались чьи-то шаги. Кинг прижался к стене в тени и стал ждать. Спальню освещал лишь один тусклый ночник. Дверь чуть приоткрылась. Кинг затаил дыхание.

КТО-ТО СТОЯЛ в коридоре, внимательно осматривая спальню через образовавшуюся щелку. *Вор, подумал Кинг, или убийца?*

Все могло быть. Лардон достаточно богат и не скрывает этого, так что вполне мог бы привлечь внимание всех воров в Акке. И у него, также, могло быть много врагов. Кинг ждал. Дверь приоткрылась еще на дюйм, затем рывком распахнулась. В спальню вошел сам Лардон.

Он прошел прямо к стоящему в спальне тяжелому металлическому сундуку, склонился над ним, потом опустился на колени и принялся неуклюже отпирать замок. Кинг присмотрелся. Над Лардоном не летал никакой *чад*.

Тогда Кинг тенью метнулся к нему и хрипло прошептал прямо в ухо здоровяка:

– Если только дернешься, я воткну нож тебе в спину.

– Что? Кто это? – полушепотом воскликнул Лардон.

– Заткнись!

– Ой! – пискнул Лардон, когда кинжал уколол его. – Что... Кто ты?

– Обернись и посмотри.

Лардон медленно повернулся. При виде Кинга лицо его исказилось от ужаса.

– Это ты... – прошептал он.

– Да, – любезно кивнул Кинг.

– Что... что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты отвел меня к американцам, которых держит в плену Акбад.

– Что?

– Ты меня слышал!

– Но я... Я не могу этого сделать... Я не понимаю, о чем ты...
Понятия не имею ни о каких пленниках. И кто... кто такой Акбад?

– Я тебя слушаю, – сказал Кинг.

– Но я не знаю...

– Заткнись! Или ты отведешь меня к ним, или...

Лардон все еще стоял на коленях. Он попытался подняться, но кинжал Кинга тут же кольнул его сквозь одежду.

– Ой! Не надо, не делай этого!

– Отведи меня туда, куда я сказал, иначе... – Лезвие кинжала блеснуло в воздухе и остановилось в четверти дюйма от горла Лардона.

– Ну! – поторопил его Кинг.

– Яотведуотведуотведу! – Лардон затараторил так быстро, что слова слились вместе.

Он встал. Кинг шел на шаг позади него. Так они вышли из спальни.

– Если появится желание убежать, – сказал Кинг, – вспомни, что я успею всадить тебе нож между ребер, прежде чем ты сделаешь хоть шаг. Я также умею отлично метать ножи, – мрачно добавил он.

– Я отведу тебя к ним, – закивал Лардон.

– Веди меня так, чтобы нас не поймали, – предостерег его Кинг. – Если приведешь меня в ловушку, то станешь первым покойником.

Про себя Кинг подумал, что Лардон наверняка замышляет нечто подобное.

– Я отведу тебя тайным путем, – пообещал здоровяк.

И сдержал свое обещание, поскольку ни на секунду не забывал о кинжале у его спины, но прежде чем они добрались туда, где держали американцев, Кинг много раз думал, что акканианин ведет его в западню.

Американцев держали не в городе, как думал Кинг. Не были они и в окружающем город лесу, хотя Лардон направился именно в том направлении. В конечном итоге он привел его в лабиринт пещер, такой длинный, что, казалось, он раскинулся на много миль. Используя самосветящуюся лампу в качестве фонаря, Лардон осторожно шел по пещерам. Он явно трусил, но было непонятно, чего боится – ножа у спины или того, что их может заметить Акбад. А, может, чего-то еще. То и дело Лардон оборачивался через плечо, вертел головой во все стороны. По лицу его градом катился пот.

– Ну, и здоров ты потеть, – сказал ему Кинг. – Ничего, если обманешь меня, потеть тебе больше не придется.

– Почему? – задал глупейший вопрос Лардон.

— Потому что мертвые не потеют, — с усмешкой объяснил ему Кинг.

— Я не обманываю вас, — опять зачастил акканианин. — Заключенных держат тут. Осталось уже немного. Только поосторожнее с кинжалом.

— А как там насчет охраны?

— Да нет никакой охраны! Я... нам даже в голову не пришло, что кто-то может попытаться спасти их, поэтому мы не посчитали необходимым ставить охрану.

— Прекрасно, — проворчал Кинг.

— Мы пришли, — сказал, наконец, Лардон. — Вон дверь камеры, где их держат. Как видишь, я не обманул тебя.

Х

ДВЕРЬЮ ЯВЛЯЛАСЬ решетка из толстых железных прутьев. Она держалась на железных же стержнях, привинченных болтами к каменной стене. В целом устройство было примитивным, но надежно запертым на засовы, не давая заключенным никакой возможности самим выбраться наружу, причем их можно было увидеть из коридора. Подходя, Кинг заметил в камере какой-то движение. Лардон направил свет своего фонаря в камеру. И тут из-за железной решетки кто-то удивленно воскликнул:

— Будь я проклят! Это же Сэнди Кинг!

Это был голос Кэла Карсона, его Кинг узнал бы где угодно.

— Кэл? Вы все там? Вы в порядке? — позвал он.

— Мы в порядке, — ответил Карсон. — Мы все здесь, кроме Хиллсона. Его увели, и он так и не вернулся. Не знаю, что с ним сделали.

— Зато я знаю, — хмуро буркнул Кинг.

Он вытащил засовы из пазов, и все бросились наружу, приветствуя его удивленными возгласами. Леда, Соренсон, выглядящий так, словно еще больше состарился с тех пор, как Кинг видел его в последний раз. Роджерс, Син Юл и техники, которых Кинг видел в лаборатории Соренсона.

— Кинг!

— Мы рады, старина, что ты появился.

— Что, черт побери, с тобой было?

— Рад видеть вас живым, сэр. Мы уже думали, что они прибили вашу голову в каком-то из своих залов. — Это сказал Син Юл. — Как мы нашли нас здесь, босс?

— Лардон оказался достаточно любезен и проводил меня, — усмехнулся Кинг, кивнул на акканианина. — Разумеется, у вас много ко мне вопросов, но они подождут. Идемте. Нужно убираться отсюда.

— А что вы хотите сделать со мной? — вмешался Лардон.

— Возьмем тебя с собой. Пусть Авена решает, что с тобой делать.

— Авена?! Если вы отдадите меня ей, она убьет меня.

— Ну, не думаю, — подбодрил его Кинг. — Ты, конечно, крыса, но заслужил себе право на жизнь, и, я думаю, она тебя пощадит. Идемте. Веди нас отсюда, Лардон. Я хочу немедленно отвести этих людей к Авене.

Лардон бежал трусцой впереди. За ним вплотную шел Кинг. Он не собирался доверять акканианину и убирать кинжал до тех пор, пока они не вернутся в город. На ходу Кинг рассказывал о том, что с ним произошло.

— Вы хотите сказать, что Авена объявила о прекращении любой охоты в Аккане? — недоверчиво спросил Соренсон.

— Да.

— С трудом этому верится. В конце концов, ей пришлось бы полностью измениться, чтобы отказаться от охоты. Проще леопарду было бы изменить свои пятна, чем правительнице Аккана отменить обычай охоты на людей.

— Но она сделала это, — возразил Кинг.

— Может быть, может быть... — по-прежнему недоверчиво проворковал старый ученый. — Но я столько лет прожил в страхе перед ней и ее дворянами, что не могу легко согласиться с вашими словами. Может, я и поверю, но лишь когда увижу это собственными глазами.

— Скоро увидите, — пообещал ему Кинг. — Мы недооценивали ее. Авена была охотницей, потому что таковы были обычаи ее народа, и никто никогда не говорил ей, что это неправильно. О, Господи, что это?..

Он резко остановился, схватив за плечо идущего перед ним Лардона. Впереди, танцуя в темноте большой пещеры, через которую они шли, висел светящийся *чад*. И медленно плыл в их сторону.

— Назад! — крикнул Кинг.

Но прежде чем он успел шевельнуться, то краешком глаза увидел, что позади тоже вылетел *чад*. Справа была стена. Слева большая темная пещера, а сверху, точно громадные снежинки, спускались десятки светящихся шаров. Лардон что-то невнятно заворковал со страхом. Карсон выругался. Леда испуганно вскрикнула. Кинг стоял, не шевелясь. Из стены справа от них выступал каменный балкон, отмечавший какой-то проход. И на этом балконе стояли акканиане.

Именно эти акканиане управляли *чадами*. Каким-то образом им удалось отыскать сбежавших американцев.

ШЕРЕНГА ОБЛАЧЕННЫХ в мантии акканиан стала быстро спускаться с балкона по карнизу. Они двигались с точностью хорошо обученного отряда пехоты и окружили американцев, прижав их к стене пещеры, подкрепленные парящими над ними *чадами*.

Кинг взглянул на Лардона.

— Если я выберусь отсюда живым, тебе придется всю жизнь бежать, куда глаза глядят! — рывкнул он.

Кинг было подумал, что Лардон специально привел их в такое место, где поджидал Акбад. И тут он увидел вышедшего из темноты и спускающегося по карнизу командира окружившего их отряда. Он повернулся к нему.

Но это был не Акбад. Это была Авена. А чуть позади шел Катор. Они спустились и подошли к нему. Светящийся *чад* хорошо освещал лицо Авены. Оно было мраморно-белым, как камень. И, как камень, бесстрастным. Ни малейшей эмоции нельзя было увидеть на нем. Ее пристальный взгляд перешел от Кинга к группе людей, стоявших рядом с ним, на мгновение задержался на Лардоне, затем вернулся к Кингу.

— Ну, и что это значит? — спросила Авена.

— Откуда вы взялись? — спросил в ответ Кинг.

— Я отправила Катора в ваши покои, чтобы поговорить с вами. Когда он сообщил, что вас там нет, я начала ваши поиски. Один из моих людей сообщил, что видел вас с кем-то еще, идущим в пещеры. И вот мы здесь.

— Понятно.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— А мне нужно в чем-то оправдываться? — поднял брови Кинг.

— Думаю, вы обязаны мне многое рассказать, — заявила Авена голосом, столь же холодным, как ветер над ледником. — Я нахожу вас здесь, с человеком, являющимся моим смертельным врагом — я имею в виду Лардона, — который попытался восстать против моих законов. Я также нахожу с вами группу ваших соотечественников, группу, о которой я вообще ничего не знала. Все выглядит так, словно вы участвуете в заговоре против меня.

Слова ее звенели, точно ледышки. Кинг не мог не увидеть в них безжалостную логику. С ее точки зрения, все действительно было похоже на заговор!

Он пожал плечами.

— И вы верите этому?

— Неважно, чему я верю. Что делаете вы тут вместе с Лардоном?

— Спросите Лардона, — буркнул Кинг.

— Я спрашиваю вас.

Кинг молчал. Что он мог сказать? Мог ли сказать он ей, что, угрожая кинжалом, заставил Лардона привести его к плененным американцам?

— Кто вообще эти люди? — спросила Авена.

— Мои друзья.

— Что они делают здесь? Как они попали сюда?

— Я бы сам хотел узнать ответ на этот вопрос, — сказал Кинг. — Они были приведены сюда. Но как их вообще схватили...

С той самой минуты, когда он узнал, что янки схвачены и их держат в плену, Кинга мучали вопросы: Как их поймали? Как Акбад раскрыл их убежище?

— Кто же привел их сюда? — продолжала допрос Авена.

Кинг лишь пожал плечами.

— Достаточно, — голос ее стал еще холоднее, дойдя почти что до абсолютного нуля. — Если у вас есть объяснения, я готова их выслушать. Если же нет...

Смертоносные шары бешено плясали над ее головой, неся в себе страшную угрозу. Кинг понял, что она имеет в виду. И в душе у него росло восхищение. Он вел суровую жизнь среди суровых людей, поэтому мог понять и оценить твердость, которую встретил в этой девушке. Она была тверда, как сталь, когда того требовала ситуация. И храбра, храбра настолько, что могла стать безжалостной. Кинг усмехнулся.

— Когда вы принимаете решение, то принимаете его окончательно, верно? — спросил он. — Ладно, Авена, если вы хотите знать, почему Лардон здесь... Он пришел сюда по моему настоятельному приглашению. А я пришел сюда ради своих друзей. — И он протянул ей кинжал и записку.

С кинжалом было все ясно, но вот записка была написана по-английски, и Авена не могла прочитать ее. Тогда Кинг перевел записку. Когда ее смысл дошел до Авены, лицо ее стало белым.

— Кинг! Или вы убьете меня, или он убьет ваших друзей?

— Что-то вроде этого.

— Но почему вы не пришли ко мне?

— Чтобы Акбад продолжал подкидывать мне один за другим трупы этих людей? Возле вас почти наверняка есть его шпоны! Он узнал бы, если бы я рассказал вам об его угрозе.

— Но если бы вы пришли ко мне, то я, возможно, оказала бы вам помощь в их поисках и спасении. А без такой помощи вас могли убить.

– Но мы же с вами не боимся смерти, – рассмеялся Кинг. – Помните, Авена, как вы сказали мне это?

Авена вздрогнула и покачала головой.

– Не нужно мне напоминать. Я не имела в виду...

На мгновение хрупкая оболочка, которой она окружила себя, треснула, и под ней показалась испуганная, очень испуганная девочка, которая пыталась справиться со своими страхами.

– Что... что мы должны сделать?

– Прекрасно, – медленно произнес Кинг. – Этот вопрос означает: вы решили, что с этого момента, я должен взять управление на себя?

– Ну...

– Да или нет?

– Да, – выдохнула она. – Давайте, командуйте. Что мы должны делать?

– Для начала – убираться отсюда ко всем чертям, пока еще можем. Во-вторых, найти Акбада. Может быть, Лардон сможет помочь нам в этом.

– Я ничего не знаю, – поспешно сказал Лардон. – Акбад...

– Не доверял вам, да? Ладно... Что, Кэл?

– Мне нужно поговорить с вами, Сэнди, – сказал бывший сержант.

– Давайте, говорите.

– Я имею в виду – наедине.

– Ну, хорошо. – Кинг отошел с Карсоном от остальных. – Что у вас на уме, Кэл?

– Кажется, я знаю, как нас сумели обнаружить.

– Угу... Так поделитесь информацией. Как они умудрились схватить вас всех сразу?

– Мы были в пещере и не видели никого на мили вокруг, – сказал Карсон. – Потом вдруг – бац! – и эти гориллы оказались среди нас! У нас не было ни единого шанса.

– Угу...

– Казалось, они знали все входы и выходы, всю запутанную сеть пещер.

– Да?

– А это значит, что кто-то дал им информацию, где мы находимся и как до нас добраться. И эта информация была очень точной.

– Черт побери! Но кто...

– Син Юл!

– Син Юл? – повторил Кинг.

– Я думаю, да, – кивнул Карсон. – До того, как нас схватили, он куда-то надолго уходил. А когда нас поймали, эти гориллы привели

его, словно он где-то прятался. Но мне не кажется, что так и было. Скорее всего, он пошел к ним и рассказал все о нас. А когда они нас поймали, то посадили его к нам в качестве шпиона.

— Что-то не верю я в это, — возразил Кинг. — У Син Юла не было причин для измены. Что получил бы он с этого?

— Черта с два не было! — воскликнул Карсон. — Я думаю, он самовольно пошел в город и был там пойман. А потом он рассказал Акбаду, где мы находимся. Наверное, ему пообещали что-то за предательство. А может, он просто решил встать на сторону того, кого считал победителем. А ведь это так заманчиво, Сэнди, оказаться на стороне победителя.

Доводы Карсона казались вполне логичными.

— В любом случае, будь он проклят! — рявкнул Кинг. — Сейчас я вытрясу из него правду. Син Юл! — закричал он. — Иди сюда!

Ответа не последовало.

— Черт побери, да где же он? Я видел его, когда я открыл камеру и выпустил вас. Син Юл!

Быстрые поиски показали, что Син Юла действительно нет. Кинг задумчиво уставился на Карсона.

— Я порву его, — прорычал Кинг, — этого грязного сукина... Раз его нет, это может означать лишь одно — он побежал к Акбаду! Идемте! Нужно выбираться отсюда.

И словно в ответ, откуда-то из темноты раздался издевательский смех. Затем отдаленный голос прошептал:

— Это проще сказать, чем сделать, командир Кинг, гораздо проще сказать.

Голос Акбада. Далекий шепот Акбада, передаваемый *чадом*, шепот, который они слышали сначала в бунгало, а потом в Храме Запретного Наслаждения в джунглях Верхней Бирмы.

И одновременно откуда-то донесся крик охранника, которого Авена оставила позади, ужасный крик человека, которого настигла смерть. Сверху, из темноты, выпрыгнул *чад*, светящийся красным светом. Он пронесся по воздуху и с тяжелым стуком ударился в каменный пол пещеры.

И немедленно с карниза, где стоял охранник, вылетели десятки светящихся шаров. Точно падающие звезды, они полетели к стоящим внизу людям.

Акбад заманил Авену и всех ее людей в ловушку. Авену, Катора, многих техников, которые поддержали новые законы, провозглашенные принцессой, лояльная часть дворцовой стражи — все были здесь. И было ясно, что сейчас сделают несущиеся вниз *чады*.

— Останови *чады*! — рявкнул Кинг Авене.

Один миг ушел у него на то, чтобы подобрать с пола кинжал, который он передал Авене и который та бросила на пол. Это было чисто инстинктивное действие. Кинг не мог рассчитывать, что ему удастся отбиться кинжалом от смертоносных шаров. Остановить их могла только Авена. Она уже раз остановила *чады*, когда дворяне попытались взбунтоваться. И она могла остановить их еще раз.

Кинг видел, как внезапно заострилось ее сосредоточенное лицо, когда она посылала через свой *чад* мысленные импульсы.

Казалось, он слышал, как она повторяет:

– Остановитесь! Я приказываю вам остановиться!

И *чады* заколебались в воздухе, на миг остановились, потом все же продолжали снижаться. Они летели теперь медленнее, но все же летели.

Авена взглянула на Кинга. На ее лице застыло изумление пополам со страхом.

– Я не могу... управлять ими, – прошептала она.

– Но вы должны! – рявкнул Кинг.

– Не могу...

– Они обнаружили изменения, которые мы сделали в *чадах*, – выдохнул Катор. – И сами перестроили их так, чтобы Авена больше не могла управлять ими. Бегите!

И, хотя Кинг не думал об этом до настоящего момента, ему показалось вполне логичным, что люди, создавшие такое совершенное оружие, как *чад*, которое можно использовать и для охоты, и для сражений, придумали также и методы защиты от него. На Земле оружие и защита развивались одновременно. Щит был придуман в качестве защиты от стрел, мечей и копий. Позднее появились стальные латы. Когда изобрели пулеметы, в качестве защиты придумали окопы. Когда на сцене появились танки, тут же возникли противотанковые ружья. А что использовал Акбад, чтобы защищаться от *чадов*?

И внезапно Кинг понял, что он использовал. Тот же *чад*. Оружие одновременно оказалось и защитой. Меч против меча, лук против лука, винтовка против винтовки, орудие против орудия, *чад* против *чада*. Когда Катор, Авена, ее охрана и доверенные техники Катора начали бой, огромная пещера тут же заполнилась десятками отчаянных поединков. Защитники образовали вокруг Авены плотное кольцо. Перед ними, над ними и позади металась их *чады*. Словно дуэлянты, вооруженные шаровыми молниями вместо мечей, они производили атаки и контратаки.

Бросающийся к охранникам *чад* был встречен и отклонен в сторону. Или не отклонен, и тогда он через мгновение появлялся, весь

красный от крови, над телом падающего защитника. Кинг увидел, пали три охранника Авены, как Катор попытался схватиться за исчезнувшую после удара *чада* левую руку, увидел, как Авена едва успела отразить несущийся прямо на нее *чад*, и понял, что у этой битвы может быть лишь один конец.

— Назад! Отступайте! — заорал он.

АВЕНА УСЛЫШАЛА и поняла его.

Ее охранники стали постепенно отступать в темноту туннеля в дальнем конце пещеры. Как раз там они имели бы возможность продолжать это сражение. Но нужно было еще добраться туда.

— Карсон! Роджерс! И мне нужно еще двоих! — крикнул Кинг.

Американцы стояли в сторонке, не принимая участия в битве. *Чады* не нападали на них, вероятно, потому, что в данный момент они были не опасны. Когда Авена и ее сторонники будут уничтожены, невооруженные американцы не окажутся проблемой. Поэтому Акбад пока что оставил их в покое.

— Что, Сэнди?

— Пусть остальные чем-нибудь займутся, а вы четверо — за мной!

С Карсоном и еще тремя по пятам, Кинг скользнул вдоль стены к ведущему на балкон карнизу.

— Мы в деле, Сэнди? — спросил Карсон.

— Да!

— Жаль, у меня нет автомата Томпсона.

— Мне тоже жаль, — ответил Кинг. — У меня есть только кинжал, а у тебя — кулаки. Этого недостаточно, но это все, что мы имеем. Если мы сумеем отвлечь стоявших на балконе хотя бы на несколько минут, у Авены будет возможность уйти.

— Ясно.

— Держись поближе к стене и молись, чтобы они оказались слишком заняты и не заметили нас.

Словно тени, Кинг и четверо с ним стали подниматься по карнизу на балкон. Карниз представлял собой созданный природой выступ, неровный, но хотя бы не скользкий. Кинг в несколько прыжков взлетел по нему на вершину.

Теперь он увидел Акбада. Тот, стоял, наклонившись, на краю балкона, управляя своим *чадом*, мечущимся внизу. А рядом с ним стоял Син Юл.

— Вот же крыса! — проскрежетал Кинг. — Как только мы упустили его из виду, он тут же побежал доложить Акбаду, где мы находимся. Потому нас так легко и нашли.

Кинг мгновенно перескочил с карниза на балкон. Акбад заметил его движение.

— Берегись! — крикнул он.

С ножом в руке Кинг бросился на него, но Акбад ловко отскочил. Одновременно Син Юл поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит, и боднул головой Кинга в живот. Это было столь неожиданно, что Кинг не успел отреагировать. С прервавшимся дыханием Кинг рухнул на каменный пол балкона, ударился затылком о выступ стены и потерял сознание.

Пришел он в себя буквально через несколько секунд. Пока сознание медленно возвращалось, Кинг увидел Син Юла, склонившегося над ним. Он быстро бормотал что-то неразборчивое.

НА БАЛКОНЕ творился настоящий ад. Находившаяся там кучка дворян начала от кого-то отбиваться. Внезапно один из них взмыл в воздух и, болтая руками и ногами, полетел вниз с балкона, как подбитая птица.

— Задай им жару, Кэл! — прохрипел Кинг.

Он уже понял, что на дворян напали Карсон и трое других американцев. А уж драться они умели. Эта схватка могла иметь лишь один исход. Внезапно снизу взметнулся светящийся *чад*.

— Осторожно! — хрипло крикнул Кинг. — Они зовут своих псов. — Он попытался подняться на ноги, но те тут же подкосились. — Ого! Что же это?

И тут перед Кингом вновь появился Син Юл.

— Ты что-то сказал? — просипел Кинг.

— Ты сейчас умрешь, янки, — с восторгом повторил Син Юл.

Кинг секунду подумал над его словами. Почему-то они не показались ему поводом для радости.

— И что с того? — спросил он. — Ты-то чего веселишься?

— А что мне — плакать? — закричал Син Юл. — Ты думаешь, я бирманец? Никакой я не бирманец. Я японец!

— Что? — пробормотал Кинг.

Он расслышал его слова, но они показались ему полной чепухой.

— Верховное командование услышало рассказы об этом мире, — кричал Син Юл, очевидно, убежденный, что Кингу будет полезно узнать перед смертью правду. — Они послали меня на разведку. Ты нанял меня проводником. Ты не знал, что именно это мне и нужно. Ха! Умный янки, которого так легко обманул японец!

— Будь я проклят, — сказал Кинг. — Японский шпион!

Слова Син Юла, наконец-то, дошли до его сознания.

— Я узнал тайну стеклянного пузыря, тайну *чада*, и вернусь с ними в Японию, — продолжал злорадствовать Син Юл. — С ними Япония начнет другую войну. И на этот раз американцам не победить. Как тебе это нравится, а?

Кинг молчал. Он был потрясен. Японские вояки, овладевшие секретами *чадов* и свободно летающих пузырей. Кинг легко мог представить себе, что это значит. Японская промышленность сумеет быстро наладить их массовое производство, а, может, даже модернизирует их. Пирл-Харбор повторится множество раз, в гораздо больших масштабах. В масштабах всей Америки, а то и всего мира.

— Как тебе это нравится, а? — ликовал Син Юл.

— Вовсе не нравится, — ответил Кинг.

— Но ты ничего не можешь поделать, янки. Ты сейчас умрешь. Видишь *чад*. У меня есть *чад*. Сейчас я позову его сюда, янки.

Наслаждаясь моментом торжества, Син Юл не спеша направил *чад* к Кингу. Тот летел медленно, очень медленно. Кинг устался на смеющуюся физиономию Син Юла позади него. Син Юл насмехался над ним.

— Сейчас увидишь, как вонзается в тебя *чад*, янки!

— Сейчас увидишь, как вонзается в тебя кинжал, японец!

Кинг изо всех сил ударил снизу вверх. Кинжал по рукоятку вонзился в грудь Син Юла.

Испуганное удивление появилось на лице японца. Он схватился за кинжал, упал и больше не шевелился. Его неподвижный *чад* повис неподвижно в воздухе.

— Задай им жару, Кэл! — закричал Кинг, поднимаясь на ноги.

На балконе продолжалась схватка, Карсон и три американца дрались с превосходящими по численности противниками. Как и Кинг, Карсон прошел военно-диверсионную тренировку и узнал все, что нужно знать, о рукопашной схватке. Но, несмотря на это, исход схватки был предрешен. Кинг понял, что конец близок, когда один из американцев закричал и рухнул с пробитой насквозь *чадом* грудью.

— Убить их! — вопил Акбад.

Кинг бросился к дерущимся.

И вдруг перед ним появились молочно-белые шары, мечущиеся так стремительно, что были похожи на метеоры. В тот же момент голос Акбада умолк. Дворяне внезапно потеряли интерес к схватке и бросились бежать. Застыв на месте, Кинг глядел на них, пытаясь понять, что вызвало их бегство. И тут он увидел. С десятком охран-

ников позади, Авена поднималась на балкон. Чады, атаковавшие дворян, были пущены ими. И тут Авена увидела Кинга.

— Вы в порядке? — спросила она.

— Я жив, — ответил Кинг. — Значит, в порядке.

Из груды тел на полу балкона поднялся Карсон.

— Я тоже жив, Сэнди, — сказал он. — Хотя сам удивляюсь, как это у меня получилось.

Один янки был мертв. Второй ранен, но мог идти. Чад скользом прошел по нему и обжег ногу. Карсон и Роджерс были все в синяках, но живые. И это уже радовало.

Кинг огляделся.

— А вот Акбад сбежал, — сказал он. — Теперь, я думаю, нужно и нам убираться отсюда ко всем чертям.

Авена кивнула.

— Нужно выйти в город и собрать моих людей, — сказала она. — Народ будет сражаться на моей стороне. Я в этом уверена.

— Тогда вперед, — усмехнулся Кинг. — И спасибо за то, что не бросили нас на этом балконе.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулась принцесса.

XI

НО НЕСКОЛЬКО часов спустя они все еще бродили по пещерам, считаясь с одним мрачным фактом: просто так, без сражения, их отсюда не выпустят.

Все выходы охраняли дворяне Акбада. Всякий раз, когда они подходили к очередному выходу, то обнаруживали у него умело замаскированную засаду.

— Похоже, Сэнди, нам придется остаться здесь, — сказал Кэл Карсон.

— Похоже на то, — кивнул Кинг. — Но, всяком случае, они не идут за нами. А если пойдут, нас будет не так-то просто отыскать в здешнем лабиринте, к тому же, им придется опасаться наших засад. Как вы думаете, они пойдут за нами? — обратился он к Авене.

— Нет, — покачала она головой. — Акбад не посмеет. Часть дворян за него, но многие растеряны и еще ничего не решили. Акбад не осмелится доверять таким. Они ведь могут примкнуть ко мне и предать его. Поэтому, он просто поставил всех своих охранять выходы. А тем временем пытается придумать какой-то способ уничтожить нас.

— Угу, но какой?

– Не знаю. Но, что бы он ни решил, ему нужно действовать быстро, прежде чем народ в городе поймет, что к чему, и попытается спасти меня.

– Вы думаете, они пойдут вас спасать?

– Я в этом уверена. Они станут поддерживать мои новые законы, потому что это будет выгодно для них. Мне кажется, они мечтают о том же, что и я, и о чем мечтал Катор – о новом, великолепном Аккане, о мире, процветании и честном труде. Они мечтают жить так, как жили их предки, прежде чем мы сбились с пути. Да, они будут поддерживать меня. Рабочие, техники, ученые, потому что я дала им цель, ради которой стоит жить.

Выглядела Авена очень уверенной.

В мире снаружи начинался рассвет. Наблюдая за одним из выходов, они увидели, как забрезжил дневной свет. Но Кинг увидел и что-то еще.

– Может, это за вами пришли ваши люди, – сказал он Авене, указывая рукой вперед.

Там, у выхода, он увидел какое-то движение. Поднялась и тут же утихла какая-то суматоха. Затем в пещеру хлынул поток акканиан.

– Они пришли! – воскликнула Авена. – Они пришли! Я же говорила вам, что они придут.

– Ничего себе! Вы действительно были правы! – воскликнул Кинг.

При виде акканиан, пришедших в пещеры, чтобы спасти свою принцессу, сердце у него забилось быстрее. Все верно, акканиане пришли сюда, как только узнали, что происходит. У Кинга были еще кое-какие сомнения насчет дворян, но большинство из пришедших являлись рабочими и техниками. Глядя на толпу, Кинг перестал сомневаться.

– Кто-то идет, – крикнул в темноте пещеры стоявший там охранник.

– Приведите его сюда, – ответила Авена.

Охранники привели какого-то акканианина. Он задыхался, словно только что долго бежал, и бросился на землю перед Авеной.

– Моя принцесса! Я так и знал, что они лгут! Я пришел сюда, я искал вас. Искал и искал...

– О чем ты? – резко спросила Авена.

Акканианин резко выдохнул и продолжал.

– Акбад! И Лардон! – прошептал он. – Акбад пришел к нам. Сказал, что настоящая принцесса Авена мертва, что ее убил этот маг с Земли, – он кивнул в сторону Кинга. – Акбад сказал, что этот маг подменил настоящую принцессу ложной, фальшивой, и именно эта

фальшивая принцесса объявила об изменении законов. Акбад сказал нам, что он со своими сторонниками поймали этого мага и всех остальных в пещерах и... и... — Он смолк, совсем запыхавшись.

Авена молчала. Кинг увидел, как на лице ее появился страх. В пещере наступила зловещая тишина.

— Но это не так, — наконец, сказала Авена.

— Я знаю, что это не так. Я для того и пришел, чтобы предупредить вас. Но остальные... Они-то думают, что это правда и...

— И что?

— Они пришли, чтобы помочь Акбаду найти магов с Земли и фальшивую принцессу в пещерах. Они пришли, чтобы убить вас.

И словно закончились его силы, говоривший упал на землю. Единственным звуком, который слышал Кинг, был хрип его легких.

Кинг взглянул на Авену.

— Так вот *для чего* они пришли, — сказал он. — Чтобы отыскать нас...

На глаза Авены навернулись слезы.

— Мне очень жаль, — прошептала она.

Кинг похлопал ее по плечу.

— Ничего. Мы сделали все, что могли. А теперь...

— Теперь мы сделаем кое-что еще! — с надеждой в голосе воскликнула Авена.

Кинг удивленно уставился на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что Акбад еще не победил. Осталось еще кое-что, чем я могу воспользоваться. И я воспользуюсь этим. Но сначала... — Она заколебалась, взглянула на Кинга, потом на американцев и снова на него. — Нет, это было бы неправильно. Не справедливо. Охрана!

Тут же подскочили охранники.

— Встаньте у входа. Никого не впускайте.

— Да, принцесса.

Она повернулась к Кингу.

— Вы со своими друзьями пойдете со мной.

— Но что вы собираетесь делать?

— Идемте. Я покажу вам. Я вспомнила то, о чем забыл Акбад.

Часть охранников и американцы пошли вместе с ней. Почти бегом, Авена без объяснений, лишь изредка оглядываясь, шла все дальше и дальше в этот естественный лабиринт, пока не прошла под землей, казалось, целые мили. Летящий перед ней чад смутно освещал путь. Наконец, они пришли туда, где пещера расширялась, и уткнулись в железную решетку двери.

Охранники мигом открыли ее.

– Пойдемте, – без колебаний сказала Авена.

Кинг и другие американцы прошли за ней в круглую камеру, из которой, казалось, не было другого выхода. Но это слишком поздно понял слишком уж успокоившийся Кинг.

– Эй! – крикнул он, поворачиваясь к Авене.

Но принцессы рядом уже не было. Охранники с лязгом закрыли решетку. Авена оказалась по другую ее сторону. Кинг с недоумением и гневом взглянул на нее.

– Я возвращаюсь, – сказала Авена, – чтобы вызвать Акбада на Поединок Правителя.

– Поединок Правителя?

– Да. Это привилегии правителя Аккана. Когда кто-то осмеливается оспаривать его законы и начать бунт, правитель может вызвать его на поединок. Они сражаются на арене, вооруженные *чадами*. Если побеждает правитель, законы остаются. Если мятежник, законы, естественно, меняются.

– Но... Вы же не имеете в виду!.. – воскликнул Кинг.

– Что я не имею в виду?

– Вы собираетесь сражаться с Акбадом?

– Да.

– Но он... он не будет сражаться с вами.

– Будет. Если он откажется, даже собственные дворяне обернутся против него. Вспомните, что не все они искренне поддерживают его. Если он откажется встретиться со мной на Поединке Правителя, его убьют свои же без всякой жалости. Таков наш обычай, а наши обычаи сильнее Акбада. Да, он станет сражаться со мной. У него не будет выбора.

– Но вы не можете пойти на это. Это же бессмысленно. Такой обычай может иметь силу, если на троне мужчина. Но вы женщина...

– И потому должна быть трусихой?

– Нет, но... Черт побери, Авена, если это единственный выход, позвольте мне сражаться на дуэли вместо вас.

Глаза Авены сверкнули.

– Нет, – сказала она. – Это мое сражение. Я не могу уступить свое место никому другому.

Кинг сдался. Перед такой решительностью любые доводы были бесполезны.

– Но зачем вы привели нас сюда? – спросил он. – Почему заперли нас на то время, пока будете драться на дуэли?

– Я приношу извинения, – сказала она.

– Извинения? Но за что?

— Извинения за то, что делала, пока была Охотницей Аккана. Когда охотилась на ваших людей. Я в этом раскаиваюсь и хочу убедиться, что вы и ваши друзья будут в безопасности даже... даже если я проиграю Акбаду. И если я проиграю, вас просто вернут в охотничьи угодья для удовольствия Акбада и его дворян.

— Но я все равно не понимаю, — сказал Кинг. — Зачем же нас запереть?

— Поймете через мгновение, — ответила Авена. — Разве вы уже не чувствуете, что он уже захватывает вас? Я чувствую его даже здесь.

— Чувствуете что?

— Дуновение ветра.

— Что?! — недоверчиво воскликнул Кинг.

И в это время он понял, что действительно чувствует его — невидимый ветер. Пронизывая все атомы его тела, ветер становился все сильнее с каждой секундой.

— Это поток силы, — сказала Авена. — В этом месте он течет обратно в ваш мир. И вернет вас туда. Теперь все, Сэнди Кинг. Удачи вам и прощайте. И...

Текущий сквозь Кинга поток становился все сильнее и сильнее. Кинг схватился за прутья решетки и попытался удержаться, но понял, что это бесполезно. Он чувствовал, как поток подхватил его и понес, понес...

Глядя ему в глаза, Авена улыбнулась. Но тут же исчезла и она, и ее улыбка.

СОЗНАНИЕ ВЕРНУЛОСЬ к нему, чтобы начать колоть десятками тысяч крохотных иголок. Кинг с трудом сел и открыл глаза. Он был на склоне горы в небольшом разрушенном храме, прижавшемся к краю утеса. А на другой стороне ущелья, в миле отсюда, бородавчатой жабой распластался, прижимаясь к горе, Храм Запретного Наслаждения.

Бирма! Верхняя Бирма! Земля!

Напротив него, пошатываясь, поднимались на ноги Карсон, Соренсон, Леда, Роджерс. Кинг заметил, как Роджерс пытается помочь Леде, а она — ему. Когда-то это могло задеть Кинга, но те времена прошли. Главное, здесь были все, все из лаборатории Соренсона. Все земляне.

Авена сдержала свое обещание.

Кинг по-прежнему сжимал в руке рукоятку кинжала. Он глянул на приземистый храм на другой стороне ущелья, встал и направился к нему.

— Сэнди! Сэнди! — закричал, бросившись за ним, Карсон.

– Помоги им вернуться в цивилизованные места, Кэл. Уведи их отсюда. Это мой тебе приказ. – Кинг кивнул на американцев.

– А вы? – спросил Карсон.

Кинг кивнул на далекий храм.

– Значит, ты выбрал свой путь, Сэнди? – спросил Карсон.

– Да, я выбрал свой путь.

– Тогда удачи тебе.

– И тебе тоже. Прощай.

Кинг не помнил, как перебрался через ущелье, как перешел вброд ревущий горный поток на дне его, как поднялся по крутой дороге к храму. У храма стояли охранники, вооруженные кривыми саблями. Но они только взглянули на него и тут же убежали. Кинг вошел в храм. И там, глубоко в недрах горы, он нашел теллурийский силовой поток. И снова невидимый ветер подхватил его...

ЯМА? ДА, он лежал в знакомой уже яме. Не теряя времени, Кинг выбрался из нее. Это было то самое место, где он встретил Леду, та самая река, и та гора, в пещерах которой прятались американцы. А там, за горой, была Акка, столица Аккана. Кинг направился к городу. Было утро, когда он начал свой путь. Прошел день. Стужались сумерки. Близилась ночь. В сумерках Кинг вошел в город. Он был странно притихший, улицы безлюдны. У дворца не было даже стражи. Не оказалось ее и у покоев принцессы. Кинг тихонько открыл дверь.

В глубине слабо освещенной комнаты он услышал, как кто-то рыдает. Это плакала Авена, лежа на мягкой кушетке. Когда раздались шаги Кинга, она рывком вскинула голову.

– Кинг!

– Я вернулся, Авена. Как прошел поединок?

– Поединок не состоялся.

– Да?

– Акбад отказался от поединка, и дворяне порвали его на куски.

– О-о!..

Кинг был рад это услышать. Дуэль не состоялась. Акбад стал покойником. Да, это были хорошие новости. Но, в данный момент, и сам Акбад, и его участь не волновали Кинга.

– Где-то тут есть балкон, – сказал он. – Я заметил его в прошлый раз.

– Да, есть...

Они с Авеной вышли на балкон. Снаружи была ночь, теплая ночь Аккана, слабый ветерок и мириады ярких звезд над головой.

15¢

Thrilling WONDER Stories

DEC. 1937

THRILLING

WONDER

STORIES

DEC.

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

ROCKETS
By **WILLY LEY**
World's Foremost Authority

THE
MIND
MAGNET

A Novelette of
the Stratosphere
By **PAUL ERNST**

A MONTH A MINUTE
A Space-Time Novelette

By **RALPH
MILNE FARLEY**

ЗА ЗАВЕСОЙ

СНАЧАЛА Я ПОДУМАЛ, что это какой-то трюк, поэтому встал и обошел кругом крошечную спираль, в которой пылала черная завеса. Том Кельвин попытался рассмеяться, но у него это плохо получилось. Он даже не стал вытирать потный, морщинистый от волнения лоб.

— Нет, Боб, я не дурачу тебя, — сказал он, — хотя мне жаль, что я не могу объяснить принципы его действия.

Мне не хотелось верить ему, хотя я знал, что он говорит правду, поэтому тщательно осмотрел устройство. Несколько электронных ламп, смонтированных на шасси, соединялись с финальной лампой через серию обмоток и конденсаторов. А эта финальная лампа была необычна. Ионы, испускаемые светящейся нитью, летели в две пластины, установленные точно друг против друга, а крошечные сетки образовывали туннели, в которые и влетали эти ионы. Пластины светились красноватым светом, потому что ионы били по ним.

— Это генератор, — сказал Том. — Вся штука в том, что я не знаю, *что* он генерирует. Уравнения утверждают, что он должен что-то генерировать, но либо уравнения ошибочны, либо ошибочны все наши научные гипотезы относительно фундаментального характера Вселенной.

— Да, знаю. Я уже слышал это от тебя.

Я мельком осмотрел спираль. Это был отрезок медной трубочки, изогнутой по кругу. Наверное, дюймов шести в диаметре. Трубка была прорезана в одном месте, а оба конца ее подключены к финальной лампе этого странного генератора.

И в этой спирали пылала черная завеса. Я знаю, что пламя не может быть черным, но оно было черным и мерцало. Крошечные точки света мерцали и дрожали на этой черной завесе. Это походило на миллионы микроскопических светлячков, запутавшихся в вырезанном куске ночи.

Сквозь завесу ничего не было видно. Я подошел поближе и прикоснулся. Свет не проходил через нее. Но у меня возникло ошеломляющее чувство, словно через нее проходило что-то другое, какая-то тонкая, неприятная вибрация, которая была доступна человеческому уху звуковых волн и, вероятно, так же не доступной для глаза. Но это нечто, чего не слышали уши и не видели глаза, воздействовало на какой-то неведомый центр в мозгу. Я отпрянул.

— Ты почувствовал это, — спросил Том.

– Да, – ответил я, оперся руками о лабораторный стол и глянул на Тома в упор. – Что это?

– Не знаю, – с несчастным видом ответил он.

Я не сводил с него взгляда, пытаюсь передать им отвращение, хотя никакого отвращения на самом деле не чувствовал. Я просто испугался. У Тома Кельвина был один из самых мощных разумов, какие только видела старушка-Земля, и когда он сказал, что не знает ответов, это значило, что больше не мог их дать.

Я достал из кармана жилетки карандаш, как всегда делаю, когда поставлен в тупик. Я работаю в газете и давно уже обнаружил, что процесс вытаскивания карандаша из кармана дает мне время обдумать, какие вопросы задавать дальше. Вот я и вытащил карандаш из кармана. В своем ошеломленном состоянии я даже не понял, что делаю, пока не сунул карандаш в черную завесу.

НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО, насколько я мог судить. Я отдернул карандаш, и на мой взгляд он остался таким же, как и был, но у Тома, сидевшего по другую сторону стола, было свое мнение. Он съежился на стуле, лицо его побледнело. Он явно чего-то испугался.

– Я сделал что-то не так? – спросил я.

Том ничего не ответил, вскочил, прошел в угол лаборатории и вернулся с бутылкой и стаканами. Этикетка на бутылке гласила, что она была выпущена восемнадцать лет назад. Он налил себе этот сверхвыдержанный напиток и поставил бутылку на стол. Я уже хотел было спросить, не хочет ли он, чтобы я ушел, но тот уже спохватился и передал бутылку мне.

– Глотни хорошенько, – сказал он. – А потом я хочу, чтобы ты опять сунул карандаш в это вибрационное поле. Всунь его туда на несколько дюймов.

– Зачем? Что произошло?

– Не знаю.

Я сделал, как он просил. Карандаш вошел в завесу и вернулся. Это был обычный металлический карандаш, который можно купить за десять центов, но Том выхватил его у меня, обращаясь с ним так, словно он был из золота. Он провел над ним несколько тестов, используя аппаратуру, находившуюся в лаборатории на другом столе. Очевидно, он воспользовался кислотой, потому что, когда принес карандаш обратно, тот был безнадежно испорчен.

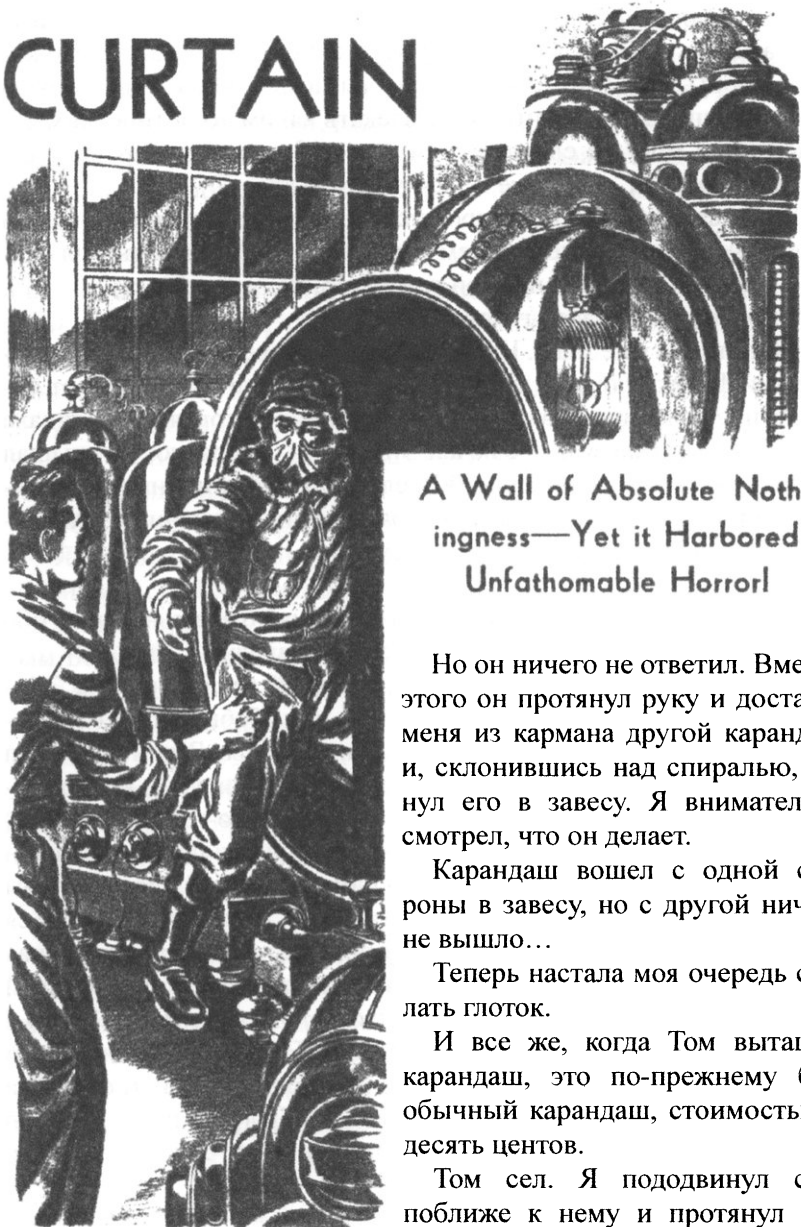
– Это будет стоить тебе десять центов, – сказал я ему.

– Это может стоить мне гораздо больше, – отозвался Том.

Я испытующе посмотрел на него.

– А теперь расскажи дяде Роберту, что произошло?

BEYOND THAT CURTAIN

He stepped into nothingness.

A Wall of Absolute Nothingness—Yet it Harbored Unfathomable Horror!

Но он ничего не ответил. Вместо этого он протянул руку и достал у меня из кармана другой карандаш и, склонившись над спиралью, сунул его в завесу. Я внимательно смотрел, что он делает.

Карандаш вошел с одной стороны в завесу, но с другой ничего не вышло...

Теперь настала моя очередь сделать глоток.

И все же, когда Том вытащил карандаш, это по-прежнему был обычный карандаш, стоимостью в десять центов.

Том сел. Я пододвинул стул поближе к нему и протянул ему сигарету.

– Послушай, Том, – сказал я. – Я знаю тебя очень давно. Мы вместе прошли через колледж, жили в одной комнате, пили пиво из одной кружки и занимались любовью с одними и теми же девочками. Ты унаследовал кучу денег и, после колледжа, нигде не работал, а лишь забавлялся в этой лаборатории. Я же должен был зарабатывать себе на жизнь, поэтому не видел тебя так часто, как хотелось бы. Но, Том Кельвин, если ты позвал меня сюда сегодня вечером лишь для того, чтобы развлекать каким-то оптическим обманом, то я могу не сдержаться и дать тебе по морде. Итак, ради прежней дружбы, скажи же мне, что у тебя здесь?

Он повертелся на стуле, продолжая играть карандашом. Потом замер и уставился на него, затем наморщил лоб и уставился на спираль. Потом посмотрел на свой генератор, нахмурился.

И, под конец, покачал головой.

– Прости, но я не знаю. Наверное, ты знаком с последними работками физики полей и знаешь, что математики отказались от механистического представления о Вселенной, которая преобладала последнюю сотню лет. Все начал Эйнштейн. Вероятно, ты слышал о конечной, но неограниченной Вселенной, деформации пространства в присутствии массы, о пространственно-временных отношениях. Но слышал ли ты об Успенском*?

Я КИВНУЛ. Чтобы работать в газете, нужно знать немного обо всем. По крайней мере, так утверждали в колледже.

– Да, – сказал я. – Это русский, который взял формулы Эйнштейна и продолжил его работу, развив его обобщения до заключения, которое потрясло половину научного мира. Затем он пошел дальше, чтобы доказать, что все ученые ошибались, но впал в метафизику. Разве он не сошел в итоге с ума или что-то в этом роде?

Том все еще хмурился, рассматривая звездное поле в спирали.

– Не знаю, сошел ли он с ума. Большинство людей предпочло бы этому верить. Вам приходится верить этому, если хотите остаться нормальными сами. Я узнал, что существует его первоначальная рукопись, которая никогда не публиковалась. Мне контрабандой привезли ее из России, это мне стоило целого состояния. Затем я выучил русский язык, чтобы прочитать ее. Это оказалось не таким уж трудным делом. Поскольку рукопись была короткая и состояла почти что из одних уравнений, с которыми я был уже знаком. Я взял уравнения Успенского и стал работать над ними. Я изучил их так

* Петр Успенский – 1878 -1947 год. Русский математик, философ, эзотерик и оккультист (прим. перев.)

хорошо, что мог продекламировать с начала до конца или с конца до начала, а также с любого места из середины. Затем я стал забавляться с ними, меняя величины и исследуя результаты.

Он взглянул на спираль так хмуро, словно хотел укусить ее.

— Эти уравнения представляют собой фундаментальный образ Вселенной. Они выражают так точно, насколько это вообще возможно, все, что когда-либо было и будет. Вращение газа в могучих туманностях, полет планет вокруг родительского солнца, быстрая череда горячих приливов, когда Земля была молода, бесконечный танец атомов вокруг своих ядер, пульсация жизни на основе протоплазмы...

— Минутку, минутку, — прервал я его. — Не лезь в такие дебри и не пытайся мне сказать, что уравнение, которое описывает спиральные туманности, так же объясняет, что происходит в фундаментальной основе жизни — протоплазме.

— Но я ведь это и сказал, верно? — пылко ответил он.

— Да, но люди говорят много о том, чего не знают. Однако, продолжай. Если бы я не видел, как исчезает карандаш, и не чувствовал вибрацию, испускаемую этой спиралью, то давно уже назвал бы тебя лжецом. Но продолжай.

— Я забавлялся этими уравнениями, меняя то одни, то другие переменные... — Том заколебался, и мне показалось, что он говорит вовсе не со мной. — Это заставляет вас почувствовать себя подобным Богу. Вы изменяете факторы, и в вашем воображении возникают новые Небеса и новая Земля.

Я стряхнул сигарету. Мне всего лишь двадцать семь лет, но семь лет из них я проработал в столичной ежедневной газете и беседовал с массой народа. Я бродил по ночным улицам и много чего повидал. Несколько раз я брал интервью у президента и беседовал с банкирами-мультимиллионерами. Я два раза смотрел, как преступники проходят последний путь по «зеленой миля»*. Такова моя работа.

Я опять стряхнул сигарету. Когда кто-то начинает думать о том, что чувствует себя как Бог, я тут же начинаю думать о психушке. Но Том Кельвин казался нормальным. Я наблюдал за ним краешком глаза. Он все еще смотрел на свою проклятую спираль. Тот же хмурый взгляд, наморщенный лоб...

— Разумеется, — продолжал он, — вся Вселенная состоит из вибраций. Материя, энергия, все существует в ней из колебаний разной частоты и может быть описано наукой о волновой механике. Раз-

* Зеленая миля — тюремный коридор, по которому осужденные идут к месту казни (прим. перев.)

вив уравнения Успенского, я создал генератор для демонстрации моей теории. Теоретически генератор должен создавать вибрации на частоте, близкой к частоте космических лучей. Это должно было позволить мне сделать что-нибудь с атомами. — Он помолчал. — Но что-то пошло не так.

— Да, — кивнул я. — Это я уже понял.

А затем я сделал это. Намерение было хорошо, но прицел не точен. Я хотел бросить сигарету через стол в урну, стоявшую у противоположной стены, но промахнулся, и окурок, попав в черную завесу, замер в самом центре ее.

Раздался колокольный звон.

Окурок исчез. Очень жаль, но я не могу описать точно, что произошло. Я зарабатываю на жизнь при помощи слов. Я всегда считал, что знаю большинство из них, и как они употребляются. Но когда я пытаюсь описать тот звук, то упираюсь в тупик. Возможно, люди просто не придумали слова для его описания.

Глубокий звон, чистый и ясный, лавиной пронесся по лаборатории. Казалось, это звонит большой гонг какого-то храма, гонг настолько древний, что время очистило его от всего ненужного. Но не совсем так. Одновременно он походил на самую высокую ноту скрипки Страдивари, на фоне беззвучного симфонического оркестра, но и это не точно.

Он пульсировал, как большой барабан, мягкий, ритмичный и низкий, вот только не существовало таких барабанов. Он ритмично рыдал, словно бубен колдунов ночью, под горячими звездами тропиков. Может, на это он походил? Не знаю. Никогда не слышал бубны в тропиках, но в этом было что-то, заставившее меня задуматься.

Он походил на грохот грома во время весеннего дождя, на тихий шепот ветра над одинокой горной вершиной, на шипение волн, накатывающих на песчаный пляж. И замер, тихонько рыдая.

До сих пор не знаю, черт побери, на что он был похож.

Том застыл на стуле, лицо его опять побелело, поэтому я понял, что он тоже слышал странный звук. И я был рад, что он слышал. Он спас меня от раздумий, уж не сошел ли я с ума.

— Боб, — прошептал он, — ты слышал это?

Я глубоко вздохнул.

— Конечно, слышал. Что это было?

Том удивленно поглядел на меня.

— Я уже говорил тебе, что не знаю.

— Но послушай, — возмутился я, — должен же ты знать, что изобрел!

— Я продолжил уравнения и создал генератор, но я никак не ожидал, что появится эта черная завеса! У меня нет никакой концепции относительно того, чем она может быть.

— Она похожа на дыру, знаешь, такую дыру, куда ты можешь заползти, и она закроется за тобой.

— Действительно, она похожа на дыру, — пробормотал Том, обсасывая в уме эту идею. — Существует дыра в созвездии Лебедя, странная область, которая уже много лет ставит в тупик астрономов...

Он отвел взгляд от этой проклятой спирали и уставился на меня. И я тут же пожалел об этом, потому что в глазах у него стоял такой страх, какой не должен видеть никто посторонний.

— Боб, — прошептал он, — Боб... А, может, это и в самом деле дыра?

Я ПРОМОЛЧАЛ. Вероятно, я думал о том же, что и он. У любой дыры есть два выхода. По крайней мере, это так в нашем мире.

— Ерунда, — ответил я. — Ты просто так долго смотрел на это черное свечение, что оно загнипотизировало тебя.

Том с благодарностью улыбнулся мне, что еще больше усилило мое замешательство. Я мог понять его страх, поскольку человека всегда пугает неизвестность, но не мог понять благодарности.

Но он вернулся к моей идее и присосался к ней, точно пиявка.

— А вот интересно, Боб, неужели мои научные знания заставили меня игнорировать очевидное. Эта завеса похожа на дыру. Я не замечал этого, а ты заметил. Теперь можно будет сделать вывод, что это, возможно, и в самом деле дыра...

— Да какая разница! — воскликнул я, надеясь, что он не вспомнит про два конца у любой дыры.

— О, Боже, очень большая разница!

Я должен был сразу понять, что его мощный ум не упустит суть сказанного.

Он вскочил со стула и снова осмотрел спираль, повозился с карандашом, то и дело толкая его в черную завесу. Затем он решил затолкать карандаш до конца. До черной завесой карандаш существовал наглядно, грубо, зримо, как продукт машинной технологии. В черном пламени он исчезал мгновенно. Том затолкал его целиком.

И, очевидно, прихватил пальцы, потому что карандаш исчез полностью.

Том отскочил, словно в него выстрелили.

— Ты видел это? — прошептал он.

— Видел, — кивнул я. — Ты бросил мой карандаш. Теперь ты мне должен два раза по десять центов.

– Ничего я не бросил! Карандаш выдернули у меня из пальцев. Что-то схватило его и резко дернуло!

Значит, это и в самом деле дыра. И у нее два конца. Один конец был здесь, в лаборатории Тома. Можно только гадать, где был другой. Что мы и делали какое-то время.

Я взял пробирку и сунул ее в завесу. Пробирку выдернули у меня из пальцев.

– Том, – сказал я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал, – с той стороны есть что-то живое. То, что мы толкаем в завесу, не исчезает, а проходит сквозь нее куда-то, где их что-то хватает.

– К такому же выводу пришел и я, – с умным видом ответил он, суя в завесу медный стержень.

Я сам испугался своих выводов, когда мне в голову пришла следующая мысль. Если мы толкали свои предметы куда-то, то, вероятно, тамошние обитатели могли протолкнуть свои предметы к нам. Например, бомбу.

Еще не додумав эту мысль, я принялся действовать. Протянув руку, я щелкнул выключателем, подающим ток в генератор. Черная завеса мгновенно исчезла. Том, с глупым выражением лица, держал в руке медный стержень, конец которого был аккуратно отрезан.

Он тупо глядел на этот конец.

– Чистый разрез, – пробормотал он, подавая стержень мне.

На конце стержня не было ни малейших признаков плавления или распила, не было даже царапинки. Место разреза сияло, как новенький пенс.

– Зачем ты выключил генератор? – спросил Том.

– Испугался, – ответил я. – Что-то могло проникнуть через эту дыру и сожрать нас живьем. И я все еще боюсь, если тебя не коробит мое признание. – Я налил себе в стакан.

– Я тоже боюсь, – сказал Том, отбирая у меня бутылку.

– А какого же черта мы вообще боимся? – спросил я.

– Ты боишься, потому что не знаешь, что происходит. Я же просто боюсь строить эти предположения. Я ведь могу и угадать, и тогда мой здравый рассудок может не выдержать.

Правильно говорится, что смелость – на дне бутылки. Я выпил свою порцию, налил Тому и заставил его выпить. Я не знал, есть ли на дне бутылки здравый рассудок, но сейчас мне показалось хорошим поводом узнать это.

Том сел и уткнул лицо в ладони.

– За этой завесой лежит другой мир, а может, другая Вселенная. До сих пор неоткрытая, – потому что математика, намекнувшего на ее существование, мы посчитали безумцем, – и, очевидно, эта Все-

ленная является смежной с той, в какой существуем мы. Это может быть дыра в пространстве, или во времени, или и там, и там одновременно. С другой стороны, дыра может выходить в туманное будущее или далекое прошлое, или на какой-то планете Сириуса, или в центре молекулы – у нас нет фактов, позволяющих понять, что происходит, когда объект проходит через дыру. Это может быть дыра в пространстве-времени, а может, вообще вне законов нашей Вселенной. Энергия, материя и все, что есть в нашем мире, может не существовать там. В том потустороннем мире может быть совершенно новый порядок вещей. Что же делать... что делать...

Он озадаченно замолчал. У меня было кое-что, что я хотел бы сказать, но единственный раз в жизни я промолчал.

– Если мы объявим об открытии... – снова заговорил было Том, но тут же прервал себя. – Нет, мы не можем этого сделать. Наша цивилизация еще не в состоянии принять то, что лежит за завесой. Нет. Есть только одно, что мы можем сделать...

– Да, только одно, – перебил я его. – Бросить твои уравнения в огонь, разбить генератор и посвятить остаток жизни игре в гольф.

Он, казалось, даже не услышал меня.

– Я должен пройти туда. Да, я сделаю это. Я посмотрю, что там, с другой стороны.

Я рассмеялся. Это было самое неуместное, что я сделал когда-либо в жизни.

– Я уже представляю, как ты пытаешься пролезть в шестидюймовую спираль.

– Мы построим шестифутовую спираль.

– Том, не будь же таким проклятым идиотом! Ты понятия не имеешь, как подействует завеса на органический материал. Она может превратить твоё тело в золу.

Он помолчал.

– Об этом я не подумал. В самоубийстве нет никакого смысла. Мы будем должны это проверить. Прости, я на минутку.

Он выскочил из лаборатории, и я услышал, как он возится в своей жилой комнате. Вернулся он с канарейкой. Осторожно, стараясь не поранить птичку, он привязал ее к медному стержню и включил генератор. Мгновенно возникла черная завеса. Не тратя ни секунды, он толкнул птичку в завесу и тут же выдернул ее. Она была жива.

– Вот видишь? – спросил он с таким видом, словно это было его достижение.

Я кивнул.

– Мы построим шестифутовую спираль.

— Валяй, только без меня, — тут же сказал я. — Мне нужно еще зарабатывать на жизнь.

— Сколько ты зарабатываешь?

Я сказал.

— Я удвою эту сумму, — заявил Том.

Мы заспорили. Это был чертовски жаркий спор. В конце концов, он победил. Я согласился помогать ему.

Я плохо спал той ночью. Отзвуки гонга, прозвучавшего из-за завесы, все звенели и звенели у меня в голове. И походили они на панихиду. Это уже должно было подсказать мне, что произойдет в будущем. Но человек не может предвидеть всего, тем более, я не разбирался в высшей математике. И даже если бы у меня возникли какие-либо опасения, я подумал бы, что это действие виски.

К ТОМУ Я приехал на следующий день.

У него не было близких родственников, не считая какого-то там троюродного брата, так что жил он один, не считая экономки, которая занималась своими делами.

Мы принялись за работу. Цена, которую Том заплатил за некоторые детали оборудования, заставила меня просто заплакать, но он выложил денежки, даже не поморщившись. Когда же прибыли сделанные на заказ радиолампы, я зарыдал, увидев счет. Казалось смертным грехом потратить столько денег за ниточки вольфрама и никеля, заключенные в вакуум.

Мы сделали генератор и спираль, включили ток, и завеса была тут как тут, такая же черная и недружелюбная, как и прежде, только высотой в шесть футов. Я хотел подождать, но Тому не терпелось. Он не позволил мне пустить туда собаку или кошку даже после того, как я сообщил ему, что моим самым большим желанием в детстве было увидеть Чеширского кота, который исчезал таким чудесным способом, что когда его уже не было, в воздухе оставалась висеть его улыбка, насколько я помню «Алису в Стране Чудес». Спорить я не стал. Только засвистел.

Том оделся потеплее, взял немного воды и еды, закрепил под подбородком кислородную маску и шагнул в небытие.

Лаборатория внезапно стала такой же пустой, как островок посреди океана. Когда же Том исчез, я вдруг понял, что оказался в затруднительном положении. Я даже не знал, как починить генератор, если он вдруг сломается. Я не знал, как он действует. Я ничего не знал. Том забрал все знания с собой.

Я задавал много вопросов, пока мы собирали аппаратуру, Том отвечал мне, как мог, терпеливо, но большинство того, что он рас-

сказывал, влетало у меня в одно ухо и тут же вылетало в другое. Если, доведенный до крайности, я был способен преследовать по джунглям коварное чудовище, то расчеты были для меня пустым местом. При постройке генератора от меня требовалась лишь физическая сила – подать, принести, унести.

Том не знал, минута ему понадобится, час или вечность. В его уравнениях не было на это ответа. Он не знал, когда вернется. Канарейка вернулась живая, но она была привязана к концу стержня, который оставался по эту сторону завесы, а Том ни к чему не был привязан.

Моей задачей было ждать, наблюдать и, возможно, молиться. Я пошел на компромисс и налил себе изрядную порцию из бутылки Тома.

Мне казалось, что первый оборот по циферблату секундная стрелка делала целый час, на второй ей понадобился день, после чего ее продвижение измерялось годами.

Затем опять прозвенел храмовый гонг. Как мне жаль, что я не могу описать этот звук! Вы слышали когда-нибудь глубокий, печальный, рыдающий колокольный звон, оплакивающий мертвых в ночи? Слышали ли вы бой часов на высокой башне, возвещающих наступление полуночи? А как воет на полную луну голодная собака? Или крик совы в дебрях северных лесов?

В этом звуке было нечто, что напомнило мне обо всем этом. Он плакал, оплакивал, рыдал и голосил. Он умолял, умасливал, угрожал, упрасивал. И исчез с диким воплем, обещавшим приход экстаза, а из завесы, из дыры во времени или в пространстве, вышел Том Кельвин.

В жизни я не был так рад кого-то увидеть! Я вскочил со стула, но тут же застыл и медленно опустился обратно. Внезапно я понял, что не так уж и рад увидеть Тома Кельвина.

Только раз в жизни я видел человека с таким же выражением лица, какое было у Тома. И тот человек сидел на полу сумасшедшего дома, осторожно строя пирамиду из кубиков, рассыпая ее и строя снова и снова.

ФИЗИЧЕСКИ, Том был вроде в порядке, но я уже догадывался, что только физически. Он стянул кислородную маску, в глазах его горел огонь, какой я видел лишь у призраков на старинных картинах.

Он вытянул правую руку и разжал кулак.

– Это – Тот, – сказал он.

В руке у Тома лежал драгоценный камень. Большой такой камень, с яйцо размером. И он сверкал искорками, отражающимися от тысяч граней.

Я ничего не говорил. Я не знал, что тут можно сказать.

Он прошел и сел на стул возле меня.

— Мне нужно выпить, — пробормотал он

Я налил ему виски. Он залпом выпил, и я тут же налили снова. Потом выпил сам, и это было придало мне храбрости задать кое-какие вопросы, но тут произошло то, что заставило меня передумать.

Том вдруг стал разговаривать со своим драгоценным камнем.

— Тот, — сказал он, — пора исполнить свой долг.

Камень вспыхнул рубиновым светом, поднялся с руки Тома и бесшумно поплыл ко все еще работающему генератору. Он принялся плавать в воздухе вокруг генератора, казалось, пристально изучая его. Я сидел с открытым ртом, когда из камня внезапно ударил ослепительный белый луч. Он попал в финальную лампу и та мгновенно исчезла. Все произошло быстрее, чем я об этом рассказываю. Свет прошелся по остальной аппаратуре, по спирали, и все, чего он касался, исчезало.

Затем эта проклятая штуковина подлетела и спряталась в карман Тома.

— Ради Бога, Том, скажи же, что произошло, а то я сойду с ума! — закричал я.

Ему потребовалось ужасно много времени, чтобы вспомнить. Он вел себя так, словно распутывал в уме клубок ниток и пытался связать оборванные концы.

— Что произошло? А, ты имеешь в виду, что произошло, когда я прошел через завесу? Да ничего. Ничего не произошло. Я просто прошел через нее.

— Том, если ты хочешь, чтобы я оставался в здравом уме, отвечай быстро. Я и так уже повис над пропастью и цепляюсь за край зубами и ногтями. Сколько же может выдержать человек?

— Да, наверное, ты прав. Я расскажу все, что могу. Боюсь только, это будет недостаточно. Они оставили мне слишком мало мыслей.

— Они? Что ты имеешь в виду?

— Ну, тогда, оно. Неважно, что именно: Оно или Они.

— Том, — сказал я, и, очевидно, мой голос прозвучал слишком резко, потому что он повернул голову и озадаченно посмотрел на меня, — Что там, за завесой? Какие Они? Что такое Тот?

— Я прилагаю все силы, старина, но не могу думать быстро. Однако мне нужно спешить, потому что с каждой секундой я думаю

все медленнее. Они сказали, что так и будет. Что моя память постепенно будет становиться все туманнее.

Я постарался взять себя в руки и хлебнул прямо из бутылки, а Том продолжал:

— Когда я прошел через завесу, то не знаю, переместился ли на миллион миль в пространстве, на миллион лет во времени, или же в иное измерение, в иной мир, который существует на том же самом месте, что и наш, но в другом измерении. Нет никакой возможности узнать это, потому что нечем измерить, чему равен шаг сквозь завесу. Я прошел через нее и оказался во вселенной чистого разума. Мы связываем разум с деятельностью мозга. Так вот, уверяю тебя, что в той Вселенной разум существует отдельно от материи, по крайней мере, от того, что мы считаем материей, и использует энергию, которую я не могу описать, потому что нет слов для ее описания, причем мыслит этот разум так, как мы мыслить не можем.

НА СЕКУНДУ Том замолчал и похлопал себя по карману, где лежал драгоценный камень.

— Короче говоря, единственный способ правильно описать ту Вселенную, это признать, что она не существует. Наши чувства не могут ощутить ее. Но разум наш может осознать этот потусторонний мир, и только благодаря этому мы можем сказать, что он действительно существует... я хочу сказать, что лишь благодаря разуму мы узнали, что прошли сквозь завесу — и таким же образом потусторонний мир может узнать о нас. В том потустороннем мире нет ничего, но там есть Они. Они следуют по линии развития, непостижимым для нас, идут к целям, которые мы не можем даже вообразить, и достигают состояния чистого разума. Они существуют, как деформация пространства... как изгиб Их пространства, и для них эта пространственная деформация и есть материя, Они ощущают и используют ее, как мы используем нашу материю.

Дрожащей рукой он вытер со лба пот. Можно было сделать лишь одно, и я это сделал. Уровень жидкости в бутылке быстро понижался.

— Мой разум, или часть его, может совсем остановиться. У меня вообще есть чувство, что это Тот говорит с тобой через меня.

— Кто такой Тот? — мне пришлось еще хлебнуть для храбрости, чтобы задать этот вопрос.

— Он — моя защита. Его послали со мной, чтобы увидеть, что я выполнил свою часть сделки.

— Что еще за сделка?

— Уничтожение прохода. Я отвечаю тебе так быстро, как только могу. В том потустороннем мире материя нашего пространства-времени неестественна. Это — смертельный яд для тамошних обитателей. Когда ты бросил сигаретный окурочек через завесу, то вызвал огромные разрушения. Они отгородили эту часть своего мира, поставили защиту, и тут появился я. Они ждали меня. Я не могу понять, насколько они разумны. Мои уравниения...

Из кармана Тома, где лежал Тот, раздался сердитый хрип. Огромный драгоценный камень вылетел наружу и вспыхнул, осветив всю комнату. Внезапно стол Тома, заваленный грудой бумаг с невнятно написанными уравниениями, включая и работу Успенского, исчез в белой вспышке. Тот вернулся и снова спрятался в карман Тома.

— Я и забыл о них, — пробормотал Том.

— Давай, соберись и рассказывай дальше, — стал просить я.

— Когда я появился, они ждали меня. Они боялись меня и собирались уничтожить. И они уничтожили бы меня, если бы я не заключил с ними сделку. В обмен на жизнь я согласился уничтожить генератор завесы. И чтобы удостовериться, что я больше не представляю для них угрозы, они забрали из моей памяти все знания математики. Не спрашивай меня, как это было сделано, я лишь знаю, что Они сделали это. И они дали мне Тота, чтобы он уничтожил генератор и оставался со мной до конца моей жизни в качестве гарантии, что сделка не будет нарушена. И она не будет нарушена... — пробормотал Том и потерял сознание.

В области биологии имя Тома Кельвина стало знаменитым. Но коллеги считали его эксцентричным и, возможно, даже суеверным, потому что он всегда носил в кармане кусок хрусталя.

Физически он был так же хорош, как и всегда. Мы часто играем с ним в гольф. Вчера он выиграл у меня, набрав семьдесят восемь очков на восемнадцати лунках. Я точно знаю, что семьдесят восемь, потому что счет приходится вести мне. Сам он не может сложить два и два.

Beyond that curtain, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 12)

THRILLING

AUG.

WONDER

STORIES

15¢

**CASH
PRIZES**

FOR THE BEST
SHORT STORY
WRITTEN
AROUND
THIS
PICTURE

RACE AROUND THE MOON

A Complete Novel

Lunar Conquest

By OTIS

ADELBERG

KLING

**THE
WARNING
FROM
THE PAST**

A Novelet of
the Time Capsule

By **ROBERT
MOORE WILLIAMS**

**A THRILLING
PUBLICATION**

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

ГЛАВА I. ТАИНСТВЕННЫЙ СИГНАЛ

СЕТ ДЖОНСОН глядел на свое кукурузное поле, и в душе у него пели соловьи. Даже при свете майской луны он видел, какое хорошее было поле, какая превосходная уродилась кукуруза, прямо праздник какой-то.

Украдкой поглядывая на дом, он отбежал от сарая к седьмому столбу забора, наклонился и сдвинул лежащую там плиту. Потом достал из ямы кувшин, и яблочная водка с бульканьем потекла в его пересохшее горло. Джонсон почувствовал, как приятное тепло разливается внутри. Ну-ка, еще глоточек. И яблочная водка забулькала снова.

И тут он увидел на таком прекрасном поле кротовый бугор. Ну, разумеется, чем лучше поле, тем больше вероятности, что туда проберется крот. Только вот бугорок что-то великоват. Джонсон поморгал и взглянул снова. Бугор был уже футов в десять высотой и продолжал расти.

— Эй! — закричал Джонсон. — Эй! Убирайся оттуда!

В ответ раздалось приглушенное «*Пуфф!*», и кротовый бугор взорвался. Дождик из мягкой грязи взлетел вверх и пролился на ошалевшего Джонсона. Из образованной взрывом дыры вылетело целое облако дыма, крутясь и кипя, точно вулканическое извержение. Затем оттуда ударил свет, ровный столб ярчайшего света. Свет ударил в полночное небо и замигал. Затем он погас, и Джонсон опрометью бросился к дому.

Джонсон ворвался на кухню.

— Мав, — завопил он, — сам дьявол вырвался из ада прямо на нашем кукурузном поле. Выскочил с ревом из огненной ямы, из глотки у него валил дым, а из глаз вырывался огонь!

Жена задумчиво оглядела его.

— Ну, неужели мне недостаточно радиопомех? Так теперь этот дурень будет врываться прямо посреди моей любимой программы... — Она встала напротив мужа и, не сводя с него глаз, уперла руки в бедра, голос ее зазвучал на полную октаву. — Сет Джонсон! Ты снова пил!

Джонсон попятился от нее. Он мог быть хозяином фермы, но на кухне царствовала жена.

— Честное слово, Мав, я только разок глотнул, и тут прямо посреди поля вырос бугор, а из него полез старый дьявол...

THE WARNING

Civilization's Dawn
Left Humanity One
Bequest—the Time
Capsule!

*The screen showed Earth being attacked by
invaders from space*

И тут, словно подтверждая его слова, в небо опять ударил столб света. Жена подскочила на целых пять футов.

— Спасения ради, Сет Джонсон! Что это? — завизжала она.

— Я же говорил тебе, — завопил в ответ муж. — Дьявол вышел прямо из ада!..

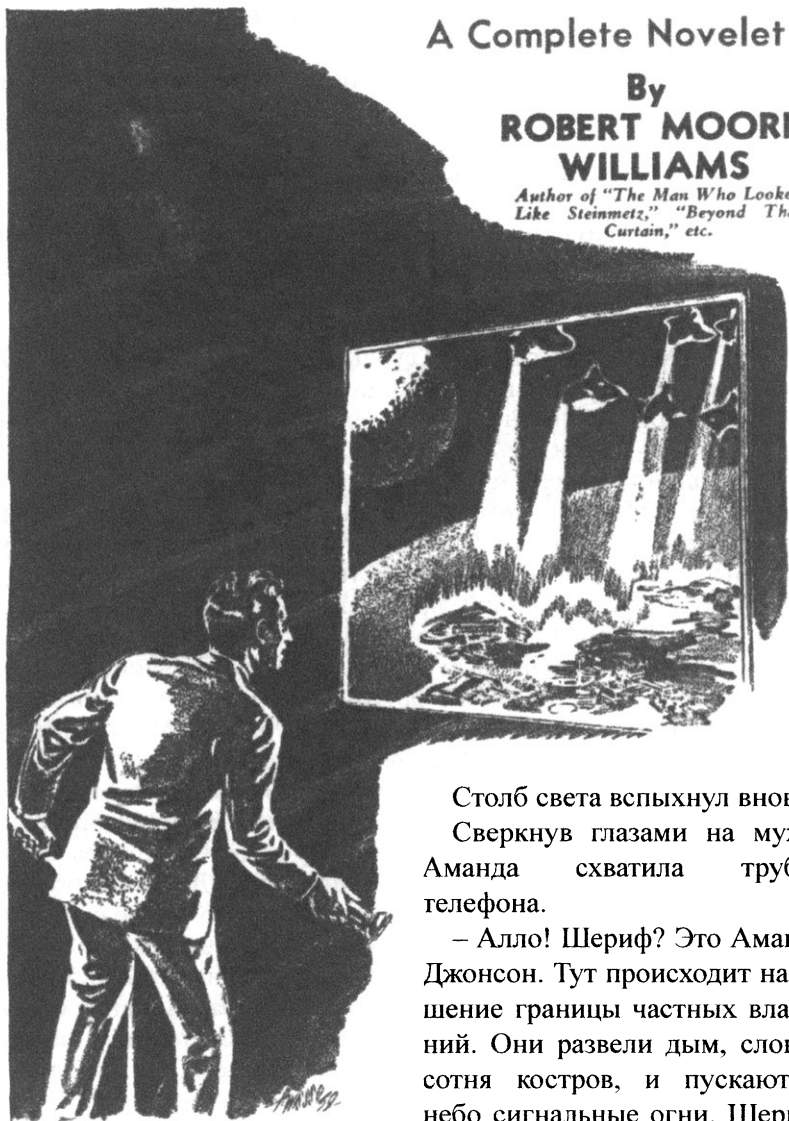
— Да ты совсем спятил, — гаркнула в ответ жена, электричество вырубилось, но в лунном свете был отчетливо виден столб дыма. — Нужно что-то делать! Я вызову шерифа!

FROM THE PAST

A Complete Novelet

By
**ROBERT MOORE
WILLIAMS**

*Author of "The Man Who Looked
Like Steinmetz," "Beyond That
Curtain," etc.*

Столб света вспыхнул вновь.

Сверкнув глазами на мужа, Аманда схватила трубку телефона.

— Алло! Шериф? Это Аманда Джонсон. Тут происходит нарушение границы частных владений. Они развели дым, словно сотня костров, и пускают в небо сигнальные огни. Шериф, приезжайте, разберитесь и арестуйте их за нарушение границ!

— Миссис, — раздался в трубке голос шерифа. — А сколько вы выпили?

Потом шериф осторожно отстранил трубку от уха. В трубке продолжало гневно квакать, когда он повернулся и поглядел на своего помощника.

— Билл, — сказал он, — я думаю, нам лучше поехать и поглядеть, что там случилось у Джонсонов. Они орут так, словно оба напились вдрызг.

Билл что-то неохотно проворчал, не отрывая взгляда от бумаг, которые читал. Он заочно учился на агента ФБР, а агенты ФБР не должны тратить свое время, проверяя все дурацкие телефонные звонки. Правда, Билл никогда не видел живого агента ФБР и не знал никого, кто бы его видел, но очень хотел им стать.

Потом он ушел вместе с шерифом. И прежде, чем они вернулись, Билл увидел столько агентов ФБР, что этого хватило ему до конца жизни.

МАРК УАЙТИНГ тихонько скользнул вверх по лестнице. Он чувствовал себя слегка виноватым, потому что был хозяином, и, в качестве хозяина, должен был развлекать гостей. Или не должен? Марсия ничего не сказала. На самом деле, они были *ее* гостями, и ей следовало бы развлекать их и без него, но, казалось, так было не принято в обществе, которое внезапно распахнуло перед ними двери теперь, когда они разбогатели. Марсия с готовностью ринулась в эти двери, но Марку это общество казалось сборищем зануд.

Те люди, внизу в гостиной, представлялись ему ложной аристократией по величине богатства, и Марк не чувствовал себя с ними ровней. Вот если бы они были аристократией собственных достижений — тогда было бы все по-другому. На земле не было людей ближе ему, чем люди, которые мыслили так же, как Марк Уайтинг. О нем уже слагали легенды. И не потому, что он накопил целое состояние. Да, он получил это состояние. Но это было совершенной случайностью. Он был изобретателем. И одним из его изобретений оказался радиоэхолот, благодаря которому самолеты теперь могли безопасно летать даже самыми темными ночами. Другим изобретением был радиоуправляемый самолет — но армию это не особенно заинтересовало. Был еще фотоэлемент, носящий его имя.

В общем, в Вашингтоне на имя Марка Уайтинга было зарегистрировано восемьдесят с лишним патентов. Правда, за последние годы количество их уменьшилось. Марк занялся атомными исследованиями, а открытия, сделанные в этой области, не всегда следуют патентовать.

Приходится даже стараться, чтобы о некоторых никто не узнал.

Марк тихонько пробрался на третий этаж и отпер единственную там дверь.

Внизу собирались играть в бридж. Вот тогда-то Марк и смылся, надеясь, что Марсия не заметит его отсутствия.

Конечно, не стоило ему убегать. Но он не собирался играть в бридж этой ночью. Или любой другой ночью. Нужно было кое-что сделать, и Марк был единственным, кто мог это сделать.

Он включил свет. И тут же превратился в совершенно другого человека.

Для любительской радиостанции это было настоящее чудо. Впрочем, подобные станции вообще являются чудом. Они восхитительны. Здесь было четыре передатчика, два приемника и два шифратора, для сорока— и восьмидесятиметровых волн. И был специальный экспериментальный передатчик, который работал вовсе не на метровых волнах, так что для него не требовалось официальное разрешение. Из приемников три работали на всех волнах, а один — на особых.

Глаза Марка загорелись, пока он смотрел на них, и вспыхнули особенно ярко, когда взгляд его перешел к тому странному блоку, который был его собственным детищем.

Марк сам сконструировал его вплоть до последнего проводка, от особого кристалла до пары дешевых наушников. Ах, какой это был приемник! А в передатчике главным элементов был крошечный вибропреобразователь, от которого выходила антенна и заземление.

Наверное, его можно услышать на много миль, усмехнулся Марк, если ветер будет в нужном направлении, и все приемники не смогут не принять его, в таком широком спектре он вещал.

Вся аппаратура выглядела примитивной и неуклюжей. Это мог бы собрать ребенок со всей своей детской неуклюжестью.

Не то, что поблескивающий монстр в другом углу комнаты — передатчик, который можно услышать где угодно, хоть в Австралии.

Ну, да, его и создал ребенок, подумал Марк и тут же вспомнил, как в 1918 году был снят гриф «совершенно секретно» со всем материалов по беспроводной связи, и он, четырнадцатилетний мальчишка, как раз тогда сломал руку и вынужден был неделю лежать в кровати. Среди журналов, которые ему принесли, оказался журнал по радиотехнике со статьей, в которой как раз и было описано это самое примитивное устройство.

В том журнале Марк Уайтинг, лежа со сломанной рукой, нашел свою судьбу. Судьбу, которая к июню 1939 года принесла ему положение одного из ведущих ученых в США, и эта примитивная самодельная катушка была прабабушкой тех сложных катушек в особом приемнике, который работал не на обычных частотах.

Улыбаясь, Марк смотрел на свою аппаратуру. Теперь он мог создавать гораздо лучшие установки, но в первом, неуклюжем, устройстве, который он собрал своими руками, оказалось нечто такое, что он не до конца понял и много лет спустя. Он работал над ним все эти годы, и все же не до конца раскрыл все его секреты.

Марк протянул руку, легонько передвинул ползунок регулятора частот и осторожно погладил установку.

Затем он вспомнил о Марсии. В любой момент она примется искать его, чтобы заставить играть в бридж.

Марк вновь повернулся к мерцающей установке, плоду трудов его гениального разума. Ему захотелось несколько минут послушать бормотание голосов из обрывков каких-то радиосигналов. Это всегда вновь заставляло его чувствовать себя ребенком в Калифорнии, болтающим с таким же ребенком в штате Мэн. Их голоса встретились, несмотря на расстояние в три тысячи миль. В этом было нечто таинственное, нечто, заполнившее его тогда страхом.

Лампы нагрелись. Мгновение стояла тишина.

Затем из динамика раздался хриплый рев, заставивший его зажать руками уши. Марк тут же уменьшил громкость, но рев не прекращался. Тогда он прошелся по частотам – рев оказался на всех частотах без исключения.

Марк выключил приемник. Осмотрел его и снова включил.

И тот снова взревел. На этот раз Марк распознал в этом реве какие-то серии точек и тире, забивающие все частоты. Он прошелся по шкале от двухсот до шестисот метров – рев был везде. И даже когда Марк вывернул громкость до самого минимума, рев все равно был неприятно громким.

Было похоже на то, что им занят весь эфир, и сейчас все радиоприемники на Земле пронзительно вопят.

Баз... баз... баззз... Билось в динамике с частотой человеческого сердца. Но это было нечеловеческое сердце, это было сердце радиосвязи.

Баз... баз... баззз... И так на всех частотах.

СИДНИ ДАНГЛ сорвал телефонную трубку.

– Я плачу за время в эфире десять тысяч долларов в час, – заревел он. – Еще десять тысяч мне стоят певцы и комики. И что я получаю взамен? Только *баз... баз... баззз!* Это поможет мне продавать шоколадные батончики Инки-Пинки-Кэнди? Что-то я сомневаюсь! Свяжите меня с президентом вашей компании... Да хоть с президентом США!.. Верните мне мои деньги!..

– Мы делаем все, что можем, – сказал ему встревоженный заместитель президента компании. – Но это общенациональное происшествие. Еще ничего подобного не было. Мы пытаемся выявить источник направленными антеннами. Мы уже сообщили об этом в Торговую Палату, и они обещали принять меры. Мы очистим эфир как можно быстрее. Да, сэр, мистер Дангл. Можете положиться на нас.

И заместитель положил трубку.

— Надеюсь, ты подавишься своими проклятыми батончиками, — проворчал он, злобно уставившись на телефон.

Телефон тут же зарычал. Заместитель снял трубку.

— Послушайте, леди, если бы думаете, что это у вас проблема, что же тогда у меня? Сейчас весь Чикаго звонит мне на телефон, желая узнать, почему не работает их радио. До свидания... — Он бросил трубку, и тут же снял другую трубку — внутренней связи. — Дайте мне опять главного инженера... Джим, ради любви ко мне, неужели ты не можешь что-то сделать с этим? Старый Дангл уже глотку себе сорвал, вопя, что слишком много платит нам. Неужели ты еще не понял, что происходит? Не могли же сломаться все приемники в стране! Вот-вот начнется первосортная паника. Уже сейчас газеты визжат так, словно мы все это учинили. Ну, так как начет мыслей?.. Ладно, я заткнусь и не буду мешать тебе работать...

Он вытер со лба пот, глубоко вдохнул, поднял трубку уже снова звонившего внешнего телефона и попытался объяснить какому-то взволнованному человеку, что это еще не конец света.

В ЮЖНОЕ ОКНО было видно, как в небо бьет какой-то луч. Марк Уайтинг подошел к окну.

Снаружи стояла спокойная майская ночь с полной луной. Но было кое-что еще.

Был столб света, бывший в небо. Пока он смотрел, столб несколько раз то гас, то снова устремлялся в небеса, точно горящая стрела. Он походил на прожектор, направленный в небо, только в тысячу раз более мощный, чем любой известный человеку прожектор. Затем он погас.

Марк застыл. Когда свет погас, шум из приемника смолк.

Снова вспыхнул свет, устремившись столбом в небо, и тут же радио опять пронзительно завопило. И пока свет озарял небо, радио орало. Погас свет — смолк шум. Они четко синхронизировались друг с другом.

Мак глядел на все это, как у него нечаянно не вырвалось:

— Я мог бы поклясться, что ничто на Земле не может так светить!

Он был одним из немногих людей в мире, которые точно знали это.

За спиной зазвенел телефон, выведя Марка из транса.

— Мистер Уайтинг? Говорит Моррисон, редактор «Журнал ньюс». Мы готовим экстренный выпуск и хотели бы получить ваши комментарии. Наверное, вы уже слышали, что творится с радио. Все радиостанции в стране забиты какими-то таинственными сигналами. Радиопеленгаторы определяют местоположение их источника примерно в сотне миль южнее Чикаго, где-то возле Мелвилла. Мы уже разговаривали по телефону с местным шерифом, и он сообщил, что там и близко нет никаких радиостанций. Однако, он

рассказал, что на кукурузном поле одного фермера земля вдруг взорвалась, из ямы вылетел столб дыма, а потом начала с перерывами бить какой-то столб света. Несмотря на то, что этот свет находится почти в сотне миль к югу от нас, мы видим его, если глядим в том направлении...

– Я тоже его вижу, – прервал редактора Марк. – Что вы хотите от меня?

– Очевидно, что свет и радиосигналы идут из одного источника. Никто точно не знает, из какого, но уже предполагали, что там приземлился космический корабль. Мы бы хотели, чтобы вы дали комментарии этому...

– Что чему этому?

– Мистер Уайтинг, вы ученый! Предполагается, что вам должно быть больше известно о таких вещах. У нас больше нет никакой точной информации. Репортер с фотографом уже едут на аэродром... – Человек на другом конце линии на мгновение замолчал. – Дороги практически заблокированы, – напряженно продолжил он. – Кажется, половина устремилась туда, чтобы поглядеть, что там такое. Люди пытаются проехать... Что? Задержать самолет на аэродроме, пока вы не подъедете? Пригород, где вы живете, милях в двух от аэропорта, не так ли? Вы дадите нам интервью, если мы отвезем вас туда?.. Отлично.

Но прежде, чем Марк успел выйти из комнаты, телефон зазвенел снова.

– Да, Уайтинг слушает. Это губернатор?.. Я не знаю, что происходит, и боюсь что-лимбо предполагать. Вы связались в Вашингтоне и вызвали помощь?.. Прекрасно. Я с вами согласен, это – дело для ученых. Я сделаю все, что смогу. Я немедленно отправляюсь туда...

В дверях стояла Марсия и укоризненно глядела на Марка.

– Гости... – начала было она.

– Черт с ними, с гостями, – бросил было Марк, пробегая мимо нее, затем, увидев некое выражение на лице жены, на секунду остановился и повернулся к ней. – Мне очень жаль, дорогая. Но что-то произошло. И если это то, о чем я думаю, то лучше всем разъехаться, потому что нынче вечером будет не до бриджа... Вообще теперь будет не до бриджа.

Он поцеловал жену и сбегал вниз по лестнице. Игроки в бридж смотрели, как он стрелой промчался по комнате и выскочил из двери. Марк услышал женский голос, жалующийся на то, что не работает радио.

УЖЕ ДАЛЕКО ЗА полночь вышел экстренный выпуск «Журнал ньюс», но у уличных продавцов газет его расхватавали, точно горячие пирожки. Казалось, весь город не спал. Вопящим разносчикам газет, лавиной хлынувшим в Нью-Йорк, не приходилось искать покупателей. Сент-Луис, Сан-Франциско, Париж, Лондон, Рим... Новости разносились быстрее лесного пожара и уже газеты всего мира перепечатывали их:

«В ЦЕНТРАЛЬНОМ ИЛЛИНОЙСЕ НАЙДЕНА КАПСУЛА ВРЕМЕНИ!

Это подарок какой-то неизвестной древней цивилизации, жившей десять-двадцать тысяч лет назад, — сказал Марк Уайтинг.

Появившись в огне и дыму, испуская радиосигналы, которые слышали все владельцы радиоприемников в стране, капсула времени вчера вечером оповестила о своем появлении в центральном Иллинойсе. Она была найдена на ферме Сета Джонсона близ Мелвилла, в округе Саппингтон.

Джонсон тут же сообщил об этом властям. Сигнальными огнями капсулы были привлечены тысячи любопытствующих из ближайших городов. Была вызвана расквартированная в Мелвилле Национальная Гвардия для поддержания порядка.

Не зная природу устройства и опасаясь его, был поставлен кордон и стали ждать, когда на сцену выйдут ученые. На специальном самолете «Журнал ньюс» уже прилетел авторитетный ученый Марк Уайтинг. Он немедленно организовал раскопки и, как уже было сообщено, они только что докопались до верха капсулы.

Она находится на глубине двадцати футов под землей и сделана из нержавеющей металла. Размеры капсулы пока еще нельзя определить, предположительно, она около тридцати футов в диаметре. Верхушка капсулы обнажена взрывом. Из дыры в земле все еще курится дымок, а время от времени из вершины самой капсулы вырывается луч света.

Свет, дым и радиосигналы явно созданы для того, чтобы привлечь всеобщее внимание к капсуле времени!

Неизвестные создали капсулы, представители явно давно вымершей расы, приняли все меры предосторожности, чтобы удостовериться, что капсула будет найдена через определенный промежуток времени в будущем. Цель ее создания неизвестна. Было предположение, что она оставлена в качестве предупреждения цивилизациям, которые должны появиться после нее.

Цивилизация создателей капсулы неизвестна в истории. Мифы и легенды, дошедшие до нас с первобытных времен,

что, до нынешней, на Земле могли существовать и другие цивилизации. Но это первое явное доказательство существования таковых.

По всей вероятности, когда будет вскрыта капсула, в ней найдут информацию не только о ее назначении, но и о том, что случилось с создавшей ее и закопавшей здесь, в земле центрального Иллинойса цивилизацией. Марк Уайтинг предполагает, что она закопана именно здесь, потому что здешний район геологически стабилен и почти абсолютно лишен землетрясений и подвижек земной коры. Слои почвы над капсулой указывают, что ей, по меньшей мере, девять-двадцать тысяч лет».

В следующем экстренном выпуске «Журнал ньюс» было объявлено о втором сенсационном событии. Была открыта еще одна капсула в Египте, в дельте Нила к северу от пирамид...

СИДНИ ДАНГЛ швырнул газету на стол.

— Я трачу двадцать тысяч долларов, размещая в эфире рекламу своих шоколадных батончиков, и что происходит? Какие-то капсулы времени начинают взрываться и засорять эфир! Хочу назад свои деньги! Требую справедливости! Я заключил контракт, в конце-то концов!

Он схватил телефонную трубку. Но ответа не получил.

За окном продавцы газет кричали об очередном дополнительном тираже.

Дангл распахнул дверь своего пригородного коттеджа.

— Мальчик! Мальчик! Дай-ка мне газету!

Прочитав экстренный выпуск, Дангл забыл о своих батончиках. Газета рассказала ему удивительную историю...

Когда группа людей во главе с Марком Уайтингом вскрыла люк на верхушке капсулы, свет, дым и радиосигналы тут же прекратились. Вниз вела лесенка. Марк Уайтинг полез по ней с фонариком. Очевидно, надавив на лестницу, он нажал скрытый выключатель, потому что включилось какое-то устройство, и на маленьком экране появилась серия сцен.

Эти сцены показали, как Северную Америку, Египет и Индию в доисторические времена колонизовали люди, родиной которых оказалась группа Островов в Тихом океане. На тех островах возникла высокоразвитая цивилизация, когда, примерно пятнадцать тысяч лет назад, Земля подверглась нападению пришельцев из космоса.

Старая цивилизация сумела уничтожить космический флот, прилетевший даже не с планет Солнечной системы, а с планет из системы Сириуса. Но прежде, чем их уничтожили, захватчики распространили особые микробы, вызывающие быструю смерть от интенсивного воспаления носоглотки и легких, болезнь, которая и теперь существует на Земле под названием простуды, за тыся-

челетия потеряв часть своей силы. Погибая, старая цивилизация разложила в различных местах под землей капсулы времени, так, чтобы их нашли – оставили подарок любым расам, которые выжили бы в бушующей на Земле эпидемии и начали заново долгий путь развития.

От старой цивилизации, сообщалось в газете, мало что осталось, потому что острова, где была их родина, давно погрузились на дно океана.

Марк Уайтинг, когда его спросили, почему капсулы времени были сделаны так, что начали со взрывов, отказался от комментариев. После просмотра некоторых сцен, показанных на экране в капсуле, и исследования кое-каких записей, он и агенты ФБР, сотрудничавшие с ним, запретили кому-либо что-либо нажимать в капсуле времени. Причину такого запрета они также отказались сообщать.

Однако, стало известно, что в ответ на срочный вызов Марка Уайтинга сюда летят высокопоставленные офицеры американской армии.

Во всем графстве, где появилась капсула времени, было объявлено военное положение.

На следующее утро проснулись очень немногие американцы. Потому что большинство так и не ложилось спать.

СЕТ ДЖОНСОН днем полез на сеновал, чтобы вздремнуть. Он устал, ему нужно было поспать. Но уснуть оказалось проблематично. То и дело ревели самолеты, превратившие луг Джонсона в посадочную площадку. Он попытался было возражать, но офицеры вели себя так, словно он вообще не был хозяином фермы. Что поделать – военное положение!

Наконец, Джонсон заснул, бормоча себе под нос ругательства. Разбудил его склонившийся над ним фотограф. Джонсон видел его прошлой ночью.

– Я должен сфотографировать вас, Сет. Редактор требует ваш снимок. Вы же хотите увидеть свое фото в газете, не так ли? Так что давайте, спускайтесь.

Внизу были другие фотографы. Были и корреспонденты. Они сфотографировали Сета, его усы и все прочее.

– Двадцать лет я пахал это поле, – сказал им фермер. – Я и понятия не имел, что внизу там лежит такая штукавина.

Он глянул на тощего, голодного фотографа. Тот не спал всю ночь и весь день. *И как только он на ногах держится?* – подумал Сет. Затем Сет почувствовал кое-какой запах. Он придвинулся поближе и что-то прошептал фотографу.

– Конечно, – был ответ. – Обойдите сарай сзади.

Какое-то время спустя они швырнули пустой бутылкой в человека со столькими аксельбантами, что он не мог не быть генералом.

Тот с двумя помощниками шел от посадочной площадки туда, где на кукурузном поле перед грудой земли сердито шумела изрядная группа людей. Генерал был так озабочен разговором со своими помощниками, что даже не заметил летящую бутылку. Когда пьяный фермер и пьяный фотограф швырнули в него бутылку, генерал не заметил ее, потому что в голове у него были более важные мысли. Кстати, бутылка пролетела мимо.

– **УАЙТИНГ**, вы спятили, – грубо сказал генерал Уорсин.

Помощники его встревоженно зашумели. И все зашумелись, потому что генерал только что прибыл.

Марк даже не улыбнулся. Он только устало ответил:

– Очень надеюсь на это, генерал. И помните, я ни в чем не уверен, и никто не может быть уверен, пока мы не заставим лингвистов раскусить этот язык. К счастью, древние ученые упростили нам задачу. Проиллюстрировав свои записи – слово, произнесенное вслух, это же слово записанное, и тут же картинка: все рядом. Они понимали, что у диких рас будет совершенно иной язык, и упростили дикарям задачу по его изучению.

– Это мы-то дикая раса? – прорычал Уорсин.

– Мы – потомки тех дикарей, генерал. Когда эту капсулу закапывали под землю, наши предки еще проламывали друг другу черепа дубинками где-то в горах Азии.

– Грмм! – откашлился генерал. – Ладно, это неважно. Зачем вы вызвали меня сюда? Какое отношение эта капсула имеет к нам, кроме ее исторического значения?

Марк глубоко вздохнул.

– Потому что нам угрожают те, кто уничтожил древнюю цивилизацию.

– Что?!

– Люди, закопавшие эту капсулу, встроили в нее устройство, которое должно обнаружить любой приближающийся к Земле космический флот. Они сделали так, что если чей-либо флот станет приближаться к Земле – капсула вырвалась бы на поверхность, запустила сигнальные огни и дым, а также радиосигналы. Одних радиосигналов было бы достаточно, но древние ученые, разумеется, не знали, успеют ли дикие расы к тому времени снова открыть радиосвязь. Поэтому...

На лице генерала, как в зеркале, отразилась внутренняя борьба. Уайтинг был гражданским лицом. С точки зрения генерала – человеком второго сорта. Но у этого гражданского была чуть ли не мировая известность и репутация.

– Вы имеете в виду, что в капсуле есть какое-то устройство, которое обнаружило по радио появление космического флота чужаков?

– Нет, не по радио. Радиоволны не прошли бы через слой Хевисайда и прочие сои ионизированных газов в атмосфере, слой Д и слой Эплтона. Нет. Они использовали устройство, являющееся магнитно-гравитационным детектором. Гравитационные волны, как и магнитные, беспрепятственно проходят сквозь любые слои в атмосфере. Вся Солнечная система находится в строгом магнитно-гравитационном равновесии. Космический флот, летящий к Земле, должен неизменно пересечь эти силовые линии, сгенерировав ток точно так же, как его генерирует ротор двигателя, вращающийся в магнитном поле, и нарушить гравитационный баланс. Есть лишь небольшое возражение: у наших ученых нет никаких приборов для обнаружения таких возмущений. Однако, их ученые знали гораздо больше, чем открыли наши ученые за всю историю нашей цивилизации.

Генерал глядел на усталого человека, разговаривавшего с ним. Потом взгляд его перешел от Уайтинга к куче земли и яме за ней.

– Уайтинг, я не верю этому. Вы утверждаете, что наша капсула времени и та, что в Египте, появились на свет лишь потому, что Земле угрожает нападение захватчиков из космоса. Это же нелепо, Уайтинг! Почему захватчики ждали пятнадцать тысяч лет, чтобы снова напасть на нас?

Марк пожал плечами.

– Понятия не имею. Но я знаю, что они умеют преодолевать межзвездное пространство, и даже не с самой близкой из звезд. У нас нет кораблей, которые могут так быстро летать. Чтобы создать такие корабли, нам понадобится уйма времени. Меня удивляет не то, что они прождали пятнадцать тысяч лет, чтобы снова напасть, а что они вообще прилетели. Ресурсы, требующиеся для такого перелета, способны истощить всю высокоразвитую расу.

– Я думаю, все это обман, – заявил генерал. – Рекламный трюк.

Марк Уайтинг хотел было что-то сказать, но тут же передумал. Лицо его застыло от гнева, но он с трудом взял себя в руки, так как знал, что гнев тут не поможет. Потребовались бы месяцы, чтобы убедить этого самодовольного генерала, и Марк сомневался, что у него вообще может оказаться столько времени.

Прежде чем он сумел найти обтекаемый ответ, прежде чем успел показать генералу устройство в капсуле, от рации, установленной Национальной Гвардией прямо на поле, прибежал гвардеец и протянул генералу листок.

Помощники подошли поближе, пока Уорсин читал радиограмму. Они вопросительно заглядывали ему в лицо, но генерал молчал. Закончив читать, он поднял взгляд вверх.

Наверху было яркие, голубое майское небо. Плыли небольшие кудрявые облачка. Дул теплый, весенний ветерок.

Уорсин опустил взгляд.

— Уайтинг, римская обсерватория только что сообщила о каком-то движении возле Луны. В Европе сейчас ночь. Их телескоп не настолько мощный, чтобы определить объекты, но они считают, что видели, как на Луне села флотилия космических кораблей.

ГЛАВА III. КАТАСТРОФА

СИДНИ ДАНГЛ слушал сообщение по радио. Потом встал и принялся расхаживать по комнате. Потом снова сел и впился зубами в давно погасшую сигару. И все слушал, слушал...

«...прошло двадцать пять дней с тех пор, как сириане высадились на Луне, двадцать пять дней лихорадочной работы на Земле, как ученых, так и скооперировавшейся с ними армией, а также военного флота и представителей крупной промышленности. Совместно они попытались воссоздать оружие древней цивилизации, при помощи которого те уничтожили захватчиков. Древние ученые, бесспорно, овладели ядерной энергией. У них были тепловые лучи, плавящие сталь на расстоянии в несколько миль, радиолучи, несущие энергию, которая при соприкосновении луча с твердым веществом выделяла массу тепла. У них были летающие торпеды с реактивными двигателями и атомными боеголовками. Все это вооружение потребовалось им, чтобы уничтожить захватчиков, когда те тысячи лет назад напали на Землю».

Голос у диктора был хриплым. Он торопился, и слова налезали друг на друга. Он хотел сказать как можно больше за отведенное ему время.

«В капсулах времени находятся чертежи и технологии, нужные для изготовления оружия древней цивилизации. И мы должны быть благодарны этой расе, которая, погибнув, сделала все возможное, чтобы спасти будущие цивилизации! Это оружие по мере изготовления рассылалось по всей планете. Теперь у каждого большого города есть, по меньшей мере, один тепловой луч и много атомных летающих торпед.

Впервые за всю историю цивилизации все страны Земли полностью сотрудничают друг с другом...

Как вам известно из предыдущих сообщений, сириане создали на Луне базу. Они послали на Землю быстроходный разведывательный корабль. Тот облетел нашу планету меньше, чем за сутки, и вернулся на Луну. Теперь в любое время можно ждать полномасштабной атаки.

Были приложены все усилия, чтобы связаться с разведчиком. В небо поднимали воздушные шары с белыми флагами. На предельной высоте летали бомбардировщики. Мы пытались сообщить, что Земля хочет мира и готова ради этого

пойти на любые условия. Но разведчик сириан сбил бомбардировщики и уничтожил воздушные шары. Его действия могут означать лишь одно: первая экспедиция была уничтожена на Земле много тысячелетий назад, и теперь они жаждут мести. Одному Господу известно, зачем они прилетали в первый раз. Ради завоевания?

Но теперь они хотят войны. И они получают войну. Все стратосферные бомбардировщики и истребители стоят наготове, их оборудуют новейшим вооружением. Наземные армии во всех странах окружили города, они вооружены крупнокалиберными орудиями.

Самым мощным оружием теперь станут летающие торпеды и тепловые лучи. Будет чем удивить захватчиков. Они собираются напасть на незащищенный, как они считают, мир. Но подождите, пока они не встретятся с нашими торпедами и тепловыми лучами! Вот они будут удивлены!»

В пригороде Чикаго эту передачу слушал Сидни Дангл. В другом пригороде ее же слушала Марсия Уайтинг. Она не видела мужа с тех пор, как той роковой ночью он вышел из дома. Да, он не раз ей звонил, но что такое телефонные звонки! Марсия хотела видеть его, быть рядом с ним, как в былые времена, еще до того, как у них появились изрядные доходы.

В центральном Иллинойсе эту же передачу слушал Сет Джонсон. А по всему Среднему Западу ее слушали десять миллионов таких Сетов Джонсонов.

Заводские рабочие, мойщики посуды, торговцы игрушками, механики, курьеры в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско... Все они слушали. А потом началось повальное бегство из городов. Впрочем, вскоре первая дикая паника приутихла, и бегство стало организованным.

А наверху, в безмятежном небе, сияло июньское солнце. Миллионы людей глядели в небеса, сотни миллионов! Арабы и турки, китайские мандарины и кули, итальянские крестьяне, французские владельцы магазинчиков, канадские фермеры и мексиканские чернорабочие. Все они день и ночь наблюдали за небом. И нигде не выключали радиоприемники.

ДИНГЛ СЛУШАЛ то тех пор, пока перед глазами не начало все расплываться.

Первый диктор потерял голос, и его сменил новый. Но уже и его речь начала становиться невнятной.

«Мы готовим экстренные выпуски и тут же выпускаем их в эфир. Пока работает наша станция, мы будем давать вам информацию.

Корабль сириан уже над Европой.

Было замечено неяркое свечение, окружающее корабль, как оболочка. Корабль находится высоко, на высоте десятка миль, и медленно летит над Европой. Ему посылают радиосигналы, но они остаются без ответа. В европейских городах введено затемнение. В любой момент может начаться атака... Один корабль против всех вооруженных сил Европы. Местонахождение трех других кораблей пока что не установлено...»

Сидни Дингл слушал несущиеся из радиоприемника слова и, кивая головой, криво улыбался, бормоча себе под нос:

— Какая хорошая программа! Я оплачивал много хороших программ, но эта лучшая. Здесь есть все. Я так рад, что спонсировал ее. Во всем мире люди услышат о моих шоколадных батончиках...

«Париж в огне! Сирианский корабль пошел в атаку. Сначала он был вне радиуса действия тепловых лучей, поэтому были выпущены торпеды. Многие промахнулись, но все же было несколько точных попаданий. Вот только это ничего не дало. У сириан оказалось нечто, чего не было тысячелетия назад. Плохо заметный светящийся нимб, окружающий корабль, оказался каким-то экраном силовой защиты. Он взрывает или уничтожает торпеды, попадающие в него.

Корабль пошел на снижение. В него ударили тепловые лучи, несущие энергию небольшого солнца. Но корабль уцелел, лучи словно потеряли всю свою энергию в экранирующем поле. Потом лучи ударили с корабля. Затем посыпались фугасы. Громадные фугасы, их взрывы были слышны даже в Лондоне... Париж в огне... Больше из него не поступает никаких сообщений... О трех других кораблях по-прежнему ничего не известно».

Сидни Дингл продолжал кивать. Ухмылка на его лице стала совсем уж отвратительной.

— Какая программа! — бормотал он. — Я заплатил за нее миллион долларов, но она стоит того! — Потом он нахмурился, и грузное лицо его прорезали многочисленные морщины. — Вернее, стоила бы, если бы в ней хоть раз упомянули шоколадные батончики Инки-Пинки... Я плачу миллион долларов за эту программу, а в ней даже не упоминается мой продукт!

Внезапно, с каким-то всхлипом и вздохом, радио смолкло. Дингл уставился на приемник, встревоженно хмурясь.

— Ну вот, теперь я не могу даже прослушать мою собственную программу!..

Он встал. Снаружи вдруг раздался свист, вначале пронзительный, но становившийся все более низким и хриплым. Свист превратился в тяжелое, нарастающее бульканье. Дом задрожал. Дингл еще успел

выглянуть из окна. И увидел свет, ослепительную вспышку света. Это было последнее, что он увидел.

Этот свет и нечто, летящее вместе со светом, словно гигантская рука смяли и дом, и хозяина дома.

Но для Дингла это не имело никакого значения. Он все равно был уже мертв.

Один из кораблей сириан внезапно появился в Америке, аккурат над Чикаго.

Другой оказался над Азией.

Четвертый оставался в резерве за пределами атмосферы и ждал.

ГЛАВА IV. ГИБЕЛЬ

СЕТ ДЖОНСОН вскинул на плечо тяжелый мешок. Его жена держала в охапке горшки и сковородки. Сет взглянул на нее. Лицо жены было бледным. Она явно чувствовала себя нехорошо.

Сет осторожно оторвал одну руку от мешка и погладил жену по плечу.

– Мы сделаем все, что сможем, Мав, но сейчас нужно спешить. Мы должны где-то спрятаться. И, Мав... прости, что я ругаюсь с тобой и время от времени напиваюсь...

– Все в порядке, Сет, – без всякого выражения ответила Аманда. – Мы спрячемся в хижине в лесу.

Они слушали радио, пока радиостанция не взлетела на воздух. Затем покинули дом.

Сет взглянул на небо, где совсем недавно что-то гремело. Но теперь небо было ясным и спокойным.

Потом он посмотрел на свое кукурузное поле, где перепуганные юнцы продолжали играть в Гвардию и оставались в оцеплении вокруг земляного холма. Если бы только Джонсон заранее знал, что в земле у него была спрятана капсула, тогда, возможно, ученые, такие, как Марк Уайтинг, успели бы в ней разобраться и создать оружие, которое разгромило бы эти треклятые корабли.

Но он понятия не имел о капсуле. И никто не знал о ней. А теперь уже слишком поздно.

Когда наступила ночь, Джонсон с женой уже были в хижине.

РАССВЕТ ПРИШЕЛ со стороны озера.

Вот точно также, двести лет назад, очередной рассвет не обнаружил у озера большой, шумный город Чикаго. И нынешний рассвет осветил лишь то, что осталось от вчера еще целого и невредимого города. Кое-где все еще догорали пожары. Плотная пелена дыма застилала небо, когда Марк Уайтинг вошел в пригород, где стоял его дом.

Он шел пешком. Он уже много миль прошел пешком. На шоссе образовался затор, созданный обезумевшими от ужаса водителями, и автомобиль Марка спихнули в кювет. В Чикаго никто не направлялся. Наоборот, все, кто сумел выжить, бежали подальше от него, теперь, когда по всей Земле рухнула оборона, точно крепость из песка.

Марк пытался не думать об оставшихся на шоссе людях, о том, какие были у них лица во время этого безумного бегства. Но трудно было не думать об этом. В голове мельтешило слишком много мыслей. Ведь здесь, в пригороде, оставалась Марсия. Марк проглотил застрявший в горле комок и продолжал думать о жене.

Его не заботило то, что его лицо с отросшей щетиной было покрыто грязью. Он даже не замечал, что ковылял, все время спотыкаясь. Время от времени он натыкался на валявшиеся тела и осторожно огибал их, пытаясь не разглядывать и не обращать на них внимания. Слишком уж часто они попадались.

Марк видел воронки в земле и обугленные обломки рухнувших зданий. Воздух был полон дымом, Марк все время кашлял.

Если бы только им хватило времени! Там, в капсуле, был целый мир информации. Древней цивилизации было известно очень много. Они были близки к окончательному раскрытию тайн атома. Молекула, атомы, электроны, протоны, позитроны...

Даже при помощи лучших лингвистов в стране трудно было понять точное значение написанного, но Марк узнал достаточно, чтобы убедиться, что новые знания, добавленные к известным уже на Земле, могли бы помочь, наверняка помогли бы... если бы только хватило времени.

И если бы захватчики не модернизировали свои корабли. Их защитные экраны... Во времена древней цивилизации их явно не было. И древние ученые не могли предвидеть технические новинки, которые могли появиться у сириан. *Интересно, а что это вообще за экран?* – подумал Марк. Предположить было не слишком трудно. Электромагнитный барьер, какое-то электромагнитное силовое поле...

Потом Марк увидел свой дом. Дом выглядел так, словно какой-то игривый гигант шутя отодвинул его. Странно, но кирпичная стена с дверью не рухнула, и дверь была распахнута.

Когда Марк был здесь последний раз, в этой комнате гости играли в бридж. Теперь внутренние стены обрушились, мебель была раздавлена упавшим потолком.

Здесь и ждала его жена.

Марк расшвырял кирпичи и поднял ее на руки. Очень долго, минуты, – а, может, часы, Марк держал ее на руках, тихонько покачиваясь на пятках. Марк Уайтинг любил жену, любил ее хрупкое тело и очень белую кожу, ее какую-то тихую красоту.

Теперь она затихла навсегда.

НА ЗЕМЛЕ было много других людей, которые затихли навсегда, очень много.

Марк отнес жену на задний двор, где был розарий. И стал рыть могилу. У него не было надгробного камня, да и не могло быть. Очень долго Марк стоял на коленях перед могилой, а когда встал, взгляд у него был странным, и рот странно скособоченным. Он посмотрел на небо.

По небу плыли облака дыма, живое доказательство разрушений, причиненных захватчиками, которые сбрасывали свои бомбы и посылали смертоносные лучи на какой-то другой город.

Марк знал, что покидает это место навсегда. Он обыскал дом. Была одна вещь, которую он хотел увидеть, прежде чем уйти.

Он с трудом поднялся по лестнице. Крыши не было, но стены третьего этажа сохранились.

Он прошел с трудом, перелезая через груды упавших кирпичей.

Все, что он любил, был уничтожено, и это уже ничем не заменить.

Взгляд Марка пробежался по тому, что осталось от комнаты, перешел на стол в углу, где по-прежнему стояла радиостанция, которую он создал еще в детстве. Она каким-то чудом была спасена от разрушения. Частично стропила легли так, что защитили ее. Передатчик остался неповрежденным.

Марк посмотрел на это примитивное, грубо смонтированное устройство – а что ждать от ребенка? – и в памяти у него внезапно вспыхнули знания, которые он успел получить из капсулы. Впервые он сознательно понял то, что всю жизнь чувствовал лишь на уровне инстинктов – скрытый потенциал своей установки.

Марк стоял, не шевельнувшись, пристально глядя на стол. Затем вдруг рванулся к нему. Из передатчика, работающего на сорокаметровых частотах, он вырвал провода, идущие к его экспериментальной установке. Он быстро отсоединил то, что создал еще в детстве, а после лишь дополнял изредка новыми схемами. Работал Марк лихорадочно. Глаза его то и дело устремлялись в небо. Но по небу плыл только дым...

ОХРАННИК ПРОВЕЛ его в главный офис. Генерал Уорсин вскочил с кресла при виде вошедшего. Несмотря на грязную бороду, рваную одежду и хромоту на обе ноги, генерал Уорсин сразу же узнал этого гражданского.

– Уайтинг! Боже мой! Где вы были? Мы три дня искали вас!

Марк Уайтинг откашлялся.

– Я пошел... за женой. Но когда добрался домой, было уже слишком поздно.

У Уорсина было осунувшееся лицо. Слишком многих ему пришлось отправить на смерть. Он тоже откашлялся, прежде чем заговорить.

— Мне очень жаль... — Он отвел взгляд, затем снова заговорил резким тоном. — Но мы искали вас целых три дня. Вы были нам нужны, как еще никогда и никому.

Уайтинг мотнул головой куда-то на запад.

— Там приняли меня за сумасшедшего, потому что я тащил с собой это. — Он снова кивнул, на этот раз на какое-то явно самодельное устройство. — Но мне удалось убедить ваших храбрых вояк, что даже если я сумасшедший, то должен добраться до штаб-квартиры. Ну, наземный транспорт уже полностью дезорганизован. Мне пришлось ждать самолета.

Он замолчал, но больше ничего и не требовалось говорить. На дорогах действительно царил полный хаос.

Уорсин знал об этом побольше Уайтинга. Паника, возникшая после первого же налета. Дороги разрушены, железнодорожные пути забиты. Даже армия впала в панику и была дезорганизована. Но с этим уже покончено. Больше они не будут паниковать. Они умрут, но не допустят никакой паники.

Уорсин взглянул на устройство Марка.

— Вы знаете, что произошло? — голос его был по-прежнему резок. Мартин покачал головой.

— Я не слышал никаких новостей. И не видел вражеского корабля после первого налета.

— После того, как был уничтожен Париж, Европа безоговорочно капитулировала. Захватчики посадили корабль и убрали защитное поле. И тут же он был буквально сметен торпедами и превращен в кусок расплавленного металла тепловыми лучами. За такое вероломство Европа заплатила высокую цену. Через несколько часов три остальных корабля были уже над Европой. Они начали систематические бомбежки и удары тепловыми лучами всех городов на континенте. Разумеется, Европа сопротивлялась, но никто не мог пробиться сквозь защитные экраны. Вероятно, мы следующие в списке, и лишь чудо может нас спасти. Уайтинг, что-нибудь можно сделать с этим проклятым экраном?

Марк промолчал. Он просто поставил свое устройство на стол генерала. А потом буквально упал в кресло.

— Да... их экран... электромагнитный барьер... настоящее чудо... И он поник, голова упала на грудь.

ГЛАВА V. ПОБЕДА

МАРК УАЙТИНГ открыл глаза. Попытался сесть. Он увидел, что комната полна людьми в форме, лица их были напряжены. С

благодарностью Марк плотнул из бутылки, которую ему кто-то протянул. Жидкость огнем прокатилась у него по пищеводу в желудок, но придала Марку сил.

— Ну, так как, Уайтинг? — спросил генерал Уорсин. — Счет пошел уже на минуты. К нам летят три корабля. С Европой они уже закончили.

— Вон... — Марк с трудом поднял руку и показал на самодельное устройство, которое он собрал еще мальчишкой, а потом доделывал уже взрослым.

Уорсин видел в нем лишь какую-то грубо собранную штуковину, маленькую и нелепую. Ее мог легко нести один человек. Если бы эта штуковина весила сорок тонн, она, возможно, произвела бы на него впечатление. А так... Но что-то промелькнуло по лицу генерала. За несколько секунд он буквально постарел на несколько лет. Он пробежал взглядом по проводам, скрученным, неловко обмотанным самодельной изоляцией, по какому-то веретену из хрупкой медной полосы, скрученной в конус.

— Сумасшедший, — прошептал генералу его заместитель. — Он же просто сумасшедший...

— Я не сумасшедший! — рявкнул Марк, с трудом поднимаясь на ноги. — Я начал работать над ней, еще когда был ребенком и хотел построить радиопередатчик. Вот что это такое... по крайней мере, замышлялось таким. Из записей, найденных в капсуле времени, я узнал, что его можно превратить в позитронный генератор, посылающий поток позитронов в любом желаемом направлении при помощи вон того конуса. Вы знаете что-нибудь о позитронах? Нет, не знаете. Зато с апломбом называете меня сумасшедшим. Когда происходит соединение позитронов с электронами, возникает полная аннигиляция с выбросом гамма-лучей. И если экран захватчиков имеет электромагнитную природу...

Сколько уже безумцев Уорсин повидал за последние три дня, психов, которые точно знали, как спасти мир! Для гражданского, Уайтинг был очень умен, но он точно такой же псих, как и куча других до него. Уорсин глядел на него и видел, как лихорадочно горят его глаза.

— Он сумасшедший, — кивнул Уорсин. — Уберите его отсюда. Да, и пусть он забирает с собой свой хлам. Привести все подразделения в боевую готовность. Приготовьте к пуску торпеды и тепловые лучи. Мы не победим, но, по крайней мере, умрем в бою.

Макр Уайтинг протестующе закричал. Затем схватил свое устройство и больше не пытался ничего сказать. Но отбивался, когда грубые руки вытаскивали его из комнаты.

НА УЛИЦЕ бегали военные. Зенитные батареи устремили тонкие стволы своих пушек в небо. Стоял оглушительный рев, потому что с соседнего поля взлетали тяжелые бомбардировщики.

Штаб-квартира располагалась возле пляжа на берегу Джерси. В канале стояли военные корабли, задрав в небо орудия. Роями взлетали истребители. Точно осы, но осы с бессильными жалами.

Трубили сигнальные горны. Вдоль берега орудийные расчеты летающих торпед разворачивали пусковые станины. Другие расчеты были готовы пустить смертоносные тепловые лучи. Уже гудели генераторы этих лучей. Было пущено в ход все оружие древней цивилизации, чертежи которого оказались в капсуле времени, и все оружие современности.

Марк Уайтинг завертел головой. И увидел в небе три едва заметных, мерцающих силуэта. Они летели достаточно низко, на высоте не более мили. И то и дело наносили удары вниз. Из открытых в их нижних частях люков падали какие-то темные объекты, и там, куда они ударяли, разражался настоящий ад. Сами же корабли были окутаны мерцающими защитными экранами.

С земли взлетели торпеды, ударили в эти экраны и взорвались в ослепительных вспышках. Тепловые лучи попытались разорвать в клочья защиту чужаков, но тоже потерпели неудачу. Поднявшиеся высоко бомбардировщики принялись бросать в них бомбы. Черные истребители бросались на чужаков, точно готовые ужалить осы. То и дело такая оса шла на таран и вспыхивала, едва коснувшись защитного экрана.

Появление таких экранов не предвидела древняя цивилизация.

Раздался рев, потрясший землю и небеса, когда батареи тяжелых орудий на военных кораблях разом отправили многотонные снаряды в беззащитное небо. Каждый из таких снарядов мог бы разнести вдребезги крейсер, но теперь они лишь бесполезно сгорали в защитном поле.

Корабли неторопливо приближались. Неповрежденные, целые, защищенные.

Марк Уайтинг яростно закричал и побежал к морю, прикидывая направление полета вражеских кораблей. Он бежал по берегу в том же направлении, что и корабли, бежал, как сумасшедший, и кричал на бегу.

Корабли все приближались, медленно, уверенные в своей неуязвимости.

Позади Марка, откуда-то с пляжа, по ним, взревев генератором, ударил тепловой луч. Марк бросился к нему. Там было два стрелка, которые зачем-то напали на него. Марк вырвал у одного из них пистолет. Дважды выстрелил. Звуков пистолетных выстрелов было не слышно в адском шуме, сотрясающим землю и небо.

Марк поставил свое устройство и быстро соединил его с генератором теплового луча. Пальцы его работали быстро и ловко. Так. Готово. Теперь нужно включить генератор.

Марк развернул конус. И стал ждать.

Чужаки были почти над ним, забрасывая бомбами стоящие в канале линкоры. Ужасно взревел взорвавшийся линкор. Еще один... Тепловые лучи ударили из кораблей захватчиков вниз, и там, где они касались воды, воду тут же вскипала. Вот они коснулись песчаного пляжа, и вспыхнул песок...

Корабли закрыли небо над его головой. Марк щелкнул последним переключателем. Из конуса вырвался невидимый луч и стал видимым лишь тогда, когда позитроны, из которых он состоял, столкнулись с электронами защитного поля кораблей чужаков...

СЕТ ДЖОНСОН с женой слушали радио. Голос диктора хрипел и прерывался. Но это был человеческий голос, раздавшиеся впервые после четырех дней молчания. Но Сет не выключал приемник ни днем, ни ночью.

«Наша радиостанция, наконец-то, сумела подключиться к аварийному источнику питания, так что мы хотим как можно быстрее сообщить вам новости. Никто точно не знает, что именно произошло. Известно только, что Марк Уайтинг побывал в штаб-квартире в Нью-Джерси под Нью-Йорком перед самым началом атаки. Но, поскольку генерал Уорсин и весь его штаб были уничтожены неприятелем, вероятно, никогда уже не станет известно, какое именно оружие дал им Марк Уайтинг. Прилетели три сирийских корабля и начали сбрасывать бомбы. Все оружие, которым располагали защитники, стремившиеся защитить Нью-Йорк – по крайней мере, то, что осталось от Нью-Йорка после первого налета, – оказалось бесполезным. Ни снаряды, ни торпеды, ни тепловые лучи не могли пробить защитный экран сириан.

Однако, внезапно, когда корабли были уже над берегом, защитные экраны вспыхнули сами собой. Наблюдатели не могли объяснить эти вспышки. Но экраны просто исчезли с ослепительными вспышками.

И немедленно тепловые лучи и торпеды, которые продолжали посылать защитники, ударили по самим кораблям. А потом, очевидно, залп одного из крейсеров попал прямо в ведущий корабль сириан. Взрыв этого корабля уничтожил все живое на милю вокруг, но этот же взрыв разнес на куски и два остальных корабля захватчиков. Налетевшие бомбардировщики ту же завершили разгром...

Вероятно, никогда не станет известно, как именно Марк Уайтинг вывел из строя защитное поле сириан. Наверное, он

использовал какое-то оружие, найденное в капсуле времени. Одно лишь бесспорно. Весь мир должен быть благодарен не только древней цивилизации, пославшей нам капсулы времени в качестве предупреждения, но и Марку Уайтингу, который, наряду с тысячами других защитников нашей страны, погиб в том финальном сражении на берегу Джерси, погиб в самый миг победы...»

Приемник захрипел, шипение заглушило голос диктора. Долгое время Сет с женой молчали.

Затем его жена заговорила:

— Какой он был из себя, Марк Уайтинг? Ты видел его, Сет?

— Да никакой он был, Мав. Просто невзрачный парень. В толпе он был бы совсем незаметный. Но был в нем что-то такое... Не знаю, что именно, но ты бы видела, как вились вокруг него генералы. Что-то было в его глазах, что-то, что сразу же показалось мне дьявольски отважным... Он не спрашивал «что» или «сколько». Он только распоряжался: «сделайте то» и «сделайте это». И, ей-Богу, он добился своей цели... — Сет вздохнул. — Несправедливо, что он умер. Он стоил миллион таких, как я. Но я вот живу, а его уже нет...

Сет Джонсон не знал, что Сеты Джонсоны всегда выживают там, где Марки Уайтинги погибают. Но, с другой стороны, когда-нибудь потом именно Сеты Джонсоны устанавливают статуи в память о них...

Сет долго смотрел на радиоприемник. Потом перевел взгляд на жену. Жена беззвучно плакала.

Но, в своем роде, он тоже был способен на героический поступок. Он погладил жену по плечу.

— Ну-ну, Мав, хватит реветь...

А когда жена не успокоилась, Сет прибег к чрезвычайной мере.

— Мав, если ты немедленно прекратишь рыдать, я обещаю тебе, что больше до конца жизни не сделаю ни глотка яблочной водки...

The warning from the past, (Thrilling Wonder Stories, 1939 № 8)

THRILLING WONDER STORIES

15¢

JAN.

FEATURING

THE DAY OF THE CONQUERORS

A Complete Novel of
The Stone Age
By MANLY WADE
WELLMAN

A THRILLING
PUBLICATION

REVOLT AGAINST LIFE By FREDERIC ARNOLD KUMMER, JR.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

ОН ЖИЛ в мансарде на Гринвич-Виллидж, но, возможно, что меня бы не встретила большая простота и достоинство, даже если бы он жил во дворце. Думаю, он даже не осознавал нищету своей среды, не видел грязные съемные квартиры и узкие улочки. Глаза его обозревали невидимые высоты, а сам он выглядел поднимающимся к грядущей славе.

Мы поговорили об этом, поскольку являлись старыми друзьями, но я заметил признаки измождения у него на лице и пригласил пообедать со мной. Когда он принял мое предложение, я был рад... рад возможности накормить его до отвала, в чем он явно нуждался и чего получал не слишком-то часто, как и масса поэтов до него.

А Блейн Уэллмен был поэтом. Он должен был стать одним из великих поэтов Америки, однако, не стал. Каким-то образом, он никогда не мог собрать вместе слова, чтобы произвести на свет эпос, о каком мечтал.

Оглядываясь назад теперь, после страха и ужаса событий того вечера, когда я отправился обедать с Блейном Уэллменом, приятно было думать, что, даже если он больше никогда не станет портить пером бумагу, то все равно создаст величайшую эпопею в истории Америки.

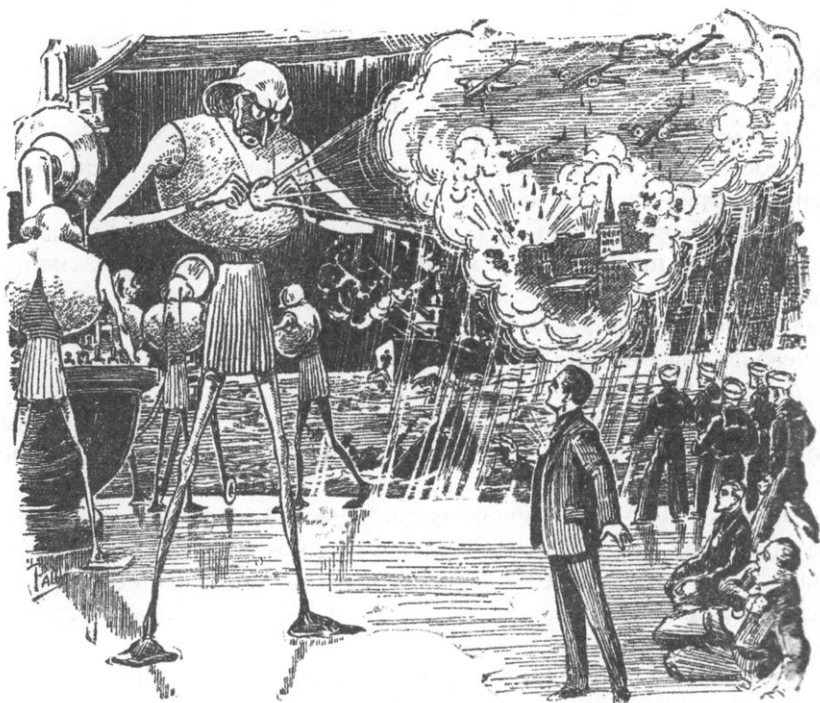
Ел он экономно, несмотря на все мои уговоры, и, когда обед подошел к концу, у меня мелькнула было мысль совершить поход по значным местечкам ночного города. Но такое мероприятие требовало денег и, хотя я мог легко оплатить все это, такая явная демонстрация моего процветания могла ранить Блейна. Без сомнения, пенсы казались ему такой же крупной суммой, как и доллары.

Я пошел с собой на компромисс и предложил прокатиться паромом до Статен-Айленда, где мы можем полюбоваться горизонтами Нью-Йорка, а поездка стоит лишь никель.

Турникет со щелчком заглотил мои пятицентовые монеты, и мы слились с толпой. Какой-то толстяк в синем костюме зарылся локтем мне под ребра, а его худосочная жена, тащившаяся позади, наступила мне на ногу. Симпатичная девушка с губами, щедро размазанными пунцовой помадой, черкнула краем своей шляпки мне по глазу, а с другой стороны на меня навалился здоровенный портовый грузчик в пропотевшей рубашке. Таща за собой Блейна, я пробился к перилам. Пристань вдруг дернулась, паром дважды хрипло взревел. Дизельные двигатели застучали и взбаламутили воду.

И мы поплыли... отправились в путешествие к Статен-Айленду, вдыхая свежий ветерок и обозревая линию горизонта.

The Pen Is Mightier Than the Sword—and the Dreams of a Poet May Be More Powerful Than the Guns of a Battleship!

Thoughts began to appear in my mind—strange, weird thoughts

THE ETERNAL LIGHT

By ROBERT MOORE WILLIAMS

Author of "The Man Who Looked Like Steinmetz," "The Warning from the Past," etc.

Прежде чем это путешествие завершилось, я забыл и про ветерок, и про горизонт, а поездка к Статен-Айленду превратилась в путешествие в другой мир.

Надвигалась ночь. Через гавань протянулись длинные тени. Позади нас в сгущавшихся сумерках тревожно столпились небоскребы Манхэттена. Справа, по берегу за Статуей Свободы, Нью-Джерси тускнел под наплывом катящихся волн тумана. Дальше по берегу качался на волнах эсминец, похожий на серый призрак. А

еще дальше по реке, как мне было известно, стоял на якоре тренировочный военно-морской корабль «Вайоминг».

Но он уже был вне моего обзора.

Вообще в гавани стояли крейсера и линкоры Атлантической эскадры в полной боевой готовности.

А где-то возле меня бубнил Блейн:

— Факелы смутно в ночи горят, что-то тревожное мне говорят...

Сначала я не понял, о чем он. Я обшарил глазами горизонт, там, где уже показались миллионы огней Большого Нью-Йорка, но не заметил ни единого факела. И никакого полумрака. Слава Богу, здесь не было перебоев с электричеством!

Затем я проследил за его указывающей на что-то рукой и понял, что он имел в виду. Он показывал на факел Статуи Свободы.

— А... Да... — пробормотал я.

Пока еще не здесь, но в другом месте, в ночи горели факелы. Именно поэтому Атлантическая эскадра стояла на защите гавани. В мире бушевала война. На океанских маршрутах бесчинствовали подводные лодки. Торпеды отправляли торговые суда в последнее плавание — вниз. В Европе бомбы падали на обессиленные города, по канавкам, называемым окопами и заполненными молодежью, стреляли машины. Фермы и заводы стояли пустыми.

ВОЙНА! Ею были заполнены все газеты, воздух сотрясаясь от бесчисленных экстренных сообщений. Ходили слухи о гигантских воздушных армадах, о бомбежках огромных равнин и о вторжениях с неба парашютистов. Ходили фотографии этих парашютистов, а также описания всевозможных воздушных аппаратов, замеченных над Парижем, Лондоном и Берлином. Война!

Но в Америке пока что не отключали электричество и не устраивали затемнений. Вся страна пылко молилась за то, чтобы этого и не случилось.

Никто не знал, что готовит нам будущее. Мощные потоки пропаганды ежечасно выливались на США, и слабое-слабое общественное мнение подхватывал и уносил с собой пропагандистский вихрь.

Блейн дрожал, на его лице стали глубже морщины.

— Ты знаешь, Джон... — начал было он и тут же умолк, поскольку глаза его невольно поднялись в небо.

Я машинально последовал за его взглядом и увидел высоко в небе один-единственный ровный огонек.

— Воздушный шар, — пожал я плечами. — Реклама или что-то подобное.

— Да-да, — пробормотал Блейн. — Это должен быть воздушный шар! — Затем он вдруг вскрикнул громким и ясным голосом: — Нет, это не воздушный шар. Смотри!

Я понял две вещи одновременно. Первое, что огонек наверху быстро растет. Второе — люди на пароме встревоженно заволновались и принялись глядеть вверх.

Затем я услышал звук. Он был не страшный на расстоянии, далекий и едва слышный. Но он все же дошел до моих ушей через стук двигателей парома и шум волн — звук, который могли бы издать миллионы взорвавшихся одновременно крошечных фейерверков.

Фейерверки в небе!

Меня внезапно пробрал нервный холод, и я понял, что смолкло бормотание голосов вокруг. Все замерли. Пассажиры, как один, уставились в эту штуку в небе.

— Что это? — прошептал я.

Блейн покачал головой.

— Не знаю.

Но голос его исчез в нарастающем шуме. Это миллионы микроскопических фейерверков приближались. Причем очень быстро. Этот шум исходил из растущей точки света.

Свет падал вниз. Вниз! Я смотрел, как он растет, как увеличивается сначала до размеров баскетбольного мяча, затем большого шара. И все продолжает расти!

ПАДАЕТ ВНИЗ, в ревящем потоке гула и грохота. Он направляется к нам, падает, словно гигантский метеор, посланец иных миров.

А мы находились прямо под ним. Сквозь рев фейерверков слышался резкий, пронзительный женский крик. Словно в ответ запульсировала сирена нашего парома. Паром сигналил хрипло, отчаянно. Двигатели взревели, когда обезумевший рулевой попытался изменить курс. Винты молотили воду, как охваченные яростью киты, пытающиеся выскочить из какой-то ловушки.

Пассажиры стали прыгать через перила, превращаясь в жалкие комочки, исчезающие в крутящейся черной бездне. Их охватила безумная паника, и они считали, что должны немедленно выйти, хотя никакого выхода не было и в помине. А эта штука — чем бы она ни была, — быстро падала, слишком быстро, чтобы кто-то успел уйти из-под нее.

Я видел, как пальцы Блейна стиснули поручни, и жилы на руках вздулись, как телефонные провода. Глаза его были прикованы к становящемуся все ярче свету.

Шар уже был большим, очень большим, грозящим закрыть все небо. Он все рос и рос, рев становился все громче, он несся прямо на нас. Рев рвал мои барабанные перепонки. Свет окончательно ослепил меня. Я зажмурился.

Это конец, подумал я. Это смерть. Оставались лишь секунды, доли секунд... Теперь я знал, что чувствует человек на электри-

ческом стуле, когда к нему по проводам мчатся искусственные молнии!

Потом небеса расколол удар грома, смолк, и я перестал дышать в ожидании конца. Затем понял, что рев прекратился. Я открыл глаза и увидел то, во что разум мой отказался верить.

Безумное падение остановилось. Эта штука все еще падала, но теперь очень медленно, буквально плыла по воздуху над паромом к свободной воде. Это был громадный, такой же высокий, как здание Вульворта, шар, закрывший все небо справа впереди.

Он осторожно коснулся воды, замер, и едва слышная пульсация совсем стихла.

Бывают моменты, когда разум не работает. И это был один из тех моментов. Мозг мой послушно регистрировал полученные от глаз сигналы, но разум вопил: «Лжец!»

Я смутно увидел, что шар был разделен на два уровня, и что с вершины до основания тянулся какой-то механизм. Я увидел, что материал, покрывавший оба уровня, оказался прозрачным. Я посмотрел сквозь прозрачную сферу и увидел, как внутри передвигаются какие-то создания.

Люди? Нет, это были не люди. Тела их по форме походили на человеческие, но их головы были непропорционально большие, и сами существа тоже были большие. Они были в два раза выше людей, а, может, даже в три раза.

Они с любопытством осматривали гавань.

Разум мой постепенно приходил в себя от шока. Этот шар явно был каким-то кораблем. Воздушным кораблем, и его создали разумные существа, которые и были сейчас внутри, существа, явно не являвшиеся людьми.

В голове медленно возникали воспоминания: дикие газетные истории о летающих аппаратах, замеченных над Берлином, Парижем и Лондоном – громадных воздушных кораблях. А может, был лишь один корабль, увиденный в разное время. Возможно, это и был наш шар.

Мозг скрутился узлом, пытаюсь понять значение того, что видели глаза. Корабль, какого не может существовать на Земле! Что это значило? Холодный паралич сковывал мои мысли, милосердный паралич, потому что не давал мне думать.

И такой же паралич сковал и окружавших меня людей. Никто не шевелился. Двигатели пара умолкли, он дрейфовал по волнам. Руки Блейна Уэллмена все еще стискивали поручни, но голова была чуть склонена на бок, и он смотрел с нетерпеливым, лишенным страха любопытством на этот громадный шар.

Могу поклясться, что на лице у него не было ни малейшего страха. Вместо этого была тонкая тень улыбки, пролегающая между щек и

чуть морщившая кончики губ. В тот момент, когда всех охватило безумие, Блейн Уэллмен улыбался.

Что он видел, этот поэт, чего не видел я?

– Посмотри, какие краски, – прошептал он. – Как красиво!..

Но у меня не было времени думать над этим вопросом. Резкий свист отвлек мое внимание от шара. Я бросил лишь мимолетный взгляд в сторону, и сердце мое подпрыгнуло.

ЭСМИНЕЦ, ПРИЗЫВЫ которого по радио остались без ответа, начал бой. На палубе загорелись лампы. Откуда-то снизу выскочили люди в синем обмундировании.

Как они действовали, эти моряки! С орудий мигом сдернули брезент, люди заняли свои места, в казенники загнали снаряды, жерла орудий устремились к небу. Орудийные башни развернулись, из них вырвались облака пара. Загремели якорные цепи.

БУМ! Сказало первое орудие. Это был предупредительный выстрел, пущенный поверх шара. Сигнал сдаваться.

Гиганты в шаре поглядели на эсминец. Затем подошли к тому борту шара, который был обращен к кораблю, и стали работать над чем-то, похожим на пушку. Из шара к эсминцу рванулся белый свет. Эсминец ответил!

БУМ! На сей раз выстрелили все орудия на корабле. Это был уже не предупредительный выстрел, а залп, предназначенный попасть и уничтожить.

Трудно было понять, что думал капитан эсминца. Несомненно, он уже много месяцев находился в боевой готовности и ждал начала военных действий. А теперь с неба спустился шар в то время, когда на Земле были лишь потенциальные враги. И капитан решил действовать.

Я затаил дыхание. По всему парому прошел гул вскриков, вырвавшихся из сотен глоток. Перед нами развертывалось сражение. Битва!

Из орудий выплеснулось оранжевое пламя, с воем полетели снаряды, оболочки которых должны были взорваться при ударе в цель. Снаряды ударили и взорвались. Но взорвались не резко, с громовым ударом и нестерпимым блеском разрывов, а тихо, очень медленно *сгорели*.

Разум мой был парализован. Это было ужасно, ошеломляюще. То, что я видел, было попросту невозможно. Шар, сделанный, по всей видимости, из стекла, принял на себя удар снарядов эсминца и не был поврежден!

Нет, это было невозможно. От взрыва снарядов стекло должно было разлететься на миллионы осколков.

Затем я осознал, что произошло.

Снаряды ударили не в шар. Они ударили во что-то, что экранировало шар, в какую-то почти неосязаемую туманную дымку, окружавшую его, такую тонкую, что она была почти что невидима. Она не позволила снарядам взорваться, и те тихонько сгорели, падая белыми капельками в воду, где шипели и превращались в пар.

От внезапного страха в животе у меня стало пусто. Что же это за штука, которая приняла на себя залп эсминца и осталась цела? Что же это за существа, создавшие ее?

Сквозь стеклянную оболочку я видел, как они передвигались, видел, что они посмотрели на эсми́нец и начали действовать.

А потом они ударили из своего оружия! Часть этого залпа обрушилась на эсми́нец, а часть — на нас. Я даже предположить не могу, как действовало это оружие, но я видел результаты его действия.

Невыносимые лучи света, такие яркие, словно они вырвались из центра Солнца, озарили темное небо невероятным блеском. Они коснулись мчавшегося на всех парах эсминца, и мне показалось, что он внезапно остановился. Но я не был в этом уверен, так как лучи ослепили меня.

Но я мельком увидел что-то, что ударило мне в сердце, словно могучий кулак...

МОЩНЫЙ ЛУЧ света, вырвавшийся из второго уровня шара, ударил не по эсминцу и не по нам, а по Статуе Свободы. Он обвил ее, словно гигантское щупальце, затем оторвал статую от ее основания и понес по воздуху. Бережно, словно ребенок любимую игрушку, он перенес гигантскую статую, неисчислимые тонны меди, во второй уровень шара.

— Боже! — прошептал Блейн. — Зачем они сделали это? Почему из всего, что тут есть, они захватили именно статую?

— А ты не хочешь спросить, *как* они сделали это? — закричал я в ответ. — Как они подняли тонны мертвого груза? Что это за существа? Откуда они взялись? С Марса? С Венеры? Или с какой-то планеты из-за пределов Солнечной системы? Чего они хотят?

И тут меня оглушил рев голосов. Визжали женщины, хрипло вопили мужчины.

— Капитан! Запускай свои проклятые двигатели!

— Пожалуйста, спасите нас!

— Заберите меня отсюда!

— Отпустите меня!

Из шара снова выпрыгнули лучи света и на этот раз устремились к нам. Свет окружил меня, ослепил, оглушил невероятным ревом, его щупальце, обвившее мое тело, оказалось невероятно холодным! Ноги мои оторвались от палубы. Я был в воздухе. Я поднимался!

Сквозь сверкающий туман я увидел другие лучи, снимающие пассажиров с парома и несущие их, с дергающимися руками и но-

гами, к шару. Неясно я видел рядом с собой Блейна, вокруг которого плотно обвилось щупальце света. Он не боролся и не отбивался.

Когда меня вносило в шар, возникло такое ощущение, словно окружающий его барьер на миг расступился. И тут же я почувствовал под ногами что-то твердое. Я был в шаре.

А сверху вниз на нас смотрели гиганты.

Хватило лишь беглого взгляда на их лица, и мои ноги подогнулись подо мной, как резиновые. Я скользнул на пол, теряя сознание.

Должно быть, я отсутствовал довольно долго. Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу на спине, а Блейн склонился надо мной, стоя на коленях. Рядом раздавался невнятный женский голос:

– У них нет права творить такое.

– На их стороне сила – только это имеет значение, – ответил мужской голос.

Я посмотрел в сторону говоривших. Это был толстяк, совавший локоть мне по ребра, пока мы стояли на пароме, и его худосочная жена.

– Ну и что они хотят сделать с нами? – вопила она.

– А что бы сделала ты, если бы у тебя было оружие?

Пассажиры с парома теснились неподалеку плотной группой. Я увидел симпатичную девушку, слишком накрашенную, на мой взгляд. Рот ее был чуть приоткрыт.

Тут же были моряки с эсминца.

Их также захватили и перенесли сюда.

– Ты в порядке? – спросил Блейн.

– Наверное. Но...

Он встал. Глаза его быстро заматались по сторонам, и то, что сказал он чуть погодя, показалось мне странным.

– Посмотри-ка, как сбалансирована конструкция этого корабля. И обрати внимание на краски, которыми раскрашены металлические детали. А эти существа... взгляни только на их лица!

Блейн не позерствовал. Он был поэтом, и первое, на что он обратил внимание, это красота и гармония. Даже здесь и сейчас! А шар действительно был красив, но когда я увидел, что происходит, то все мысли о красоте вылетели у меня из головы.

Существа опрашивали группу людей, захваченных с эсминца. Среди них был офицер, похоже, капитан.

– Не говорите им ничего, – командовал он. – Идет война, и ни при каких обстоятельствах вы не должны давать врагу информацию.

Было что-то храброе в его словах и одновременно совершенно беспомощное. Храброе, потому что в данных отчаянных обстоятельствах он не прекратил бороться, бесполезное, так как разве он мог надеяться скрыть от этих существ то, что они хотели знать? Но я почувствовал гордость за этого капитана.

Один из моряков повернул голову, чтобы бросить быстрый взгляд вверх по реке. Капитан зарычал на него, приказывая стоять смирно.

Существа повернулись к нам. Они были вдвое выше обычных людей и возвышались над нами, точно гиганты. Одеты они были в отливающую металлом одежду странного покроя, красиво переливающуюся всеми цветами при малейшем движении.

В каком же мире, подумал я, появилась такая раса? Уж явно не на Земле. Это было ясно с первого взгляда. Но тогда, что они делают тут, на Земле? Это захватчики, напавшие из космоса? Они начали с нами войну? Могла ли соединенная мощь наших флотилий противостоять им?

Лица их обратились ко мне. Спокойные, безразличные, как-то неопределенно любопытные, и одновременно озадаченные. Было что-то божественное в их движениях, но и нечто холодное, отстраненное.

Они пристально смотрели и на Блейна. Он же усталился на них, словно загипнотизированный.

Потом около десятка их подошли поближе. На шеях у них на цепочках висели плоские металлические коробочки с блестящими, словно зеркальные, передними стенками. Они протянули нам такие же коробочки, жестами показывая, чтобы мы взяли их.

Мы попятились к сбившейся, точно кролики, кучке людей.

— Мне кажется, — сказал Блейн, — они просто хотят поговорить с нами.

Он шагнул вперед и принял одну из коробочек у торжественного гиганта.

Большинство из наших тоже взяли коробочки. Симпатичная девушка, побледнев еще сильнее, попятилась. Грузчик выронил коробочку из своих неуклюжих пальцев. Она ударилась о пол и разлетелась на куски. Грузчик затрясся, как в лихорадке, по лбу у него покатился пот. Толстяк и его жена взяли коробочки. Гиганты, казалось, не пытались заставить взять коробочки никого, кто сам не захотел.

Я повесил цепочку на шею и взглянул вниз, на зеркальную поверхность, не зная, что там увижу. Не увидел я ничего, кроме хаотических переливов цветных лучей, они скручивались, вращались, то соединялись, то вновь разъединялись.

Рука одного из гигантов опустилась и осторожно подняла мой подбородок, направив глаза к зеркалу на его груди. Я тут же понял. Он хотел, что бы я смотрел в его зеркало, в то время как он станет смотреть в мое.

Наверное, этот обмен мыслями имел какое-то отношение к гипнозу, по крайней мере, сейчас я думаю так. Как только я взглянул в зеркало, его поверхность стала изменяться. Точки света и лучи начали колебаться в такт.

Потом в моей голове появились мысли, странные, странные мысли, и я тут же потрясенно понял, что это мысли гиганта, стоящего передо мной.

И что это были за мысли! Широкий поток мыслей, точно полноводная река, пульсирующих странной силой, наполнил мою голову. Я забыл обо всем. Кто я, где я и кто такой вообще... Я заблудился в лабиринте мистического потока этих мыслей.

Мне показалось, что мне начали задавать вопросы, и, кажется, я отвечал на них, а поскольку отвечал сам, то попытался задать свои собственные вопросы. Сначала робко, неуклюже, потом все увереннее...

— Кто вы? — спрашивал я. — Кто вы?

Ритмический такт мерцающих световых сигналов замедлился. Но не было никакого ответа. Никакого ответа на мои вопросы. Я ответил на его вопросы, вроде бы, у меня даже не было выбора. Но он не отвечал на мои.

Я уловил совет сбалансировать потоки мыслей. Гигант решал, отвечать ли мне. А когда он решил, световые потоки в зеркале закрутились водоворотами.

Он принял решение. Я почувствовал момент, когда это произошло. Я втянул в себя побольше воздуха, и тут застыл. Меня захватила громадная сила.

Я был в его власти. Мы все были в его власти. Он мог сделать с нами все, что угодно. Он мог бы...

И ТУТ ПРОЗВЕНЕЛ чей-то крик. Моментально мысленная хватка разжалась.

Я повернулся и увидел — моряки глядели куда-то вверх по реке.

Он мчался вниз по Гудзону и был уже близко, старый «Вайоминг». С бурунами воды, разлетающимися от носа, с округлыми башнями, он мчался к нам.

Так вот почему капитан эсминца приказал своим людям молчать. Чтобы они не могли выдать, что линкор уже рядом. Вот почему он нахмурился на моряка, нечаянный взгляд которого через плечо мог выдать приближение корабля.

И вот он приближался! Это вам не какой-нибудь там эсминец. Это «Вайоминг», линкор, могучий боевой корабль с мощными пушками и обшивкой из пятидюймовой листовой стали.

Вот теперь за все заплатят эти высокомерные гиганты, спустившиеся с небес и напугавшие мирный город. Настал час расплаты!

Все вокруг меня закричали, приветствуя линкор. Его громадные орудия шевельнулись, целясь в нас. **БУМ!**

И я увидел снаряды, остановившиеся и белым дождевым потоком стекавшие в море. Мне стало слишком плохо, даже чтобы застонать.

Снаряды из огромных орудий «Вайоминга» даже не коснулись шара. Они растеклись жидким металлом на невидимом защитном барьере! Все орудия линкора оказались не эффективнее пушек эсминца.

Со второго уровня шара вылетели белые световые лучи. Коснулись носа корабля. И белые щупальца побежали по линкору.

Я ошеломленно глядел, что происходит. Корабль не стали поднимать в воздух. Вместо этого лучи намертво остановили его. Затем они протаскивали его по воде вокруг шара и выбросили на берег, в топкие низины Нью-Джерси.

Гиганты одолели линкор.

Но одно они не учли – боевой дух капитана эсминца. Он был внутри шара, он и его люди, и, пока гиганты смотрели, как линкор тащат на берег, начал бой.

– Захватить их оружие, – приказал он. – Обратить его против гигантов.

Люди в синей форме бросились вперед, повинаясь приказу. Управление, при помощи которого гиганты орудовали световыми лучами, находилось на этой палубе.

Капитан и его люди захватили ближайшее. Он был храбр, этот капитан, а его подчиненные следовали за ним. Я бросился было помочь им, но Блейн схватил меня за руку.

Орудие шевельнулось, капитан отчаянно нажимал на все кнопки. В любой момент он мог найти ту, которая выпускает лучи. Но один из гигантов, повернувшись, увидел происходящее. Его руки метнулись к плоской коробочке, висевшей на шее. Он схватил, уставился на нее, и зеркальная поверхность потемнела.

Словно повинаясь жестам дирижера, переводящим оркестр в медленный ритм, движения моряков у оружия стали замедляться. Уже через пару секунд они застыли, не в силах и пальцем шевельнуть, скованные могучей волей.

Затем, вроде бы совершенно спокойно, они пошли от оружия.

Теперь уже повернулись все гиганты. Тот, что первым обнаружил моряков, очевидно, стал объяснять им, в чем дело.

– Вот теперь мы пропали, – услышал я чей-то хриплый голос. – Может, они отпустили бы нас, если бы эти дураки не попытались напасть на них.

Из толпы выскочил человек, толстяк в синем костюме, упал перед гигантами на колени и принялся скулить:

– Я ничего вам не сделал. Это все они. Я ничего не делал. Я на вашей стороне. Просто скажите, что вам нужно, и увидите, что я готов вам помочь. Я ваш друг...

Гиганты поглядели на него и отвернулись.

Тогда сделал шаг вперед Блейн Уэллмен. И сделал нечто такое, после чего я стал любить и уважать его еще больше. Он пнул толстяка прямо в жирную задницу.

– Вставай, ты, крыса! – сказал он. – Мы должны умереть, как мужчины!

Гиганты устремили к нему взгляды. На лице Блейна по-прежнему не было ни малейшего страха.

– Если один представитель рода человеческого может принести извинения за действия другого... – Он безнадежным жестом развел руками.

И гиганты улыбнулись ему! Клянусь чем угодно, они улыбнулись! На их безразличных, неподвижных лицах внезапно появилось сочувствующее понимание. Что-то в поступке Блейна тронуло их, по крайней мере, мне так показалось. Затем они продолжили совещаться, забыв о Блейне.

Глядя на их зеркала, я сумел кое-что уловить из их разговора. Они говорили, что надежда умерла.

– Хорошая планета.

– Вполне подходит для нас.

– Лучшее из всего, что мы нашли.

– Но здесь обитают эти *сквиджи*, эти пигмеи...

– Мы можем устранить их. Просто выпустив в их атмосферу газ, а он уж сделает все остальное.

– Они бесполезны.

– Мы видели, как они сражаются друг с другом...

– Безумцы.

– Они не достойны того, чтобы думать о них. Давайте, уничтожим их прямо сейчас. Это очень просто. Начнем с этого города, затем освободим остальную часть континента... – принялся убеждать остальных какой-то юный гигант.

Я увидел лицо Блейна. Впервые там показался страх.

– Но, справедливости ради, нужно все рассмотреть, – серьезно возразил более старый.

– Да, – согласился еще один. – Мы должны быть уверены в том, что поступаем справедливо.

– Вот еще! – бросил младший. – Мы уже провели тщательное расследование. Если вам нужны еще доказательства, то их только что предоставил толстяк.

– Но тот, который вмешался... в нем не было страха. И в команде канонерки тоже. Эти двое...

– Двое из миллиардов!

– Могут найтись и другие.

– Сомневаюсь в этом. Но даже если и так, их все равно мало. Мы же вели расследование.

ТАК ОНИ БЕЗМОЛВНО совещались. Остались лишь немногие сомнения, и сомнения эти быстро исчезали. Блейн стоял молча, глядя поочередно на их зеркала. Они лишь немного были не увсерены, очень немного. Вес перышка мог бы склонить чашу весов в любую сторону.

А потом они приняли решение. Сердце мое замерло в груди. И как только они приняли решение, с верхнего уровня спустился еще один гигант. Они почтительно повернулись к нему.

— Мы закончили...

Но тот показал головой.

— Погодите. На втором уровне есть нечто, что тревожит нас. Мы не можем понять его назначение.

— Что это?

— Идемте. Вы должны увидеть это. И захватите с собой пленников.

Нечто на втором уровне. Что же у них там было?

Они отвели нас вверх, и я увидел, что там было.

Статуя.

Они притащили статую сюда, на верхний уровень, и пока внизу изучали нас, наверху изучали эту статую.

— Когда мы впервые увидели ее, то подумали, что это крепость. Вот почему мы ее захватили. Затем нам показалось, что это пигмей-переросток. И мы притащили ее в шар.

— Но что же это? — спросил кто-то из гигантов.

Они спросили об этом капитана эсминца, и тот вызывающе ответил:

— Статуя Свободы.

— А что это такое?

— То, за что я сражаюсь.

— Да... Да... Но...

Затем они задали тот же вопрос толстяку.

— Статуя, статуя, — затараторил тот в ответ. — Сделана из меди. Послушайте, господин, я не имею с ними ничего общего. Это все моряки...

Они перестали обращать на него внимания и стали задавать нам всем поочередно тот же вопрос. Их озадачивала эта статуя, сильно озадачивала. Они тщательно исследовали ее, говорили о ней, думали о ней. Они проанализировали ее состав до последней молекулы.

Что же в статуе так озадачило эту расу? Почему это казалось столь важным для них? Почему они так волновались о ней? Зачем задавали все эти вопросы? Почему?

И внезапно я понял. Сердце мое сильно стукнуло один только раз и перестало биться.

Они все еще пытались решить, что делать. Они все еще решали судьбу планеты и судьбу *сквиджей*, населявших ее.

И решение их зависело от этой статуи и от того, как мы отвечали на вопросы о ней. Это и было то перышко, которое могло нарушить равновесие.

Блейн смотрел на них и ничего не говорил. Но лицо его не было неподвижным, а в глазах горели нетерпеливые огоньки. Потом лицо внезапно изменилось. Оно вдруг словно вспыхнуло изнутри каким-то великолепным сиянием. Если бы «Мыслитель» Родена мог додумать до конца свои мысли, мог поднять взгляд вверх и увидеть звезды, лицо его стало бы точно таким же, каким было лицо Блейна Уэллмена в этот момент. От него исходило бы сияние. Сияние преображения.

Блейн шагнул вперед. Каблуки его простучали по полу шара резко и отчетливо. Решительно. Наступила секундная тишина.

— Это не статуя, — сказал он, — и совершенно неважно, что она сделала из меди.

Слова его были четкие, ясные, звенящие. В зеркале устройства на груди заплескали световые лучи.

— Это символ, — выдохнул он, — символ мечты рода человеческого. Это символ истинной свободы, истинного равенства, истинного братства — всего того, чего пытаемся обрести мы, пигмеи.

Голос его эхом отдавался в тишине. Гиганты улавливали его мысль, глядя друг на друга.

— Но мы все рассмотрели, — возразил один из них. — Ваши люди воюют на земле. По воде плывут военные корабли. Под водой крадутся субмарины. В воздухе... Чего вообще стоит ваш символ, когда происходят все эти вещи?

Лицо Блейна стало печальным, печально глядели глаза. Он откашлялся.

— Да, я знаю все это. Мечта о свободе и равенстве много раз превращалась в кошмар. Но всегда горел факел надежды, как горит и сейчас. Он никогда не гас и всегда после того, как затихало эхо топота сапог армии-победительницы, снова вспыхивал чистым пламенем, освещая души людей.

Мне вдруг стало страшно, как никогда прежде. В его словах бился ритм, словно удары человеческого сердца.

Они слушали, эти гиганты. Эсминец сражался с ними и проиграл. Линкор проиграл со своими орудиями. Этот шар мог победить любую армию мира.

Было ли что-то, что могло победить его. Его слова были поэтической перефразировкой величайшей мечты человечества. Неужели же они могли оказаться сильнее всех армий и всех флотилий на Земле? Могли ли слова эпической поэмы совершить то, чего не сумели боевые корабли?

Был ли Блейн Уэллмен в эту секунду глашатаем истины?

Он снова заговорил.

— Мы не достигли цели, но еще не утратили мечту и теперь собираем силы, чтобы когда-нибудь, хотя перед самым концом человечества, по нашему закону и по вашей справедливости добиться того, что теперь ищем. — Эти слова прозвучали криком в неподвижном воздухе, криком святого пророка, вскружившего головы всем, кто услышал его.

В гавань входила Атлантическая Флотилия в полном боевом построении, чтобы встретить захватчика и, если потребуется, погибнуть.

— Ну, и чего стоят теперь ваша свобода, ваше равенство и ваше истинное братство, пигмей? — спросил молодой гигант. — Вон они идут сюда, чтобы уничтожить нас, хотя мы еще не причинили никакого вреда.

Это был самый ужасный вопрос, на который должен был ответить человек.

И Блейн Уэллмен ответил на него, буквально прорыдал слова:

— Они просто ничего не знают. Не знают. Они думают, что вы хотите уничтожить их свободу, и плывут сюда, чтобы защитить ее. Слушайте! Слушайте! — Отчаянно закричал он. — Не один, не два человека, но миллионы отдали свои жизни за то, чтобы другие обрели свободу...

Слова его превратились в затихающий стон. Лица гигантов были бесстрастны, по ним ничего нельзя было прочесть. Затем раздался голос кого-то из них.

— Миллионы смертей пигмеев ради их мечты. Смертей...

Думаю, в этот момент они и приняли решение. Но тогда я не знал, в чем заключалось это решение. Они повели нас на нижний уровень шара. Затем бросились к инструментам управления их лучами.

Флотилия уже подходила к гавани. Мы сбились в кучу. Гиганты включили свое оружие.

Вспыхнули лучи, но гиганты направили их внутрь шара, на нас! Нас ослепили яркие пучки света. Я закричал и потерял сознание.

Дальше все спуталось у меня в голове. Я так и не смог точно вспомнить, что произошло.

Помню, как пришел в себя в Бэттери-Парке, куда принесли нас лучи, и помню, как шар поднимался в воздух. В груди была лишь ледяная пустота. Шар поднимался все выше. Он улетал. Мы были спасены. Спасены!

Я ПОМНЮ, как кричал Блейну, что он спас нас всех, и как Блейн кричал мне в ответ, что он не знал заранее, что получится.

— Почему я вообще надеялся на них? Они никому не навредили. Они не уничтожили эсминец. Они не разнесли на куски линкор «Вайоминг», а всего лишь выбросили его на берег. Они не убили

пассажиров парома. Они всегда были очень осторожны. Поэтому я понял, что они миролюбивы. А их шар... Гармония в конструкции, гармония цветовой гаммы. Как это было красиво! Красота – вот мера истинного разума, а истинный разум всегда мирный. О, да, они были опасны, бесконечно опасны, и если бы не сочли, что мы достойны жить на Земле, то их решение было бы весьма радикальным. Но они были справедливы, и мы могли воззвать к их справедливости...

Позже, публикуя статьи об этом событии, газеты утверждали, что странный космический корабль испугался подхода военной флотилии. «Поняв, что вооружение у нас лучше, они решили бежать», – писали репортеры.

Возможно, газеты были правы, предположив, что линейная флотилия спугнула захватчиков. Но мне интересно, напугали ли их линкоры. Или слова поэта, который озвучил самую великую мечту человечества, и вид пигмеев, готовых умереть за эту мечту, а может, призыв к их чувству справедливости?

Наверное, мы никогда не узнаем об этом. Вероятно, мы даже не узнаем, откуда они прилетели. Возможно, однажды, когда мы сможем совершать космические полеты, мы встретимся с ними снова на какой-нибудь далекой планете, вероятно, в иной звездной системе. А до тех пор следует помнить, что где-то в глубинах космоса существует такая раса.

А мне нравится вспоминать заключительную сцену.

Флотилия уже приближалась, а шар поднимался ввысь, словно стремясь поскорей убежать. Но на высоте нескольких сотен футов он остановился и неподвижно повис в воздухе. Из его центра вырвался толстый луч, луч, несущий что-то массивное.

Мне нравится вспоминать, как осторожно поставил он на прежний постамент статую, которая до сих пор стоит в гавани и освещает своим факелом весь мир!

The eternal light, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 1)

THRILLING

APRIL

WONDER

STORIES

15¢

CONQUEST

BY FIRE

By **WARD
HAWKINS**

FEATURING

**ROAR
OF THE
ROCKET**

A Complete Novel of
The Spaceways
By **OSCAR
J. FRIEND**

**A THRILLING
PUBLICATION**

ПОТОКИ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА I. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НА ПЛУТОНЕ

ДЖИМ ДОРН глубоко вздохнул и медленно двинулся по громадному Залу, не отрывая взгляда от металлической двери в конце. Он пытался вести себя так, словно целых двадцать семь лет его жизни не были посвящены подготовке к тому, что сейчас произойдет за этой дверью. Он пытался успокоиться, но знал, что сердце колотится, словно пульсация двигателей межпланетного лайнера. Лоб был весь в поту. Джим вытер его, затем пришлось обтереть ставшую липкой ладонь о штаны.

Он был ошеломлен. В голове мелькали обрывки бесконечных занятий. Джим мрачно пытался избавиться от них. Обучение, письменное и устное, закончилось. Осталось лишь услышать из уст самого Джозефа Брента, какое он потерпел фиаско.

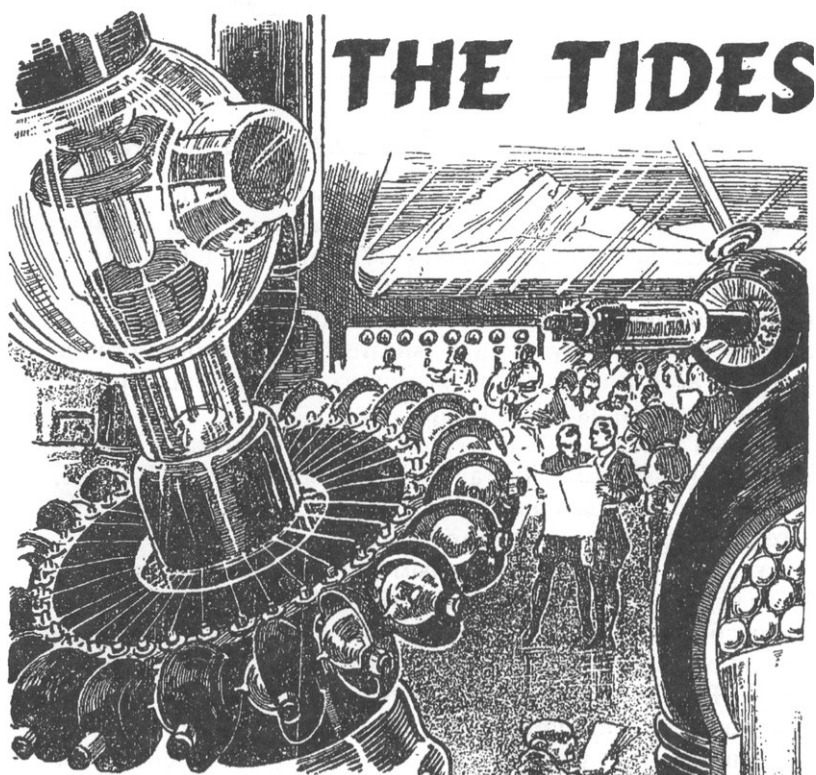
Назад, на Землю, к остальным отсеянным, подумал Джим. Из тысяч кандидатов были выбраны только семь. Но если на Земле экзамены были трудными, то здесь они стали вообще невыносимыми. И конкуренция оказалась ничем иным, как избиением своих оппонентов. В экзаменах принимали участие одиннадцать коричневых карликов с Марса. Математика, казалось, была у них в крови. Может, они немного уступали в психологии трем зелененьким с Венеры. Но Джим не слишком волновался по поводу того, что его победят зелененькие. Они, в общем-то, были весьма хороши, но здесь недостаточно быть просто хорошим. Здесь нужно быть лучшим, почти что полным совершенством!

Наконец, Джим уткнулся в дверь в конце Зала.

Он нажал кнопку в стене. Пока скрытые камеры сканировали его, Джим повернулся и поглядел сквозь толстое стекло круглого окна.

Он был на этой планете уже несколько месяцев. Теоретически, он видел то, что было снаружи, достаточно часто, чтобы успеть привыкнуть. Но всякий раз, глядя в окно, он все больше ненавидел эту планету. Плутон был холодный... такой же холодный, как и бесплодный, совершенно лишенный жизни. Простой взгляд в окно заставлял горячую кровь превращаться в лед, несмотря на то, что Джим был защищен массивными стенами огромной лаборатории, которой на деле и являлась База Плутона.

Джим содрогнулся. На мгновение он забыл, зачем находится здесь. Забыл даже сами экзамены. Забыл обо всем, кроме внешней среды, такой же холодной, как космическое пространство, мрачной и угрожающей.

THE TIDES

Future Man Ruled the
Solar System—But the
Laws of the Universe
Were Outside His Realm!

•

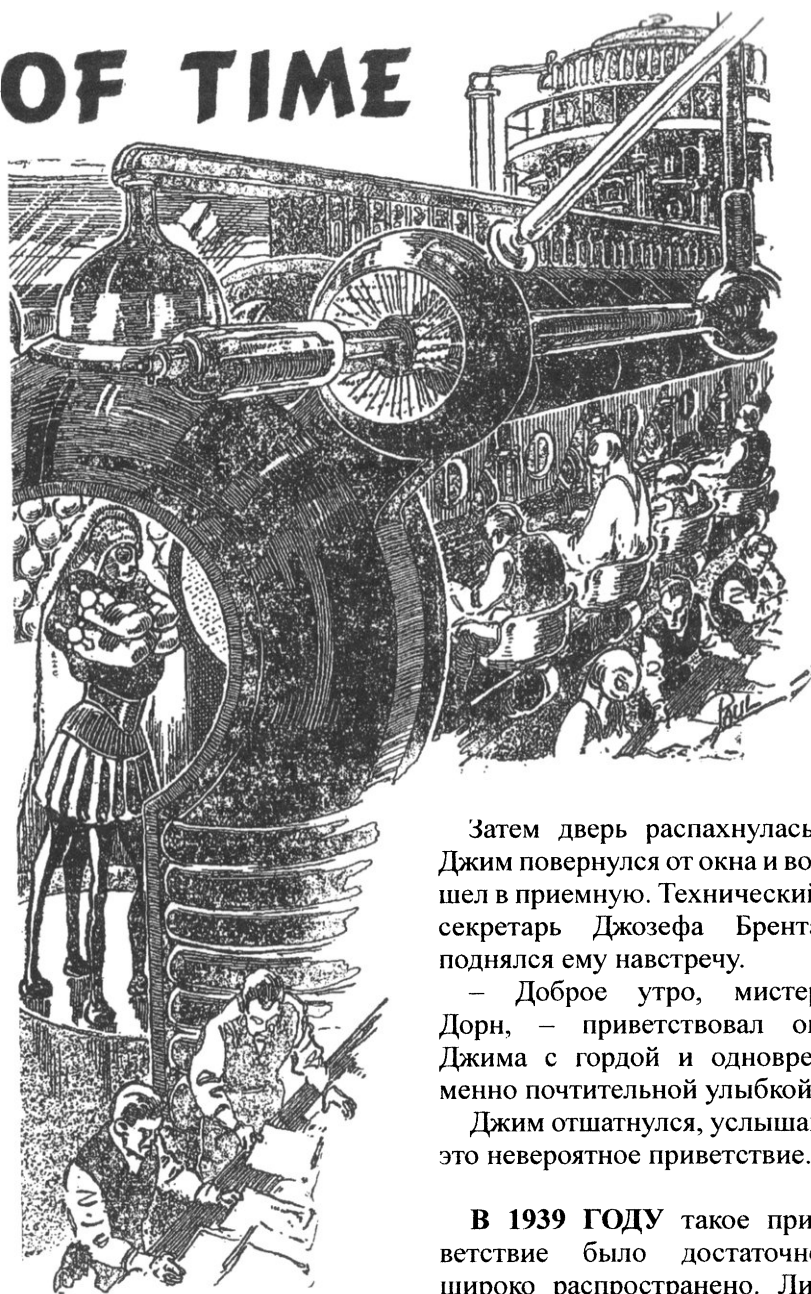
A Complete Novelet
By
**ROBERT MOORE
WILLIAMS**

Author of "The Eternal Light," "The Bridge
to Earth," etc.

Thoughts poured from the Halene's

OF TIME

aimet, adding to the System's knowledge

Затем дверь распахнулась. Джим повернулся от окна и вошел в приемную. Технический секретарь Джозефа Брента поднялся ему навстречу.

— Доброе утро, мистер Дорн, — приветствовал он Джима с гордой и одновременно почтительной улыбкой.

Джим отшатнулся, услышав это невероятное приветствие.

В 1939 ГОДУ такое приветствие было достаточно широко распространено. Лифтеры, бухгалтеры и прочие служащие успешно исполь-

зовали его, когда входил босс. В году 8039 такое приветствие по-прежнему использовалось по всей Солнечной системе. Везде, кроме Базы Плутона. Собравшиеся здесь ученые и технический персонал обращались друг к другу просто Смит, просто Якоцкий и просто Джонс. Об этом не было написано никаких законов и никаких правил. Это была традиция, относившаяся к самым первым годам существования Базы.

Но было здесь пять человек, к которым неизменно обращались «мистер». Это были главные специалисты, координаторы здешнего огромного хранилища информации. И, через него, они были хозяевами всего мира. Именно к подготовке *на должность* координатора Джим и потратил целых двадцать семь лет своей жизни.

Ради этого он прошел все экзамены на Земле и прибыл сюда для завершающих испытаний.

И вот теперь секретарь Джозефа Брента – мистера Брента! – кланяется ему очень почтительно и называет мистер Дорн!

Желудок Джима скрутился твердым узлом. Ему стало холодно, но тут же очень жарко. Пот непрерывно тек по всему телу. Он откашлялся. Затем попытался взять себя в руки и заставить развязаться узел в животе. Немного ему удалось успокоиться, и Джим уставился на секретаря.

– Вы сказали, *мистер* Дорн? – рявкнул он.

Он решил, что секретарь допустил ошибку. Или, что еще хуже, решил поиздеваться над ним, хотя это вряд ли. Скорее всего, была допущена именно ошибка.

– Да, мистер Дорн, – еще раз поклонился секретарь. – Тесты за прошедший месяц окончательно показали, что вы именно тот, кто лучше всего подходит на должность координатора. – Он вышел из-за стола. – Разрешите поздравить вас!

Значит, это правда! Несмотря на все, его посчитали лучше пригодным, чем коричневые марсиане или зелененькие венериане, или семь остальных парней с Земли. Он победил!

Вне себя от изумления, Джим потряс протянутую секретарем руку и пробормотал слова благодарности.

– Мистер Брент хочет немедленно увидеться с вами, – сказал затем секретарь.

Он проводил Джима через приемную и открыл перед ним внутреннюю дверь. Джим не услышал щелчок закрывшейся за ним двери. Он во все глаза смотрел на человека, сидящего в удобном низком кресле.

Джозеф Брент был занят. На подлокотниках кресла под его руками были две черные клавиатуры, усеянные маленькими кнопками, и каждая кнопка была снабжена цветным индикатором. Два индикатора светились. Пальцы Брента сами собой нажали нужные

кнопки. При этом он глядел на видеоэкран, висящий над находящейся перед креслом сложной аппаратурой.

Экран светился мягким молочным светом. На нем было лицо какого-то человека.

Потом, справа от человека, экран мельком показал платформу мощного телескопа. Джим заметил позади телескопа прочее оборудование обсерватории.

Брент не замечал Джима. Глаза его не отрывались от экрана. На лице то и дело проскальзывало волнение, пока он слушал слова, шепчущие из динамиков.

Джим стоял на месте, смотрел и слушал.

— Мы наблюдаем это уже второй раз, — поспешно бормотал астроном. — О первом, два месяца назад, сообщила обсерватория на Марсе. Они описали это, как тонкую полосу света, летящую по небу. Судя по ее относительной скорости, это явление должно было быть где-то рядом. Но тщательная проверка показала, что никаких полос света в пространстве нет. Однако, что бы их ни вызвало, оно находилось возле самой Солнечной системы. *И перемещалось на скорости, гораздо большей скорости света.*

У ДЖИМА ПЕРЕХВАТИЛО дыхание. Объект, летящий быстрее света! Это же невозможно. Все совместные усилия ученых Земли, Марса и Венеры не смогли до сих пор добиться этого. Они создали двигатель, деформирующий пространство, который заменил в межпланетных лайнерах обычные реактивные двигатели. Но, насколько знал Джим, никто еще не сумел добиться скорости больше световой. Да в этом и не было никакой потребности, по крайней мере, для полетов в Солнечной системе. Но без него было бы никак не обойтись для межзвездных перелетов. Однако, соляриане еще не были готовы лететь к иным звездам.

Джим решил, что он что-то не так понял. Но он ничего не сказал. Конечно, он готовился стать будущим координатором. Но пока что он был всего лишь молодым человеком, который успешно прошел некоторые весьма жесткие экзамены. А кроме того, сам Брент слушал увлеченно, стараясь ничего не упустить.

Лицо астронома на экране казалось удивленным.

— О первом явлении, естественно, не стали вам сообщать, — продолжал он. — Обсерватория на Марсе посчитала, что их приборы ошиблись. Полосы света были видны всего несколько часов. Затем они внезапно исчезли. Наверное, это дело было бы постепенно забыто. Но вчера вечером я собственными глазами, через собственный телескоп видел и снимал собственной камерой то же самое явление...

Джим слышал хрипкое дыхание Брента. Глаза координатора не отрывались от экрана.

— На сей раз полосы света были гораздо ближе к Солнечной системе, — поспешно продолжал астроном. — Они перемещались на громадной скорости тем же курсом, что и в первый раз. Мне удалось визуально поймать их. И пока я наблюдал, они начали замедляться. Мистер Brent, я не могу утверждать относительно точно характера того, что я увидел. Фотопластины, которые я немедленно проявил, не показывают объекты достаточно ясно. Но из того, что я увидел и расшифровал на этих пластинах, можно понять, что эти объекты являются невероятно громадными космическими кораблями. Хотя я не могу утверждать это наверняка. Мы считаем межзвездную навигацию делом далекого будущего. Но это не обязательно так во всей Вселенной. Возможно, другие расы решили эту проблему. Они могут пересекать громадные пустые космические пространства. Какая же у них может быть цель...

— Куда они летят? — прервал его Brent. — Расскажите мне об этом.

— Это всего лишь догадки, — прошептал с экрана астроном. — Но мне кажется, они направлялись мимо Солнечной системы, словно не испытывают к ней интереса. Может, они вообще не знали о планетах, кружащих вокруг Солнца. И, казалось, внезапно увидели нас. Они начали тормозить и менять курс. Когда они снизили скорость меньше световой, полосы света исчезли. А без них корабли оказались невидимыми. Мы не знаем, летят они сейчас к нам или нет. Мы ведем постоянное наблюдение, но ничего не видим. С вашего разрешения, сэр, я хочу предложить, чтобы эти данные были объединены и записаны у вас. Я думаю, это очень важно. Хотя я сомневаюсь, смогут ли эти знания, сохраненные навечно, дать нам когда-либо ключ к разгадке. Но, конечно, вам лучше знать.

— Информация, которую вы предоставили, разумеется, будет зарегистрирована для записи, — быстро ответил Brent. — Я рекомендую вам держать меня в курсе дел. Между тем, в качестве главного астронома Системы, вы должны заставить все обсерватории прекратить другие исследования. Все должны сосредоточиться на том, чтобы обнаружить эти корабли.

— Да, мистер Brent, — последовал ответ.

Длинные, ловкие пальцы Brentа забегали по кнопкам. Экран на мгновение опустел и погас, но тут же вновь засветился. На нем появилось лицо молодого человека.

— Примите информацию для регистрации от руководителя нашей обсерватории, — распорядился Brent. — Проверьте, регистрировалась ли раньше подобная информация. Определите, как эти факты можно вписать в сумму наших знаний — если они вообще куда-либо вписываются.

Джим стоял неподвижно и молчал, пока Brent раздавал распоряжения десяткам специалистов. Он все еще был поражен. Он еще не отошел от нервного напряжения после экзаменов и мыслей о том,

выдержал ли их. Его только что шокировал секретарь, сообщив, что его фактически выбрали будущим координатором. И прежде чем у него была возможность опомниться, он получил еще один шок, оказавшись перед самим Джозефом Брентом и услышав беседу, смысл которой не сразу дошел до него.

Полет быстрее скорости света... Флотилия кораблей, подлетающая к Солнечной системы... Флотилия, прилетевшая откуда-то из дальнего космоса. Что же все это значит?

ГЛАВА II. ГОТОВНОСТЬ К ОБОРОНЕ

БРЕНТ ВСТАЛ с кресла, повернулся и оказался высоким, худощавым человеком с обеспокоенным лицом и глазами, которым было хорошо известно, что такое боль. Джим пожал его протянутую руку.

— Мистер Дорн, простите, что заставил вас ждать, но дело требовало моего неотлагательного внимания. Теперь я свободен в течение нескольких минут. Хочу поздравить с назначением. Полагаю, мой секретарь уже сообщил вам это радостное известие.

Его пожатие было твердым. Джим попытался выразить свою благодарность, но не смог произнести ни слова. Брент улыбнулся.

— Я понимаю, насколько все это поразило вас, мистер Дорн. Я помню, что происходило у меня в душе, когда я узнал, что принят. Я был тогда моложе, гораздо моложе. Все во мне буквально трепетало от открывшихся передо мною возможностей, от шансов оказаться полезным Системе... — Он вздохнул. — Ну, это было много лет назад. Теперь я рад переложить часть своих задач на плечи более молодым. Надеюсь, я хорошо выполнял свою работу. Но хорошо или плохо, первая часть ее завершена. Скоро я примусь за исследование самой большой тайны, которую когда-либо мы пытались здесь раскрыть.

Джим уловил намек на значение подтекста его слов. Внезапно он осознал, что в огромной комнате, где он стоял наедине с Джозефом Брентом, было абсолютно тихо. И когда он обратился к своему собеседнику, голос его прозвучал испуганным шепотом:

— Вы хотите сказать, что вы... что я...

Брент кивнул.

— Да, я имею в виду, что вы немедленно займете мое место. Вы станете одним из пяти верховных координаторов объединенной науки в Системе. А сейчас я приму у вас присягу и сообщу о том, что вас выбрали, четырем остальным координаторам.

Джим не осмеливался не только дышать, но даже думать. Весь последний час все его мысли крутились вокруг того, победит он или нет. Теперь он понял, что победа одержана. Но одновременно

он понял, что на него внезапно и сразу возложат такую ответственность, какую только возможно возложить на отдельного человека.

— Но, сэр... — начал было Джим, но Брент взмахом руки отбросил его невысказанное возражение.

— Я не сомневаюсь в вашей возможности нести эту ношу. Вы прошли практически бесчеловечные экзамены. Неудобные были безжалостно отсеяны. Вся ваша жизнь, с рождения до настоящего момента, была проверена и перепроверена. Не были упущены никакие, даже мельчайшие детали. Не может быть никаких сомнений, мистер Дорн. Передавая вам свои незавершенные дела, я передаю их человеку, который, как и четверо других координаторов, наилучшим образом подготовлен справиться с ними!

Секунду стояла тишина. Затем Джим заговорил.

— Я, собственно, хотел спросить кое-что еще, сэр. У меня есть, естественно, теоретические знания о работе, которую я буду выполнять. Однако, у меня нет практического опыта. Неужели меня надо так сразу ставить на должность? Не лучше ли было бы, если бы мне дали неделю — а если возможно, и месяц, — чтобы получить эти практические навыки?

Брент улыбнулся медленной, печальной улыбкой.

— Если бы было нужно убеждать меня в вашей физической готовности браться за эту работу, то я бы сделал так, как вы сейчас сказали. Ваше требование справедливо. Разумеется, вы не понимаете, почему вас так сразу толкают в полымя. Несколько человек в курсе происходящего, но вряд ли вы услышите от них, по какой причине это происходит. Причина же очень проста, мистер Дорн. У меня неизлечимая болезнь сердца. В любой момент я могу умереть. Лучшие медики Системы признали, что ничего нельзя сделать для меня. А когда я умру, кто-то должен быть под рукой. Кто-то должен быть готов в любой момент принять мои незавершенные дела.

Он сказал все это спокойно и тихо, улыбка ни на миг не покинула его губ. И теперь Джим не мог не увидеть боль, скрываемую этой улыбкой, мучение, скрывающееся в глубине его глаз.

— Мне очень жаль, сэр, — запинаясь, сказал Джим.

Он не знал, что еще тут можно сказать.

— Не нужно никаких сожалений, — покачал головой Брент. — Смерть — это еще одна тайна. Сидя здесь и глядя из этих окон-экранов в черноту космоса, любой может привыкнуть к тайнам. И я не боюсь отправиться исследовать самую последнюю из них.

ДЖИМ ТАК НИКОГДА и не вспомнил, что было затем. Остались лишь обрывки воспоминаний о том, как Брент провел его по громадной лаборатории, которой являлась База Плутона. Она была настолько отдаленная, что никакая угроза вторжения не могла возникнуть перед ней. Экстремальный холод, естественный для этой

планеты, помогал делать возможными реакции, недоступные для других планет. Здесь ученые с Земли, Марса и Венеры совместно управляли Солнечной системой.

И это было именно так. У каждой планеты было свое правительство, свои законы, удовлетворяющие наклонностям и обычаям местного населения. Но над всем этим были ученые. А над учеными стояли координаторы: два темно-коричневых с Марса, один зелененький с Венеры и два землянина. Каждый координатор, в свою очередь, оставался на Базе Плутона в течение годового периода режима работы.

Джим Дорн мало что знал об интеграторе, машине, в которой хранились все факты каждой фазы жизни Системы. В огромном блоке из обмоток и ламп, полупроводников и сопротивлений, рычагов и прочих механизмов, работали все известные законы природы.

Интегратор был конечным продуктом вычислительных машин, известных уже тысячи лет. И настолько полной была хранившаяся в нем информация, настолько точным было соотношение гипотез к доказанным фактам, что машина представляла собой не что иное, как громадный механический и электронный мозг. Ему нужны были лишь человеческие пальцы на кнопках, чтобы ответить на любой поставленный ему вопрос. Но у людей, разумеется, было право и обязанность отбора вводимых в него сведений.

Джим смутно помнил, как Брент подвел его к группе людей, работающих над чем-то вроде шлема.

— Они экспериментируют с методикой считывания мысленных импульсов из сознания и передачи их непосредственно в интегратор, — пояснил Брент.

Джим кивнул. Он не знал, как скоро ему потребуется эта информация и насколько жизненно важной она будет. Он даже предположить не мог, сколько проблем и нерешенных вопросов накопилось за всю историю человечества. И даже огромный запас информации в интеграторе не мог бы обеспечить их решения.

Затем он последовал за Брентом обратно в комнату управления. Улыбаясь печальной улыбкой, скрывающей невероятные муки, Брент велел Джиму поднять правую руку.

— Я, Джеймс Дорн, — услышал он и стал повторять слова, смысл которых обратил его душу в ледышку, — торжественно клянусь, что стану исполнять должность координатора Солнечной системы, вкладывая в это все свои силы и умения... Я клянусь, что никогда не буду использовать свою власть для личной выгоды или личной славы... Я клянусь, что не позволю ничему, даже самой смерти, встать между мной и моей работой...

Присяга была принесена и принята. Джиму было холодно до самого дна души.

– Теперь вы координатор, – услышал он голос Брента. – Вы станете продолжать мою работу. Разумеется, я останусь помогать вам, пока позволит мне сердце.

Только теперь Джим окончательно понял, что значит эта присяга. Он обязался служить Системе, пока позволяет ему сердце!

В комнате прозвенел звонок. Несмотря на мягкое звучание, это был аварийный сигнал. Услышав его, Джим резко повернулся. На пульте управления напротив пустого кресла координатора мигал красный индикатор.

– Я займусь им, – рявкнул Брент. – У вас еще есть время поучиться, не оставаясь в одиночку при первой вашей чрезвычайной ситуации.

ОН БЫСТРО пересек комнату. Джим шел за ним.

Пальцы Брента забегали по кнопкам. Красный индикатор погас. Тут же вспыхнул экран. На нем появился оператор из центрального офиса.

– Станция на Тритоне шлет экстренный вызов, сэр. Огромные корабли, маневрируя, приближаются к медным рудникам. Соединяю вас напрямую с Тритоном!

По утвердительному кивку Брента экран погас. Щелчок, и на нем появилась совсем другая сцена. Оператора далекой станции не было видно. Он сфокусировал видеоскоп наружу.

С неба, быстро и плавно, спускались пять точек кораблей. Они были гораздо больше любого лайнера, построенного в Солнечной системе. Из дюз на их черных корпусах не было видно никакого пламени. Носами они были нацелены на круглый купол внизу, под которым размещались богатые медные рудники Тритона – спутника Нептуна.

Только затем Джим услышал голос оператора этой станции, долетевший из космоса:

– Они быстро снижаются и игнорируют все наши усилия связаться с ними. Мы не знаем, могут ли они вообще принимать наши радиоволны подпространственной связи. Сейчас пытаемся установить с ними связь на обычных радиочастотах. Нет, никакого ответа...

– Космические корабли, – услышал Джим шепот Брента. – Они не из нашей Системы.

Затем Брент тихонько вскрикнул, в его голосе послышалась боль. Джим мельком взглянул на него и увидел, что он глядит на экран.

Из носа передового корабля вылетела бледная дымка. Она полетела вниз, к куполу из бетона и стали, защищающему шахты. И когда она коснулась его, купол треснул, как раздавленное яйцо. Воздух беззвучно вырвался в черное пространство.

Через миллионы миль космоса Джим увидел, как из купола вылетают какие-то черные объекты. Это были обломки машин и люди, вынесенные потоками устремившегося наружу воздуха.

— Они атакуют! — закричал Brent. — Атакуют наши шахты на Тритоне без всяких причин и даже без предупреждения!

Руки Brentа снова забегали по кнопкам. Вспыхнули дополнительные экраны, показывая подробности атаки. Но Джим глядел на главный экран. Пять огромных кораблей совершили посадку вокруг разбитого купола. Открылись люки, из которых вышли странные существа.

На таком расстоянии Джим не мог различить детали. Он лишь видел, что выходящие из кораблей существа не похожи на любых представителей жизни, обнаруженных на планетах Солнечной системы. Передвигаясь большими, неловкими прыжками, они направились к куполу и скрылись внутри. Затем снова раздался голос оператора, преисполненный страха:

— Приближаются еще три корабля. Два направляются к шахтам. Один развернулся и полетел к нашей станции на вершине...

На мгновение экран вспыхнул красным. Оператор закричал в безумном ужасе. Затем что-то забулькало, но тут же смолкло, резко, словно отрезало. Экран погас.

Джим увидел, как побелело лицо Brentа. Координатор взглянул на него и прошипел сквозь зубы:

— Это же война!..

Его руки вновь забегали по кнопкам. С Базы Плутона ушел его вызов военному флоту Системы. Слово координатора являлось законом. В подземных ангарах Плутона, где размещалась часть флота, люди слышали его приказ действовать. Вспомогательный экран показал подземные помещения Базы, где из казарм выбегали люди. Длинные шеренги военных направились к длинным, с обтекаемыми обводами, крейсерам, не использовавшимся уже более сотни лет. Но эти корабли постоянно находились в боевой готовности на тот случай, когда могли понадобиться. И теперь, когда этот день настал, и они, и люди были готовы к нему.

На Марсе и на Земле происходило тоже самое. Коричневые марсиане, услышав древний призыв к войне, бежали к боевым кораблям. На Земле укомплектованные корабли уже взлетали в небеса. С далекой Венеры, находящейся ближе всех к Солнцу, пришел ответ. Зеленокожие венериане бежали в тумане, вечно покрывавшем их планету, к летному полю. Как и их товарищи марсиане и земляне, они были готовы к сражению с врагом, нарушившим давно установленный мир.

В течение нескольких минут Джим Дорн получил представление о том, как работает эта отлаженная машина, которой он должен управлять. Глаза его перебегали с экрана на экран, пытаясь охва-

тить все происходящее. Он совершенно забыл о Бренте, пока внезапно не понял, что не слышит голоса координатора.

Джим резко повернулся. Брент скорчился в кресле, прижимая руки к груди. Лицо его было лиловым, глаза вышли из орбит. Джим услышал его отчаянный шепот:

— Слишком много... волнения... для моего старого сердца... Придется тебе... продолжать.

Тело Брента внезапно обмякло, глаза закрылись, и координатора не стало.

ГЛАВА III. ПОТОК НАДВИГАЕТСЯ

ДЖИМ СТАЦИЛ Брента с кресла и осторожно положил на пол. Затем сам сел на место управления. Он знал, что Брент не захотел бы, чтобы Джим напрасно тратил время, горюя над его телом, из которого уже улетела душа. Брент приказал бы ему сесть в кресло и включиться в работу, которая ожидалась от нового координатора.

Теперь Джим Дорн был, по крайней мере, временно, координатором всей Системы.

Меньше чем через пять минут то, что осталось от Джозефа Брента, было унесено из комнаты. Еще через десять минут, в ответ на приказ Джима, весь персонал, который не был занят срочной работой, набился в огромную комнату координатора. Любой из этих людей знал гораздо больше Джима. Но все они были специалистами. Лишь он один владел общими знаниями и навыками.

Джим быстро объяснил им суть нынешнего кризиса и получил обещание полного сотрудничества, обещание, которое они будут соблюдать вплоть до последнего вздоха. Тридцать минут спустя он был на связи со смуглым карликом по имени Читтор, отдохавшим на Марсе. Он, как и остальные координаторы, тут же включился в режим работы. Координаторов звали еще один карлик-марсианин Рудо, зеленокожий венерианин Старм, и землянин Альберт Ирли.

Меньше чем через час, по распоряжению Джима, все видеоэкрane и широкоэвешательные системы Земли передавали пораженным миллионам людей новости о нападении. На Марсе их слушали карлики. На Венере смотрели по экранам зеленокожие. Все разумные существа по всей Системе глядели в небо и со страхом думали о том, что происходит на Тритоне, гигантской луне Нептуна. Космические корабли со звезд... это казалось невероятным. И что они несли с собой?

Затем Джим связался с главнокомандующим крейсеров, которые уже покинули Базу Плутона. Они летели к Нептуну.

Минуты сложились в часы. Кто-то принес Джиму еду. Он поел, не спуская глаз с экранов и держа пальцы на кнопках.

Пришла информация от людей, отвечающих за интегратор. Все знания, собранные о Солнечной системе и Вселенной, были просеяны с нулевым результатом. Впервые из космоса пришли чужие корабли, как и впервые в пустоте были замечены движущиеся световые полосы. Обширные знания, хранившиеся в интеграторе, не могли дать ответ на вопросы, как, что или почему.

Несмотря на обязанности и ответственность, окружившие его словно плотным забором, Джим нашел время подумать. Призвав на помощь воображение, он еще мог представить один флот, пересекающий громадную бездну космоса.

Но два флота... А полосы света, замеченные обсерваторией на Марсе, насколько он знал, указывали на то, что флотов именно два.

ЗАТЕМ С БАЗОЙ Плутона связался командующий флотом Солнечной системы. Джим уже отдал распоряжение, чтобы один из видеозкранов был постоянно связан с флотом, поэтому вызов командующего пришел немедленно.

— Мы на Тритоне у шахт. Купол совершенно разрушен, сэр. Все люди, которые здесь работали, погибли. Нападавшие исчезли, исчезли бесследно...

— Что?! — взревел Джим. — Вы уверены в этом?

— Без тени сомнения, — ответил командующий чуть извиняющимся тоном. — Они забрали все железо, медь, алюминий, даже стальные крепления шахты. Очевидно, погрузили все это на свои корабли и тут же улетели. Какие будут дальнейшие распоряжения, сэр?

— Обыскать всю луну, — приказал Джим.

Отключив связь, он откинулся на спинку кресла. Он ожидал сражения. Он отчаянно боялся, что бросает флот на врага, с каким тот не сможет справиться. Но вместо этого враг просто исчез.

За пульте управления справа замигал индикатор. Джим нажал кнопку, и на экране появилось лицо главного астронома. Глаза его за толстыми линзами очков растерянно мигали.

— Мы опять засекали этот флот. Полосы света снова появились в пространстве. Бесспорно, это тот же флот, который напал на Тритон. Он снова отправился в дальний космос, сэр. Они быстро улетают.

Джим тут же увидел картину в целом. По какой-то непонятной, неизвестной причине разумная жизнь бежит по Вселенной! Этот флот не прилетел специально для того, чтобы напасть на Солнечную систему. Просто он пролетал мимо и остановился для того, чтобы набрать металлы. Они не стали тратить время на переговоры. Очевидно, у них не было для этого времени. Они просто определили местонахождение шахты, уничтожили низшие формы жизни,

работающие в ней, забрали все металлы, а затем продолжили свой полет.

Джим поднялся, подошел к окну и выглянул наружу. Бесплодная, совершенно лишенная жизни поверхность Плутона, холодная и недружелюбная, как сам космос, дразнила его через толстое стекло.

Воображение Джима нарисовало жуткую картину. На черном фоне пространства светили желтые солнца. Маленькие горячие красавцы мерцали в необъятности космоса. А между ними кипело черное НИЧТО. Джим вздрогнул. Он знал, что это всего лишь его воображение, но ему показалось, что это НИЧТО угрожает ему. Глядя из окна и зная, что где-то в бесконечной пустоте бежит разумная жизнь, у его появилось смутное ощущение какой-то общей причины этого бегства, причины, затрагивающей все пространство и время. Он вернулся в кресло координатора, и нажал кнопку, связываясь с людьми, отвечающими за работу интегратора.

Джим уже знал, что нащупал проблему слишком большую, чтобы ее мог решить один человек. Он был отчаянно рад, что, с помощью интегратора, может привлечь все знания, вырванные от непокорной природы великими умами, предшествовавших эпох. Там лежали все знания, добытые землянами, коричневыми марсианами и зеленокожими венерианами.

— Найдите самую большую общую угрозу всему живому во всей Вселенной, — кратко велел Джим.

Оператор отвернулся от экрана и что-то невнятно пробормотал невидимым на экране собеседникам.

— Это приказ, — отрезал Джим. — Во Вселенной что-то происходит. Чужие расы с планет в иных звездных системах узнали об этой угрозе. Они бегут от нее. Я хочу, чтобы вы тоже нашли и доложили мне, что это.

ЧИТОР, КОРИЧНЕВОКОЖИЙ карлик, ерзал в кресле. Рядом с ним сидел безразличный Рудо. Зеленокожий венерианин Старм полуприкрыл глаза, на его лице ничто не шевельнулось. Альберт Ирли перекинул через подлокотник кресла одну ногу и медленно попыхивал сигаретой.

Это было четыре научных координатора Солнечной системы.

Джим Дорн заговорил, обращаясь к ним:

— Джентльмены, нет никакого смысла еще раз обсуждать события прошедших сорока дней. Вы так же знакомы, как и я, с первым докладом о полосе света, замеченной марсианской обсерваторией. Вы помните нападение на купол горной промышленности на Тритоне. Вы знаете, что наши астрономы, постоянно обшаривая небо, обнаружили и другие бегущие флотилии, летящие все в одном направлении. Вы знаете, что наша Система еще раз подверглась атаке. На этот раз флот чужаков напал на Питсбург на Земле и забрал все на-

ходящиеся там металлы. Но прежде чем они успели сбежать, наш флот вступил с ними в бой. Мы захватили один их корабль. Командира того корабля, Халара Халонеса, сейчас везут сюда. Его раса прилетела со звезды, которой даже нет на наших картах. Но при помощи шлема, передающего мысли, мы сможем его допросить. — Секунду Джим помолчал. — Но, боюсь, он может лишь подтвердить то, что мы уже и так подозреваем. Вселенной грозит гибель. Народы всех звезд, разбросанных по самым далеким уголкам Вселенной, бегут. Мы видим, как пролетают мимо их флотилии. Дважды мы подверглись их нападению. Как только я понял, что происходит, то велел использовать интегратор, чтобы обнаружить неизвестную угрозу, которая должна охватить всю Вселенную. Ни один самый великий ученый не может сказать, что происходит. Но в кладовых знаний, накопленных всеми нашими расами, мы отыскиали то, что может быть единственно возможным ответом. Исходящий поток пространства-времени, отвечающий за расширение Вселенной, достиг каких-то внешних границ. И, как маятник, достигший высшей точки своего взлета, этот поток теперь возвращается. *Вселенная стала сжиматься.*

Читор перестал ерзать. Зато Рудо принялся крутить головой во все стороны. Старм оставался безразличным. Ирли закурил очередную сигарету.

— Миллиарды лет, — продолжал Джим, — невообразимые потоки пространства-времени текли, расширяя Вселенную, и все, что возникало за ними, развивалось. Теперь потоки устремились назад. Наиболее удаленные звезды, которые можно наблюдать лишь в самые ясные ночи, уже начали сжиматься. Пространственно-временной континуум сжимает их до центрального ядра, из которого они миллиарды лет назад взорвались Сверхновыми. Разумные расы, жившие на планетах, крутящихся вокруг этих звезд, обнаружили приближение катастрофы. И они бегут от нее — как земные животные бегут от лесного пожара. Они надеются, что возвращающиеся потоки не дойдут до базового центра Вселенной. Мы точно не знаем, с какой скоростью приближается возвратная волна. Наверное, скорость ее растет в геометрической прогрессии. Вероятно, она уже движется гораздо быстрее скорости света. Разумеется, бегущие расы использовали уравнения Лоренца-Фидджеральда, чтобы достигнуть сверхсветовой скорости. Интегратор заявляет, что у нас есть немногим меньше двадцати лет, чтобы решить проблему полетов со сверхсветовой скоростью, двадцать лет, за которые мы можем надеяться убежать. Но даже если мы и успеем, то спастись сумеет лишь несколько тысяч человек из миллиардов живущих на наших планетах...

ДЖИМ ЗАМОЛЧАЛ, но мысли его продолжали проноситься в голове. Через двадцать лет Земля, другие планеты, само Солнце будут свернуты в маленький пылающий шарик. Небеса свернутся, точно задник в театре. Жизнь – и венец ее развития, Человек, – будет уничтожена.

Человек, который издавна боролся с дикими животными и еще более дикими людьми, больше всего боролся с самим собой и, наконец, отвоевал свою планету – это разумное, героическое животное, которое возвысилось до богоподобного могущества, было теперь обречено неодолеваемым, непобедимым законом природы.

Но, поскольку Джим Дорн был человеком, он не прекращал мыслить.

Не так уж давно его раса строила неуклюжие ракеты, люди высадились на Луну и погибли там. Но другие люди, в более надежных кораблях, пошли вслед за ними. Они добрались до Луны и попытка их увенчалась успехом. Они победили сухую смерть древнего Марса и душную, парниковую смерть Венеры, и даже бесплодную, ледяную смерть Плутона. Человек, развиваясь сам, помог развиваться цивилизациям двух других планет, но все это сметет обратный поток пространства-времени, который никто не может остановить.

Это не муссоны пустыни, ни ураганные ветра над тропическими морями, ни яростные ледяные ветра Северного полюса, не приливные волны, заливающие плодородную прибрежную полосу.

Этот возвращающийся поток самого пространства-времени!

Солнце и все планеты будут сжаты в один шарик, небеса свернуты. Долгая борьба и развитие Человечества будет уничтожена враждебной всему живому Вселенной.

В таком направлении неслись мысли Джима Дорна. Он задыхался, думая о миллиардах, которые неизбежно должны умереть, даже если успех будет достигнут. Бегством спастись могут лишь тысячи. Но где-то, на каком-то из миров возле центра Вселенной, человеческая цивилизация будет продолжаться.

Но даже не бесспорно, что и это ничтожно малое количество жителей Солнечной системы сумеет выжить. Этому противоречило сокращение Лоренца-Фицджеральда. Если бы не это...

Лишь теперь Джим Дорн понял, как важна концепция бессмертия цивилизации для человеческого рассудка.

ГЛАВА IV. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

ЗВЯКНУЛ СИГНАЛ, объявив о доставке Халара Халонеса. Координаторы мрачно ждали, пока охрана введет гиганта.

У него были четыре громадные ноги, но стоял он вертикально. Четыре могучие руки были скрещены на груди. Так же у него были фасеточные глаза, как у земных насекомых. Плененный врагами,

он явно не ждал ничего, кроме смерти. Но все же Халар Халонес стоял с высоко поднятой головой.

Глядя на него, Джим почувствовал восхищение. Когда были подключены мыслешлемы, Халар сразу же понял их назначение. И с радостью узнал, что люди не считают себя его врагами. Как и его собственная раса, соляриане стали жертвами общей судьбы. И те и другие боролись, со страхом думая об исчезновении своей цивилизации.

Затем шлем передал ответ Халара – ясную, четкую мысль. Мгновение Джим еще надеялся, что Халар заявит об ошибке интегратора, что тот был неправ насчет сжатия Вселенной.

– Нет, маленькое существо, – печально ответил Халар. – Ваш интегратор прав. Вселенная сжимается с невероятной быстротой. Мы вовремя засекли это и успели улететь, но те, кто пошел за нами...

Мысли Халара расплылись, Джим почувствовал вспышку глубокого горя, когда чужак вспомнил утраченный им мир. Теперь этого мира и всех его обитателей уже не существовало.

Внезапно мысли Халара прояснились. Он поспешно объяснил, как сожалеет о том, что его раса разграбила город на Земле. Они и не думали, что найдут там разумную жизнь, а на изучение не было времени. Им были нужны металлы. А за ними летел поток уничтожения.

Джим понимающе кивнул. При подобных обстоятельствах он вел бы себя точно также.

Но горевать и сожалеть сейчас не было времени. Он снова настроился на разум Халара. И Халар понял, о чем его спрашивают.

– Да, мы бежим в надежде, что найдем убежище возле центра Вселенной. Может, туда не дойдет надвигающийся поток.

Потом Халар поймал вопросительный взгляд Джима и понял, какая проблема стоит перед этими маленькими существами, захватившими его в плен.

– Скорость быстрее световой? Да, я могу все объяснить вам. Я так же научу вас строить такие двигатели. Тут затрагиваются дополнительные измерения, но я чувствую, что вы сможете понять это. – Халар заколебался. – А потом вы позволите моей команде улетать с вами? – с тревогой спросил он.

– Да! – крикнул Джим и сорвал с себя шлем, затем повернулся к другим координаторам. – Он нам поможет, – с ликованием в голосе выкрикнул он.

Но когда он увидел их лица, то радость тут же погасла. Они даже не смотрели на него. В комнату вошел один из математиков с бледным лицом, и протянул координаторам листы бумаги. Когда они просматривали принесенные документы, на их лицах все яснее проявлялась отчаяние.

Читор протянул листы Джиму.

– Джим, – писклявым голосом сказал он, – все безнадежно.
– Но почему? – воскликнул Джим. – Халар обещал помочь нам!
– Это уже не имеет значения, – пожал плечами Читор. – Интегратор дал полный ответ. В его расчетах нельзя сомневаться. Нет никакой надежды.

ДЖИМ УВИДЕЛ в глазах карлика обреченность. Надежда, вспыхнувшая было в нем, когда Халар обещал помочь построить корабли, умерла.

– Что? – безжизненным голосом спросил он. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – ответил Читор. – Мы можем сбежать и, таким образом, выиграть несколько сотен лет. Но результат все равно будет отрицательный. Эти расчеты окончательно показывают, что звезды не уцелеют даже в центре Вселенной. Возвратный поток все равно хлынет на них и сожмет Вселенную до размеров нашего Солнца. И в этой области будет бушевать невероятный огонь. При огромном давлении, температура у него будет гораздо выше, чем мы можем вообразить. И так будет продолжаться до тех пор, пока давление не погонит поток обратно. В этом пылающем ядре, в которое превратится центр Вселенной, жизнь не уцелеет ни в какой форме.

Джим схватил листы и быстро пробежал глазами по уравнениям. В этих вычислениях не оставалось места ни для какой надежды. Он поднял глаза. Читор уже сидел. Руди расхаживал взад-вперед, искоса глядя в окно на чернеющее за ним пространство. Старм даже не шевельнулся. Ирли поднял взгляд вверх, губы его беззвучно шептали молитву.

– Но мы же не можем вот так просто сдаться! – выкрикнул Джим. – Должно же быть что-то, что мы можем сделать!

Старм приоткрыл глаза.

– Так скажите нам – что, – спокойно сказал он, – и мы сделаем это

Джим застонал. Что бы он не говорил, он обращался словно к глухой стене.

Халар Халонес стоял неподвижно. Он не знал языка и не понимал, о чем тут говорят. Он хотел помочь этим маленьким существам. Казалось, что-то беспокоит их.

Даже без шлема Джим почувствовал мысленный вопрос Халара. Быстро надев шлем, он объяснил, что произошло.

Халар попросил показать эти вычисления. Долго, старательно разбирался в них, потом вздохнул. Этот вздох почему-то напомнил Джиму Джозефа Брента.

– Да, все правильно, – сказал Халар. – Мой народ бежит напрасно. Пытаясь избежать смерти, они бегут навстречу более ужасной судьбе. – Он замолчал, его фасеточные глаза уставились на

Джима. — Друг мой, могу я воспользоваться вашим радиооборудованием, чтобы предупредить мой народ?

— Конечно, — ответил Джим.

Он махнул рукой охранникам. Они увели Халона. Тот забрал с собой оба мыслешлема. Его походка снова напомнила Джиму Джозефа Брента.

«Пока позволит мне сердце» — именно так сказал Брент, а он всегда говорил то, что имел в виду.

Джим глубоко вздохнул.

— Джентльмены, — сказал он, — похоже, мы попали. Но я помню Джозефа Брента и помню наши традиции. И мы должны придерживаться этих традиций. Вся наша история — как и история любой цивилизации, — является историей постоянной борьбы с природой. Может, наступает время последней борьбы жизни в нашей Вселенной. Но как мы уйдем: как трусы или как наследники гордых традиций?

В ответ ему в тихой комнате раздалось громкое рычание. Они были учеными, координаторами. Но когда требовала необходимость, они были еще и бойцами.

Джим шагнул к креслу управления — тому самому креслу, на котором умер Джозеф Брент, сел и пробежал пальцами по кнопкам. Связист все еще был на посту. И он останется на посту до самой смерти.

— Оповестите народы всех планет, что Солнечной системе осталось, самое большее, двадцать лет жизни, — распорядился Джим. — Объясните всем, что происходит. Не должно быть никаких искажений или фальсификаций. Люди должны знать всю истину, чтобы действовать правильно.

МНОГОЧИСЛЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ Земли уже понимало, что что-то происходит. Люди знали о нападениях, о пролетающих мимо флотилиях чужаков. Но они не знали, что все это значит. Никто не знал, какая судьба им уготована.

Джим мог представить себе, какой шок прокатится по всей Земле. Сначала наверняка будет страх, дикий, безумный страх. Но он пройдет. И его сменит покорность. Но, тем не менее, Джим знал, что миллиарды людей на зеленой планете не перестанут надеяться. Они давно научились доверять своим ученым, самоотверженным людям, которые работали для их блага.

В прошлом всегда, когда угрожала опасность, ученые Земли спасали Человечество. Когда бушевали эпидемии, ученые боролись с болезнями. Многие погибали, но, в конце концов, они побеждали. Вспыхивали войны, и ученые боролись за мир. И всегда выигрывали.

Так что люди будут продолжать надеяться, даже готовясь умереть. До последней секунды они будут уверены, что на Базе Плутона, по крайней мере, два человека борются за них.

Коричневые карлики на Марсе воздвигли бы взгляды в небо. Эти маленькие, но выносливые существа знали, как незначительна смерть. Они обитали на Марсе, где всегда кто-то испускал последний вздох. Но они тоже будут смотреть на Базу Плутона, зная, что два их представителя борются, чтобы спасти их от новой напасти, приготовленной враждебной природой.

Зеленокожие на Венере не стали бы смотреть в небо. Но это было неважно. Они все равно знали, что где-то за вечными облаками, их представитель по имени Старм помогает тем, кто борется за Систему. А если все же прибудет смерть... ну, что ж, на Венере все привыкли смотреть ей в лицо и называть своим другом. Там, в вечных туманах, и гуще жарких джунглей, смерть имела множество форм. Но, несмотря на это, все отпущенное им природой время они станут верить в Старма.

ДЖИМ ДОРН обернулся к четырем остальным координаторам. Читор притих, утратив свою неугомонность. Рудо сгорбился в кресле, взгляд его сделался мрачным от мрачных мыслей. Кожа Старма немного побледнела, стала не такой ярко-зеленой, но он продолжал сидеть с полуприкрытыми глазами, ни на кого не глядя. И за этой безразличной маской ни на миг не прекращал работать его острый ум. В желтых пальцах Ирли дымилась очередная сигарета, буйная борода скрывала его лицо.

Позади остались два месяца отчаянных усилий. Два месяца, за которые возвращающийся поток пространства-времени летел где-то в космосе прямо к ним. В небе еще не было заметно никаких изменений. Звезды все также сияли на черном бархате космоса. Величественные галактики все еще продолжали светить.

Но факт, что этих звезд могло уже больше не существовать. Свет, который они испустили много веков назад, только сейчас достиг Солнечной системы. Возможно, многие из этих звезд уже уничтожены. Этого никто не мог знать. Свет от них прилетал бы еще целые века.

Но этого не случится, потому что поток летит гораздо быстрее света. Будет угрюмая волна темноты, темноты, чернее самого космоса, и эта темнота уже никогда не кончится. Она налетит быстрее, чем движение глаз. Никто не увидит ее приход. Просто в один миг мир будет по-прежнему существовать вокруг, а в следующий – не будет уже ничего. Никто не успеет даже понять, что произошло. Смерть налетит быстрее, чем вспышка молнии!

Джим Дорн повернулся и обратился к четырем другим координаторам. Голос его прозвучал резко, поскольку Джим чувствовал, что

приперт к стене. И он боролся с пораженчеством не меньше, чем с природой.

– Мы вынуждены отбросить предложение, выдвинутое Стармом, как неосуществимое. Невозможно установить вокруг всей Системы силовое поле. Любое поле может существовать лишь в пространстве-времени, а тут не будет никакого пространства времени. Так что поле исчезнет, как и все остальное.

Он замолчал и внимательно поглядел на координаторов. Не выдвинет ли кто предложение, что следует прекратить борьбу? Или они будут бороться, пока не нахлынет окончательная тьма? Но вот проблема – как бороться?

Как можно справиться с небытием, когда не станет уже ничего, когда исчезнет само пространство-время?

Все знания, хранившиеся в интеграторе, были уже просеяны до самого мельчайшего факта. И на все вопросы интегратор дал один и тот же ответ: недостаточно данных.

В нем хранились все знания, собранные в Солнечной системе. И из этого потрясающего лабиринта фактов ничто не могло подсказать хотя бы один способ сохранить Систему. Специалисты, наизусть знавшие бесчисленные мили проводов, все обмотки, все рычаги и винтики, были в замешательстве.

– Дайте нам больше фактов! – требовали они. – Дайте больше информации! Без фактов интегратор беспомощен.

Координаторы с готовностью давали им факты. Но для получения каждого нового бита информации нужны были годы исследований. Новые законы не возникают ежедневно.

– Я жду дальнейших предложений, – сказал Джим без малейшей надежды.

Ответа не было.

Джим вздохнул и опустил обратно в кресло. Он не слышал, как открылась дверь и в комнату кто-то вошел. Но затем почувствовал слабые импульсы чужой мысли и резко повернулся.

ГЛАВА V. РЕШЕНИЕ НАЙДЕНО

В ДВЕРЯХ СТОЯЛ Халар Халонес. Держа в руках мыслешлемы, он вопросительно глядел на Джима.

– Давай, – махнул рукой Джим. – Если у тебя есть какие-то идеи, самое время выложить их.

Халар прошел по комнате и протянул ему шлем. Джим схватил его. Он не совсем забыл о Халаре, который непонятно чем занимался на Базе все эти два месяца, у него просто не было времени отвлекаться.

Быстро надев на голову шлем, Джим тут же почувствовал мысли Халара. И мгновенно понял их значение. Он резко сорвал с себя шлем и вскочил на ноги.

– Мы все идиоты! – закричал он. – Все это время мы искали, какие еще факты внести в интегратор. Мы уже отчаялись, потому что нам не хватало информации даже для того, чтобы подойти к проблеме. А здесь, прямо у нас перед глазами, был Халар, который мог дать нам все, что знает наука его цивилизации!

Это была невероятная истина. Два месяца наука цивилизации из далекого уголка Вселенной, была буквально у них в руках, а они даже не подумали о ней!

Толкая перед собой Халара, Джим выскочил из комнаты. Четыре координатора бежали за ним.

Техникам потребовалось лишь краткое объяснение, чтобы они поняли идею. По каким-то неизвестным причинам Джозеф Брент распорядился продолжать работы группе, приспособляющей мышлешлем для прямой связи с интегратором. И вот теперь в нем появилась такая нужда, какую невозможно было предвидеть. Техники быстро подсоединили шлем к интегратору.

Все столпились вокруг Халара, затаив дыхание. На лице чужака появилось сосредоточенное выражение. Фасеточные глаза его затауманились.

В тишине комнаты Джим услышал, как защелкал интегратор, начав работать. Интегратор загудел, потому что мысли переводились в электрические импульсы. Шевельнулись рычаги, повернулись головки. Щелчки становились все громче по мере того, как оживали бесчисленные реле.

Ко всему массиву знаний, полученному учеными Солнечной системы, Халар добавлял информацию, известную на Халонесе. Большая часть ее копировала уже известные данные. Но затем слышался тихий гул – это пошли данные, неизвестные науке соляриан. Реле щелкали все быстрее. Гул становился все громче. Никакой гений не мог решить все проблемы, которыми занимались науки. Никакая цивилизация не могла знать все. Даже совокупного знания трех рас Солнечной системы оказалось недостаточно. Но теперь к ним добавлялись знания далекой цивилизации Халонеса...

Джим Дорн, не отрываясь, глядел на странное существо, которое бежало по Вселенной в поисках убежища. Потом Халар узнал, что бегство бесполезно. Он сообщил об этом своему народу. Но он тоже был бойцом. И решил внести свой вклад, пока еще была надежда. Пока билось его сердце!

Двое коричневых карликов думали о миллионах своих соотечественников, живущих на красной планете. Зеленокожий Старм думал об обитающих под вечными облаками жителях Венеры. Ирли

тоже выглядел задумавшимся. Догорающая сигарета обжигала ему пальцы, но он этого даже не замечал.

Потом щелчок реле стали реже, еще реже... Минуты превращались в часы. Затем реле последний раз щелкнули, словно устало вздохнули, и замерли. Халар стал возиться со шлемом. Он поднялся, но чуть не упал. Люди подхватили его и повели отдыхать.

Разрыв в миллионы световых лет был заполнен данными и знаниями! Прежде интегратор содержал в себе знания, накопленные одной Системой. Теперь к этим обширным знаниям добавились другие, еще более обширные.

Джим Дорн, как безумный, принялся раздавать распоряжения техникам. Четверо остальных координаторов распоряжались математиками.

Интегратор, пользуясь научными данными двух звездных систем, стал выдавать поток уравнений. Математики тут же взялись за работу, переводя вычисления в физические величины. Медленно, невыносимо медленно, из разрозненных кусочков возникала целая картина. Какие-то теории соответствовали фактам. Какие-то старые теории противоречили новым данным. Порой новые данные давали начало совершенно новым теориям.

Джим не знал, сколько времени он провел в той комнате. Он лишь временами оглядывался и мельком замечал, что работает в настоящем бедламе среди десятков потных людей. Несмотря на усталость, он не отдыхал сам и не давал отдыхать другим, заставляя всех работать в нечеловеческом темпе.

Работали все силы Базы Плутона. Временами кто-то вспоминал поесть, но зачастую об еде забывали. Галлонами поглощалось горячий кофе с коньяком. Люди ели и пили, не отрываясь от работы. Отдых маячил где-то в туманной дали, сон казался невозможной роскошью.

Но теперь у них было с чем работать. Они вконец загнали вычислительную машину, пока та не сломалась. Потные инженеры в спешном порядке починили ее. Еще не раз гудел и шумел интегратор, щелкали реле. И математики принимались за работу над новыми уравнениями, пока, наконец, не принесли Джиму Дорну окончательный результат.

Джим глядел на их вычисления, слышал пояснения. И внезапно он понял, что до смерти устал.

— Но это же означает сдвиг измерений, — сказал он, наконец.

— Да. Это вытекает из уравнений ультра-Лоренца-Фиджжеральда, исправленного учеными Халонеса, — согласились математики и физики. — Да, сдвиг измерений возможен.

— Нет, это невозможно, — помотал головой Джим. — Да, мы могли бы спастись, переместив Солнечную систему при помощи сдвига измерений в новую Вселенную! Но это неосуществимо на практике!

Однако, его собеседниками были математики и физики, специалисты и эксперты в своей области. Они настаивали, что, согласно результатам интегратора, это можно сделать. И новые уравнения показывают, как это может быть сделано.

Нельзя переместить целые планеты. Зато можно переместить космические корабли. А корабли можно использовать для того, чтобы переправить пассажиров. Поэтому...

Джим широко зевнул, даже не прикрыв ладонью рот. Он взглянул на Читора, и темнокожий карлик кивнул. Рудо тоже кивнул, и даже Старм сочувственно взглянул на него в ответ, а Ирили взмахнул сигаретой в знак согласия.

— Черт побери, — сказал Джим ученым, — я не собираюсь спорить с вами в вашей же области. Вы утверждаете, что это *может* быть сделано. Я же хочу услышать от вас, что это *будет* сделано.

Его голос пролетел по всей комнате. В нем слышалось ликование смертельно измученного человека. Но ответ тут же придал Джиму силы. Затем раздался хор слабых, таких же усталых, но радостных возгласов.

Еще никто не знал, будет ли решена эта проблема. Никто не знал, возможен ли сдвиг измерений на практике. Тем более, никто не знал, с чем могут встретиться они в той, другой Вселенной. Но это никого не заботило.

Их родная Вселенная наступала на них, грозя смести со своего лица все формы жизни. Так что найденное решение было их единственной надеждой нанести поражение непреодолимым, казалось, силам природы. Короче говоря, это был последний шанс, гарантирующий *бессмертие* их цивилизациям.

ДЖИМ ДОРН, карлик по имени Читор, еще один карлик Рудо, зеленокожий венерианин, иногда откликавшийся на имя Старм, и бородатый землянин, который вообще никогда не откликался, как его ни зови, а также чужак, которого звали Халар Халонес, наблюдали, как экспериментальный корабль задрожал, заколебался, затем вдруг превратился в мерцающие волны движущегося света.

Так команда добровольцев отправилась в первое путешествие в абсолютную неизвестность. Корабль стоял на земле неподалеку от ангара Базы Плутона. Он задрожал, когда включилась его экспериментальная установка, затем превратился в волны света и исчез. Там, где он только что стоял, снова была лишь фантастически безжизненная, ледяная равнина.

— Он... исчез, — услышал Джим чей-то шепот.

И был удивлен, когда остальные координаторы повернулись к нему, но тут же сообразил, что прошептал это он сам.

Исчез! Улетел сквозь небытие! Куда? В новую Вселенную, где по-прежнему тек первоначальный поток пространства-времени?

Или в НИЧТО, откуда нет возврата? Никто этого не знал. Никто даже предположить не мог, поскольку никто еще никогда не проникал в иные измерения.

Но все знали, что это последняя надежда. На создание этого корабля потребовалось несколько месяцев, в нем был объединен Ганстетторский двигатель деформации пространства и двигатель, подобный тому, что стоял на кораблях Халонеса.

Две науки объединились, и результат такого объединения был непредсказуемым. Расчеты? Ну, да, в них крылся ответ. Но в расчеты могли вкратиться ошибки. Лишь люди, живые создания из плоти и крови могли, рискуя своими жизнями, проверить эти расчеты на ошибки.

Люди из плоти и крови в свое время построили корабли, которые стали плавать по земным морям. Немного позже такие же люди создали неуклюжие крылатые аппараты, больше похожие на лестницы, которые положили начало покорению небесного пространства. И вот теперь хрупкие человеческие существа должны на себе проверить, насколько безопасна дорога из Вселенной, где вскоре станет невозможной любая жизнь.

Джим Дорн чувствовал, как сердце его колотится с мощностью пульсации ракетных двигателей. Он глядел в окно на бесплодные, ледяные поля Плутона. Раньше ему казалось, что он уже привык к различным потрясениям. Но... внезапно он понял, что не прошло и года с тех пор, как он глядел в это же окно на эту же равнину, в ожидании встречи с координатором.

Теперь он казался себе стариком. Сердце его, как, вероятно, и сердце Джозефа Брента, было, вероятно, сожжено и билось из последних сил.

Но это не имело никакого значения. Единственное, что имело значение... Тут у Джима снова перехватило дыхание.

На вечно застывшей земле медленно возникал, проявляясь, как на фото пленке, корабль. Это был корабль, который улетел сквозь Небытие в иную Вселенную. И он вернулся! Да, он вернулся!

Только это и имело значение.

Не ожидая распоряжений, распахнулись двери ангара. Пульсация корабля прекратилась, он стоял, неподвижный и материальный. Открылся люк и из него вышел экипаж.

— Мистер Дорн! — прокричал в радию голос капитана. — Мы были в иной Вселенной! Там можно жить. Там звезды, много звезд, планет и всего прочего!..

Джим не знал, как сумел отвернуться от окна и пройти к своему креслу. Он даже не слышал свой голос, отдававший какие-то распоряжения. Но по всем обитаемым планетам Солнечной системы было послано известие, которое зажгло радостную надежду в душах миллиардов их обитателей.

Пробный полет в иную Вселенную завершился успешно. И там есть *миры*, где можно жить!

На все три планеты обреченной Солнечной системы были разосланы подробные чертежи и планы постройки кораблей с двигателями деформации пространства. Больше от Джима ничего не зависело. Он просто знал, как все заводы срочно перестраиваются на новую продукцию – гигантские пассажирские корабли, которые будут курсировать между Вселенными.

Джим снова подошел к окну и стал глядеть наружу. Рядом с ним стояли четверо его товарищей.

Чуть позже к ним присоединился высоченный Халар Халонес, который уже связался со своей расой, все еще летящей на кораблях, и послал им план спасения.

– Мы улетим тогда, когда будет переправлен последний обитатель последней планеты нашей Системы, – сказал Джим. – Но только тогда.

А за окном на него глядел ледяной космос. Где-то летела к Системе возвращающаяся волна пространства-времени, сокращающая Вселенную, стягивающая ее в одну точку, невидимая, непреодолимая и смертоносная.

И Джим очень серьезно показал ей «нос». Тут же четыре остальных координатора повторили его нелепый, по-детски наивный жест. То же самое сделал и Халар. Он не знал, что значит этот жест, но раз его сделали эти маленькие существа, которых он уже полюбил всей душой, то сделал и он.

У Халара было четыре руки, поэтому «нос» получился у него самым внушительным.

The tides of time, (ThrillingWonder, 1940 № 4)

APRIL
25¢

SCIENCE FICTION AT ITS THRILLING BEST!

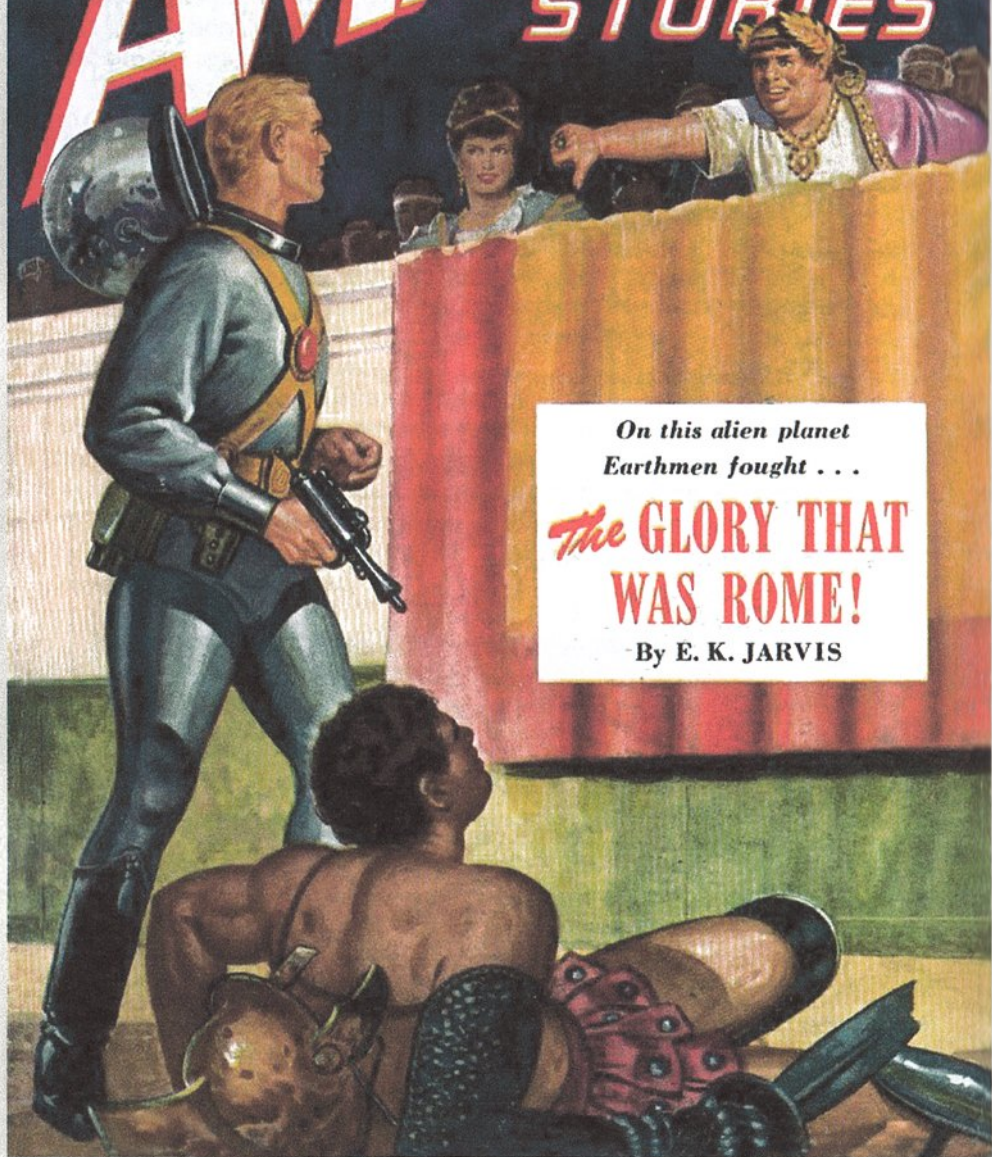

AMAZING ANC STORIES

On this alien planet
Earthmen fought . . .

The GLORY THAT WAS ROME!

By E. K. JARVIS

НАЙДИ МЕНЯ В ВЕЧНОСТИ

ГЛАВА I

КОГДА ГАРОЛЬД МИЛЛЕР вернулся с рыбалки, то весьма опоздал и ожидал, что жена устроит ему скандалчик по поводу опоздания, но никак уж не думал, что у него появятся такие проблемы. Свернув на дорожку у своего дома в пригороде, он остановил машину перед гаражом и вышел, ожидая, что из задней двери появится жена, скажет: «Привет», и, может, обнимет его. Но жена не появилась.

Один из соседних парнишек, игравший на дорожке, пропустил машину. Выйдя из автомобиля, Миллер сказал ребенку: «Привет». Мальчик не ответил. Вместо этого восьмилетний сорванец окинул его странным взглядом, а затем побежал к задней двери своего дома, зовя во весь голос маму.

Поведение мальчишки удивило Миллера. Обычно, он не пугал детей, особенно знакомых. Но этот ребенок вел себя явно испуганно. Миллер видел его и его мать через большое кухонное окно. Мальчишка показал на него, и его мать уставилась в окно. Миллер махнул ей рукой, показывая, что не сделал ничего такого, затем поднялся на крыльцо своего дома, ожидая увидеть на кухне жену, которая готовит для него что-нибудь вкусненькое. Но дверь была закрыта, а жены на кухне не оказалось.

Наверное, поехала по магазинам, — подумал Миллер, отпер дверь и вошел в дом.

На него пахнуло затхлым запахом, который бывает, если дом долго стоит закрытый, с закрытыми окнами. В щели под парадной дверью лежал желтый конверт, телеграмма, которую он тут же вскрыл. Это оказалась его собственная телеграмма, которую он отправил, что приедет домой с опозданием.

Очевидно, жена не получила ее. Так как время на телеграмме указывало, что пришла она еще вчера, значит, жены не было дома со вчерашнего дня.

Подобное положение заставит любого задуматься. Миллер с женой жили прекрасно. У него никогда и мысли не возникало, что она может изменить ему или вообще бросить. Но телеграмма под дверью поставила его в тупик. Он обыскал весь дом в поисках записки от нее, но так ничего и не нашел. Все было в порядке, ни малейших

FIND ME IN

By Robert Moore Williams

In every physical way they seemed to be identical. But one question remained a mystery: which one of them was a superman?

следов борьбы, значит, на нее не напали и не ограбили, по крайней мере, не в доме. Тогда где же она?

Миллер работал биохимиком и был спокойным по натуре. Как научный сотрудник, он трудился в Фонде Геронтологии – большом учреждении с частным финансированием, работавшим в области геронтологии и исследовавшим причины старости. Это было практически не паханное поле.

На деле Фонд больше интере-

совало не само явление старости, а работа над методами, не дающими людям стареть. Но поскольку никто и не ожидал, что можно достигнуть этой цели, а даже не был уверен, что ее вообще следует

ETERNITY

"If you're supposed to be my husband," she said angrily, "then who is that?"

достигать, то практическая задача Фонда состояла в том, чтобы найти способы, позволяющие людям жить до сотни лет и при этом сохранять свои физические и умственные качества. Или до двухсот.

РЕКЛАМИРУЯ эту цель, Фонд не испытывал нужды в поисках финансов. Когда ему нужны были средства, он лишь должен был связаться с ближайшим миллионером солидного возраста и спросить его, не желает ли он сделать маленький вклад в Источник Молодости, на условиях, что если исследования завершатся успешно, то спонсоры первыми смогут воспользоваться их плодами. Как отодвинуть старение, как отодвинуть смерть, как увернуться от старухи с косой – вот это и была проблема, которую тут пытались решить. Весьма напыщенный, но приятный в общении директор Фонда, доктор Джордж Клакстон, всегда при необходимости изыскивал средства.

Программа исследований тоже давала результаты. Пока еще не практические, еще не способ взять шестидесятилетнего старика и превратить его в тридцатилетнего человека, но намеки, путеводные ниточки и подсказки, которые заставляли думать, что, в конечном итоге, эта проблема будет решена. Еще лет десять исследований – и все будет в ажуре. Или счастливый случай может уменьшить этот срок. Неожиданные открытия решали много задач в прошлом. Почему бы так не может быть и на этот раз?

Гарольд Миллер подумал вдруг о соседях и о том, что, может, они знают, где его жена, когда увидел, что перед соседским домом остановилась полицейская машина. Из нее вышли двое полицейских и двинулись к дому. Миссис Аткинсон, его соседка, и ее восьмилетний сын выбежали им навстречу.

Что случилось? – подумал Миллер.

Перед домом миссис Аткинсон начались какие-то переговоры. Соседка махала рукой на его дом и что-то тараторила. Полицейские покивали, затем двинулись к дому Миллера, один к парадной двери, другой к заднему входу, очевидно, чтобы пресечь путь к отступлению, если он вздумает бежать.

При виде приближающихся полицейских Миллер испытал шок. Исчезнувшая жена, приехавшие полицейские... Миллер тут же предположил, что они приехали за ним. В парадную дверь застучали, и он быстро пошел к ней. За дверью стояли миссис Аткинсон, ее сын и один из полицейских.

– Это он, – тут же завопил мальчишка.

– Вон он... – начала было миссис Аткинсон и тут же умолкла, уставившись на Миллера такими глазами, словно увидела призрак.

– Ну, вот он я, – раздраженно сказал Гарольд Милер.

– Что вы делаете в этом доме? – спросил полицейский.

В голосе у него тоже не слышалось теплоты.

— Что я делаю в этом доме? — переспросил Миллер. — Вообще-то владею им, правда, пока что совместно с ипотечной компанией. — Поскольку он был домовладельцем и налогоплательщиком, и был в собственном доме, то не собирався попусту болтать с полицейскими, особенно с полицейскими, задававшими глупые вопросы. — А почему я не могу быть в этом доме?

Полицейский был явно озадачен. Он смерил Миллера взглядом сверху вниз и обратно, затем повернулся к миссис Аткинсон.

— Вы знаете этого человека?

— Ну...

Она трижды повторила это слово, и голос ее с каждым разом становился все тише. Когда же он снизился до шепота, соседка замолчала.

— Что происходит? — спросил полицейский. — Вы вызываете нас, говорите, что кто-то проник в дом. А злоумышленник открывает дверь и заявляет, что он владелец этого дома. Я спрашиваю вас, знаете ли вы его, но все, что вы можете вымолвить, это «ну». Так этот человек нарушитель или нет?

МИССИС АТКИНСОН откашлялась.

Она продолжала пялиться на Миллера, наконец, отвела взгляд, но тут же снова уставилась на него, словно боясь, что он может исчезнуть.

— Он... Он похож на мистера Миллера, — пробормотала она. — Он... Он разговаривает, как мистер Миллер. Но он не может быть мистером Миллером. — Она всплеснула руками с таким видом, словно была недовольна Гарольдом Миллером, собой и даже полицией.

— Почему это я не могу быть Гарольдом Миллером? — еще более раздраженно спросил Миллер.

— Потому что вы лежите в больнице, — ответила миссис Аткинсон. — Вчера вы попали в автокатастрофу. Из больницы позвонили вашей жене. Она пришла ко мне и сказала, что вы в больнице, без сознания, но, кажется, ничего страшного нет, и что она поедет и останется с вами на ночь. Она попросила, чтобы я присмотрела за домом. Когда я увидела, как вы подъехали... ну, я вызвала полицию.

— Гм... — только и сказал Миллер.

— Но как же вы можете находиться и в больнице, и здесь? — спросила миссис Аткинсон.

— Да, это уж точно проблема, — ошеломленно сказал Миллер.

Очевидно, произошла какая-то ошибка. Он не вполне понимал, как жена могла не узнать, что человек в больнице не Гарольд Миллер, за которым она была замужем, но это явно так и было.

— И в какой же я должен лежать в больнице? — спросил Миллер.

— В Пресвитерианском госпитале, — ответила миссис Аткинсон.

— И моя жена тоже там?

— Я... Я думаю, да. Она... туда поехала.

— Тогда я тоже поеду туда.

Убедить полицию, что произошла ошибка, оказалось не трудно. Он показал им водительские права. Затем сел в машину и помчался в госпиталь.

— Гарольд Миллер? — Регистраторша в окошечке посмотрела по журналу. — Палата семьсот тринадцать. Приемные часы — с трех до пяти.

Миллер поднялся на лифте. Но не попал в палату семьсот тринадцать. Точнее, попал не сразу.

Справа от лифта, откуда он вышел, находилось помещение, где члены семьи могли побеседовать с врачами. Когда Миллер проходил мимо, там как раз и проходила такая беседа. Там была его жена. И два его лучших друга, Эд Грофф и Джордж Клерборн, биохимики так же работающие в Фонде. Очевидно, подумал Миллер, они приехали в больницу навестить его и как раз разговаривали с его женой.

Миллер резко свернул и вошел в комнату.

— Всем привет, — сказал он.

Разговор тут же смолк. В комнате стало очень тихо. Клерборн бросил на него лишь короткий взгляд и отступил на пару шагов. Жена замерла на стуле. Она глядела прямо на его лицо, но Миллер мог бы держать пари, что она его не видела.

— Кто... Черт побери, кто вы такой? — спросил Клерборн.

— Гарольд Миллер, — буркнул Миллер.

Рут, его жена, поднялась со стула, не сводя с него взгляда. Клерборн отступил еще дальше, а Грофф, с видом человека, увидевшего привидение, но твердо решившего не бояться, напротив, порывисто шагнул вперед.

— Как мое имя? — спросил он.

— Эдвард Хаггинс Грофф, — ответил Миллер. — Тебе тридцать семь лет. Ты биохимик, ведущий исследования в области геронтологии. Женат, двое детей пяти и трех лет. Мальчик и девочка. Зовут их Роберт и Эллис.

Он рассмеялся. Ситуация была ему совершенно ясна, и Миллер увидел ее забавную сторону.

Клерборну, Гроффу и жене явно было нужно больше времени, чтобы увидеть то же самое. Жена облизнула мигом пересохшие губы.

— Если вы — Гарольд Миллер, то кто же лежит в палате семьсот тринадцать? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил Миллер. — Ты что, посчитала его мной?

— Да.

— Но как ты могла это сделать? У него же забинтовано лицо...

— Лицо у него не забинтовано. Идите, посмотрите на него, а потом скажите, что мне еще оставалось делать?

Лицо жены было напряженным. Даже шаги ее прозвучали напряженно, когда она прошла с ним в палату семьсот тринадцать.

Гарольд Миллер вошел внутрь. Там на кровати лежал пациент. Гарольд Миллер взглянул на него и снова испытал шок.

Пациент был точной копией его самого. Они были одинаковы, как две горошины в стручке, похожи, как два сосущих матку молочных поросенка. Цвет волос, глаза, лицо, нос — все было одинаково, руки, оттенок кожи и так далее. Возможно, они не были совершенно идентичны, но так походили друг на друга, что разницу могли выявить лишь очень скрупулезные исследования.

— Да чтобы я пропал! — сказал Гарольд Миллер.

Теперь он понял, как обманулась жена. Этот человек походил на него так, что мог бы одурачить и родного брата. Но даже если жену и обманула его внешность, то уж имена-то должны были отличаться.

— Кто... Кто вы? — срывающимся голосом спросил Миллер.

— Гарольд Миллер, — ответил пациент. — А вы кто?

ГЛАВА II

ГАРОЛЬД МИЛЛЕР еще раз испытал шок. Пациент не только походил на него, у него было и такое же имя. Неудивительно, что жена ошиблась.

Лежащий на кровати тоже выглядел потрясенным. Он уставился на Гарольда Миллера так, словно не мог поверить своим глазам, затем протер рукой глаза и снова вперился в него взглядом.

— Восхитительно! — выдохнул он. — Вы один из моих пра-пра-правнуков?

— Пра-пра-правнуков? — тупо повторил Гарольд Миллер. — Вот черт! — Он теперь понял, что чувствовал восьмилетний мальчишка, побежавший звать свою мать.

Он машинально попятился к стоящим в дверях жене, Гроффу и Клерборну.

– Ну, что я тебе говорила? – сказала жена, бледная и тяжело дышащая.

Ее «тебе» дало Миллеру надежду.

– Он спросил, не являюсь ли я его пра-пра-правнуком, – сказал он.

Даже их сходство и то, что у них одинаковые имена, не потрясло его больше, чем этот вопрос. Слова невольно вылетели из рта пораженного пациента. В подобной ситуации люди обычно говорят правду. Но как это может быть правдой?

В палате висела тишина. Пациент молча глядел на них. По его лицу было не трудно догадаться, что он уже пожалел, что не удержал рот на замке. Но теперь он наглухо закрылся.

Гарольд Миллер продолжал пятиться к выходу из палаты. Было чертовски страшно встретить человека, который не только походил на тебя, как брат-близнец, но и носил то же имя. Миллеру хотелось уйти. Ему нужно было время, чтобы все обдумать.

Эд Грофф тихонько закрыл дверь. Эд всегда принадлежал к тем, кто гоняется за призраками, а позже обнаруживает, что лучше бы он вместо этого просто занимался своей работой. Грофф подошел к кровати.

– Вы сказали «пра-пра-правнук»? – спросил он спокойным, рассудительным голосом.

Его голос показывал, что он задал вежливый вопрос и ожидал вежливого ответа.

Пациент выглядел смущенным. Он посмотрел на Гроффа, потом снова на Гарольда Миллера, открыл было рот, но тут же опять закрыл его, словно передумал.

– Уходите, – сказал он. – Мне чертовски больно. Убирайтесь отсюда!

– Но вы действительно сказали «пра-пра-правнук»? – настойчиво повторил вопрос Грофф. – Вы не выглядите старше, чем на тридцать.

– Внешность бывает обманчива, – сказал пациент, по-прежнему глядя не на Гроффа или кого-то другого, а только на Гарольда Миллера.

– Я знаю, что внешность бывает обманчива, – терпеливо сказал ему Грофф. – Сколько вам лет?

– А, черт, я уже и забыл, – ответил пациент. – Где-то девятьсот с хвостиком... – Он тут же понял, что снова проговорился, и лицо его напряглось. – Забудьте, что я вам сказал. Я безумен, не в своем

уме. Во время аварии я получил удар по голове, и мысли мои все еще путаются.

— Но разговариваете вы совершенно нормально, — сказал Эд Грофф. — Вот только говорите так, словно жалеете, что сказали правду.

— Н-ну...

— Как вам может быть более девятисот лет? — продолжал настаивать Грофф.

— Какого черта вы задаете мне все эти вопросы, — раздраженно спросил пациент, все более смущаясь. — Вы кто, репортер?

— Нет, ответил Грофф. — Я биохимик. Мы все биохимики, кроме миссис Миллер.

— А кто такой биохимик?

— Биохимик — это химик, который изучает химию живых организмов, клетки, органы и их продукцию. Он исследует живые процессы, изменения в живых организмах. Он исследует саму жизнь.

— Понятно, — сказал пациент.

Казалось, он задумался о собственных проблемах. Затем опять устремил взгляд на Гарольда Миллера, кивнул, словно утвердившись в увиденном, и повернулся к Эду Гроффу.

— Какое значение имеет мой возраст для биохимика? — голос его прозвучал вовсе не дружелюбно.

— Ну... — начал было Грофф и замолчал.

Ответ на этот вопрос потребовал бы долгих объяснений, которые ему не хотелось давать. Так же этот ответ потребовал бы рассказ о целях и методах геронтологии, и о Фонде, о котором еще больше не хотел говорить. Работы Фонда не являлись секретными, но и, по очевидным причинам, о них не писалось на первых страницах газет. Людей, работающих на Фонд, постоянно предупреждали, чтобы они держали рты на замке, и не потому, что Фонд был секретной организацией, а потому, что исследования, проводимые им, могли оказаться сильнее атомной бомбы. Неблагоразумная реклама, хотя бы намекнувшая, что Фонд решил проблему старения, могла привести к бедствиям. Если бы за границу просочились слухи, что они могут возвращать старикам молодость, то со всего мира сюда поехали бы старики. Сначала отдельные люди, затем тонкая струйка, поток и, наконец, неудержимая лавина. И если Фонд не сумел бы сделать их снова молодыми или хотя бы дать им несколько дополнительных лет жизни, то в результате было бы неизмеримое горе, горечь и отчаяние.

Все это пронеслось в голове Эда Гроффа, пока он молчал.

— Я понял, — сказал пациент. — Вы хотите, чтобы я доверял вам, но не хотите довериться мне.

— Но... — неуверенно возразил Грофф.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал пациент.

— Давайте я отвечу на ваши вопросы, — сказал Гарольд Миллер. — Ваш возраст мог бы иметь большое значение для биохимика. Если вы действительно так стары, как утверждаете, то были бы самым важным человеком в мире. — Грофф предостерегающе закашлял, но Миллер не обратил на него внимание. — Мы работаем в области геронтологии, — сказал он и стал рассказывать, какую важную роль химия играет в геронтологии, о целях и методах Фонда.

Пациент слушал с острым интересом. Гарольд Миллер говорил нетерпеливо, нетерпение было написано у него на лице, сквозило в жестикуляции.

Возможно, он слишком наивен. Никто не может прожить девятьсот лет. Сама наука еще не так стара. Проблема старости не могла быть решена до того, как возникла наука химия. Мог ли возникнуть такой долгожитель раньше, чем вообще начали изучать саму проблему старости? Он ведь должен был жить еще до рождения Ньютона, Роджера Бэкона, еще до того, как возник научный метод, как были изобретены первые приборы или хотя бы какие-то мысли об этом, не считая сказок.

И возможно ли, чтобы такой человек так вот просто разглашал правду о себе?

— Мы работаем над проблемами старости, — закончил Миллер. — Если вам действительно девятьсот лет, то вы можете нам помочь.

Воистину, только недостаток здравого смысла возродил в Гарольде Миллере надежду. Здравый смысл утверждал, что этот человек лжет или введен в заблуждение. Но Гарольд Миллер вопреки всему начал надеяться.

— Вы сказали правду? — спросил он и замолчал, ожидая ответа.

ПАЦИЕНТ ЛЕЖАЛ на кровати молча.

С улицы донесся далекий сигнал автомобильного рожка. Гарольд Миллер краем уха слышал, как в парке на другой стороне улицы подростки играли в мяч. А справа от них была площадка, где мужчины играли в гольф.

И хотя они ведают об этом не ведали, все эти водители на улице, дети, играющие в бейсбол и игроки в гольф, но они тоже ждали ответа от этого человека. Ждали и надеялись.

На губах пациента появилась чуть заметная усмешка.

– Я горжусь тобой, сынок, – сказал он. – Стоило прожить девяносто лет, чтобы услышать эту историю от человека, который должен быть одним из моих правнуков.

В палате стало очень тихо. За дверью прошелестели резиновые колеса, когда проехала больничная каталка. Вдали послышался звон пробирок. Эд Грофф, казалось, перестал дышать. Рут Миллер стояла, прислонившись спиной к стене, и лицо ее было бледнее этой стены, а взгляд перебегал с мужа на лежащего на кровати человека и обратно.

– Так вы говорили правду? – прошептал Гарольд Миллер.

Пациент кивнул.

История, которую они, в конечном итоге, услышали от него, началась в десятом веке нашей эры. Он родился в Дартмур Форест в Девоншире, у горы Йес Тор в Старой Англии. Он тогда не носил фамилии Миллер*. Он вообще получил это имя в 1086 году, когда в Англии появились составители Книги Судного Дня**, увидели мельницу и спросили имя мельника.

До этого у него было только имя Гарольд, которого ему вполне хватало. Так он и стал Гарольдом Миллером, и был записан в Книгу Судного Дня, как владелец восьми голов рогатого скота, восемнадцати свиней, пяти акров земли и одной водяной мельницы.

Следующие пятьсот лет он жил в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе. В Америку он приплыл в 1638 году на корабле «Роза». В то время туда уезжало много переселенцев. В различные времена был он кузнецом, котельщиком, матросом, хозяином китобойного судна, и множество раз фермером, или плантатором, как тогда называли фермеров. Он никогда не стремился слишком уж разбогатеть, и никогда не лез в политику или религию.

– Если вы становитесь слишком богатым, люди начинают завидовать вам, – объяснил он. – А в качестве политика или религиозного деятеля, вы слишком уж на виду.

Его существование всегда было связано с проблемой, чтобы жить незаметно, не привлекать к себе слишком много внимания. Большую часть жизни он провел в приграничных поселениях, на задворках Вирджинии, в Аппалачах в Кентукки, как раз в то время,

* Миллер – мельник (прим. перев.)

** Книга Судного Дня – книга с данными первой государственной всеанглийской переписи населения, проведённой в 1086 г. по повелению Вильгельма Завоевателя, содержит также земельный кадастр; название народное по ассоциации с книгой, по которой на Страшном Суде будут судить людей (прим. перев.).

когда те края стали называть «Темной, кровавой землей». Он жил там в 1849 году.

— Я там нашел золото, хотя и не очень много, — сказал он. — Но много я и не искал.

— И каким же боком я отношусь к этой истории? — спросил молодой Гарольд Миллер. — Вы сказали, что я должен быть одним из ваших пра-пра-правнуков? Это так?

— Наверное, — ответил пациент. — Мы так похожи, что просто должны быть кровными родственниками. Не думаю, что стоит сомневаться в том, что вы мой внук, хотя я не знаю, сколько «пра» нужно поставить впереди. Я думаю, вы принадлежите к линии, которую я породил вскоре после прибытия в эту страну. Я использовал тогда имя Миллер...

В каждом веке он менял свое имя и местожительства. Менял свою профессию, страну и начинал все сначала, уехав как можно дальше от прежнего дома. Иногда он женился и имел семью. Но с этим были проблемы. Жена старилась, а он — нет. Дети росли. Они никогда не наследовали его чудесную способность не стареть, так что наступало время — точнее, наступало бы, если бы он пустил все на самотек, — когда дети начали бы выглядеть старше его. И когда он замечал, что такой момент не за горами, он делал единственное, что мог — исчезал.

— Я всегда оставлял семью финансово обеспеченной. Через несколько лет они решали, что я умер, и забывали обо мне.

— Но разве легко было это пережить вашей жене и детям? — спросила Рут Миллер.

— Наверное, нет. Но дети росли, и я все равно становился им не нужен. А мои жены... Ну, когда они старели, наши пути так и так расходились. — В голосе его зазвучала печаль, словно ему не нравилась эта сторона его жизни.

— Но если вы уже пользовались этим именем, как так получилось, что вы снова оказались Гарольдом Миллером? — спросил Эд Грофф.

Клерборн стоял безмолвный и напряженный, не принимая участие в расспросах.

— Думаю, это произошло просто потому, что я забыл, что уже использовал это имя в этой стране, — ответил пациент. — У меня было столько имен, что трудно упомянуть все. Я не понимал, что происходит, пока вы не вошли в эту дверь, — закончил он, глядя на Гарольда Миллера. — Как только вы вошли, я тут же понял, что допустил ошибку и дважды использовал одно и то же имя, а так же наткнулся на одного из собственных внуков.

Была какая-то связанность в этой истории, обоснованность всех подробностей, что придавала ей достоверность. Эд Грофф кивал. Он даже перестал искать в ней бреши. Что же касается Гарольда Миллера, он уже принял за очевидный факт историю этого человека.

Он встретился со своим пра-пра-прадедом, человеком, которому больше девятист лет.

Стоя у стены, Клерборн внезапно откашлялся и впервые заговорил.

— И каким же образом вы не стареете? — спросил он.

Глава III

— **Я НЕ ЗНАЮ** ответа на этот вопрос, — сказал пациент. — Я пытался в этом разобраться, но ничего не получалось. Я не химик. Я только знаю, что сердце у меня бьется гораздо медленнее, чем у среднего человека: примерно сорок ударов в минуту вместо обычных семидесяти. Во мне есть что-то, что не дает мне стареть, но я понятия не имею, что именно.

— А как насчет болезней? — спросил Эд Грофф.

— Я переболел всеми, — фыркнул пациент. — Холера, сифилис, черная чума, сыпной тиф, дифтерия и пневмония, грипп... Но то, что во мне мешает стареть, оно не дает и болеть как следует. Сыпной тиф продолжался два дня, сифилис — день. С холерой было похуже, она уложила меня на целую неделю. Думаю, я неуязвим для большинства болезней, так как переболел уже всем.

— Значит, вы не делаете ничего, чтобы не стареть, — сказал Гарольд Миллер.

— Не делаю, — был получен ответ. — У меня было долгое младенчество и затяжное детство. Я не становился зрелым мужчиной лет до сорока. Что бы там не давало мне стареть, это что-то врожденное.

— Тогда вы — настоящая биологическая мутация, — заявил Гарольд Миллер.

Была лишь одна возможность решения проблемы старения до возникновения науки, и решена она была не людьми, а самой природой. В результате случайной комбинации генов, природа могла произвести человека, стареющего значительно медленнее обычных людей. Это и было решение, которое имел в виду Миллер, когда понял, что пациент говорит правду. Вероятно, это могло происходить не чаще, чем раз на миллиард рождений, но *могло*.

Может ли человек обнаружить все, что делает природа, может ли человеческий разум проникнуть во все секреты естественных процессов? Вся научная деятельность основывается на убеждении, что может.

Гарольд Миллер хотел было что-то сказать, но передумал. Вопрос этот был так важен, что он не знал, хочет ли задать его.

— Будете ли... — На секунду он заколебался, затем продолжал: — Вы поможете нам? Позвольте нам исследовать вас? Позвольте нам попытаться узнать, почему вы не стареете?

— На самом деле я все же старею, — поправил его пациент. — За каждые тридцать лет жизни я старею примерно на год, по моим прикидкам.

— Но...

— Я прожил уже так долго, что могу и дальше жить подобным образом, — перебил его пациент. — Да. Я помогу вам, чем смогу. Но с одним условием.

— Все, что скажете, — воскликнул Гарольд Миллер.

Он был слишком взволнован, чтобы мыслить ясно. Здесь, у них на руках, был единственный на Земле человек, который мог бы решить все их исследовательские проблемы. Тщательное, полное исследование этого пациента могло бы раскрыть один из наиболее охраняемых законов природы.

— Какое у вас условие?

— Вы будете держать в тайне правду обо мне. Вы не расскажете никому — и я имею в виду, вообще *никому*, — кто я такой.

— Обещаем, — ответили друзья в унисон.

— Тогда я помогу вам, — сказал пациент.

ОНИ ЗАБРАЛИ его из больницы в тот же день, несмотря на протесты молодого врача, который волновался по поводу слишком медленного сердцебиения и настаивал, что с этим нужно что-то делать. Гарольд и Рут Миллер отвезли пациента к себе домой. Поскольку он и Гарольд были так похожи друг на друга, и к тому же носили одинаковые имена, они решили представить его своим друзьям и сотрудникам Фонда, как кузена.

— Человеку в моем положении приходится научиться хранить свои тайны, — объяснил он. — Никакой рекламы. Нельзя никого посвящать в эту тайну, кроме тех, кто уже знает ее.

По тону его можно было подумать, что он полагал, что уже слишком много людей знают его секрет.

В доме Миллера его поместили в комнате для гостей. Рут Миллер обнаружила, что его присутствие породила тревожащую ее проблему.

— Я должна попросить тебя сосать мятные конфетки, — заявила она мужу.

— Зачем? — не понял он.

– Затем, чтобы я могла различать вас в темноте, – ответила жена.

– О, он не сделает ничего подобного! – дошло до Миллера.

– Откуда ты это знаешь? Он ведь живой мужчина, не так ли? – Этим она намекнула, что мужчина способен на все, что угодно.

Впервые Гарольд Миллер понял, что, с ее точки зрения, ситуация могла стать не такой уж идеальной.

– Мы придумаем пароль, – решил он. – Что-то вроде Джек Фрост. Ты говоришь: «Джек», и если я не отвечу: «Фрост», ты непустишь меня в спальню.

– А что, если он подслушает пароль?

– Если он подслушает, мы просто изменим его.

– Когда? *После?*

– Ты делаешь из мухи слона. Этот человек очень важен. Будь же благодарна.

– Для меня важно знать, кто спит со мной, – ответила Рут.

Но страхи ее оказались необоснованными. Старый Гарольд, кроме всего прочего, оказался истинным джентльменом. Живя вместе с ними, казалось, он чувствовал, что обрел настоящую семью. Молодой Гарольд понял, что этот человек невероятно одинок.

В биохимической лаборатории Фонда они начали свои тесты. По Фонду всегда бродили какие-то странные личности. И Старый Гарольд был принят остальным штатом, как один из таких. Он охотно сотрудничал со всеми. Он не только перестал быть одиноким, но впервые в жизни нашел людей, с которыми мог откровенно говорить, людей, которые поняли его и не стали поднимать на смех. Грофф хотел делать записи всего, о чем он рассказывал, и утверждал, что так можно раскрыть много загадок истории. Клерборн насмехался над этой идеей.

– Мы *создаем* историю. К черту загадки седой старины! – Клерборн, маленький человек с каким-то ущемленным личиком, был талантливым биохимиком, но чувствовал себя постоянно подавленным, хотя и старался побороть это ощущение. – Просто подумай, если мы сможем раскрыть эту загадку, впереди нас ждут миллионы! Миллиарды! – Он сощурился при мысли об этом и замолчал.

– Если вы собираетесь делать на мне деньги, то я пас, – заявил Старый Гарольд.

– Но почему? – вызывающе бросил Клерборн. – Деньги очень важны.

По тону его было понятно, что он считал деньги самым важным из всего существующего.

– Несомненно, их должно быть достаточно, чтобы хватило на прожитие, – ответил Старый Гарольд. – Но я много раз видел, как

люди ломают себе жизнь, становясь слишком жадными или стремясь получить денег больше, чем им было нужно.

— Я тоже такого мнения, — поддержал его Молодой Гарольд. — Мы работаем здесь не за деньги, мы работаем ради Рода Человеческого. Если мы сумеем овладеть процессом замедления старения, это должно быть доступно всем людям, независимо от их расы, цвета кожи или общественного положения.

— Да вы оба просто сентиментальные идеалисты, — заявил Клерборн.

— Лучше пусть меня с благодарностью вспоминает хотя бы один человек, чем я буду иметь миллион долларов, — заявил Старый Гарольд. — Я не стану помогать вам разбогатеть. Да я бы сто раз уже мог разбогатеть, если бы захотел!

В этом он был непреклонен. Клерборн больше ничего не говорил на данную тему.

РАБОТА НАЧАЛАСЬ и продолжалась.

Они вчетвером образовали особую группу. Формально они входили в более многочисленную команду Фонда, большую часть работ которой финансировал человек по имени Моргеншталь. И как-то Моргеншталь посетил их. Он вошел в биохимическую лабораторию внезапно, сопровождаемый доктором Клакстоном, директором по научно-исследовательской работе Фонда. Молодой Гарольд поднял взгляд от микроскопа, где изучал образец крови, и увидел обоих, стоящих в дверях. Старый Гарольд сидел тут же. Они только что взяли у него очередной образец крови для анализа. Они так часто делали это, что он шутил, что они должны построить ему в руку застужку-молнию, чтобы проще было вскрывать вену. Клерборн и Грофф работали с центрифугой.

— У нас гости, — сказал сидящий Старый Гарольд.

Голос его был тихим, но в нем крылось предупреждение, словно он уже видел когда-то и не любил этих людей.

Моргеншталь стоял в дверях. Ему было лет шестьдесят пять, и на его лице начали появляться серые пятна, отмечающие появление старости, носил он темные очки и опирался на тросточку. Он стоил больше миллионов долларов, чем было в нем фунтов весу, источником его богатств была нефть, и, по слухам, его не волновало, как он получил свои деньги, главное — он их имел. За последние несколько лет он заслужил репутацию филантропа. **МОРГЕНШТАЛЬ ЖЕРТВУЕТ ЕЩЕ ОДИН МИЛЛИОН НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬ-НОСТЬ** — захлебывались все газеты. Недоброжелатели же шепта-

лись по углам, что этими деньгами он купил себе известность доброго филантропа.

Громадные суммы он пожертвовал Фонду, и наносил им регулярные визиты. Поскольку они тратили его деньги, то Моргеншталь утверждал, что имеет право удостовериться, что деньги тратятся с умом. И вот теперь его взгляд сфокусировался на Старом Гарольде.

— Дэнби! — сказал Моргеншталь, и лицо его побледнело.

Старый Гарольд колебался почти секунду.

— Дэнби? — спросил он, наконец. — Никогда не слышал ни о ком с таким именем.

Моргеншталь продолжал глядеть на него.

— Я никогда не забываю лиц.

— Наверное, вы ошиблись, сэр, — вмешался директор. — Это Гарольд Миллер, кузен нашего Гарольда Миллера. Вы можете отметить их сильное семейное сходство друг с другом.

— Отметил, — сказал Моргеншталь. — И я также отметил сильное сходство этого человека с Джорджем Дэнби. — Голос его стал хриплым, на виске запульсировала вена.

Старый Гарольд сидел с самым беспечным видом.

— А когда вы были знакомы с этим Дэнби? — спросил он.

— Сорок лет назад. Мы тогда были совсем молодыми, — ответил Моргеншталь и ткнул тросточкой в колено Старого Гарольда. — Вы похожи на него. Думаю, вы и есть Дэнби. — И он снова ткнул в него тросточкой, словно хотел убедиться, что перед ним настоящий человек.

Старый Гарольд убрал колено, по лицу его пошли красные пятна.

— Лучше суньте свою трость по известному адресу, — сказал он со скрытым предостережением в голосе.

ВОЗМОЖНО, МОРГЕНШТАЛЮ не понравилось это предупреждение. Возможно, ему вообще не нравилось, когда кто-либо ему перечил. Возможно, его вообще не заботили чьи-либо чувства, кроме его собственных. И уж наверняка ему не понравилось упоминание об известном адресе.

— Так вы Дэнби? — спросил он.

— Сколько вы украли у него? — спросил вдруг Старый Гарольд.

Моргеншталь застыл. Глядя на него, молодой Гарольд Миллер подумал, что миллионера вот-вот хватит кондрашка. Руки у него затряслись, лицо принялось багроветь. Директор Клакстон выглядел не намного лучше миллионера. Челюсть у него отвисла, глаза вылезли из орбит. В биохимической лаборатории стало очень тихо. Еле слышно гудела центрифуга, но больше не было ни звука.

– Прошу прощения!.. – начал было Моргеншталь.

– Наверное, впервые в жизни вы у кого-то попросили прощения за свои дурные манеры, – тут же перебил его Старый Гарольд.

– Я пришел сюда не для того, чтобы меня оскорбляли! – сказал Моргеншталь.

Голос его походил на жужжание электропилы, распиливающей суковатое бревно.

– Я тоже пришел сюда не за тем, чтобы в меня тыкали тростью, – парировал Старый Гарольд.

– Джентльмены, джентльмены... – засуетился директор.

– Если вы его называете джентльменом, то избавьте меня от такой чести, – отрезал Старый Гарольд, в упор глядя на Моргеншталь.

– Прошу прощения... – прохрипел тот.

– Дважды за утро, как нарочно. Это уже действительно рекорд, – снова перебил его Старый Гарольд и усмехнулся.

Естественно, Моргеншталь тут же махнул в его сторону тростью.

– Уволить этого человека!

Всю жизнь он решал проблемы, увольняя кого-то. Если клерк был недостаточно расторопен – пусть пеняет на себя. Если бухгалтер допустил ошибку – немедленно избавиться от него. Если Старый Гарольд посмел разговаривать с ним непочтительно – гнать его в три шеи из Фонда!

– Да, сэр! – вытянулся в струнку вконец обезумевший директор.

Если все тут мгновенно не урегулировать, то Моргеншталь может лишить Фонд своей поддержки.

– Трудненько будет меня уволить, – хмыкнул Старый Гарольд.

– Это еще почему? – рявкнул Моргеншталь.

– Да меня никто и не нанимал. Я добровольно пожертвовал свое время и себя самого. А вы что пожертвовали – деньги?

Судя по тону Старого Гарольда, Моргеншталь со всеми своими миллионами не стоил и плевка на улице.

Стало похоже, что Моргеншталь вот-вот окончательно задохнется.

– Да вы знаете, с кем говорите? – просипел он.

– Черт, конечно, знаю, что говорю с крупнейшим вором, которого почему-то еще не вздернули, – ответил Старый Гарольд, и в словах его почудилась горечь. – Я знаю, что вы... Я имею в виду: видал ваши фотки в газетах достаточно часто, чтобы узнать вас, даже если бы встретил вас в аду.

– Это клевета! Преступление! Я свяжусь со своими адвокатами...

– Чтобы вчинить мне иск за диффамацию вашей чести и достоинства? – спросил Старый Гарольд. – Валяйте. Но прежде, чем они

смогут доказать, что я действительно опорочил вашу честь и достоинство, им придется сперва доказать, что у вас вообще есть эти самые честь и достоинство, которые можно опорочить. Из того, что я слышал о вас, следует, что все стряпчие по темным делишкам будут три года вкалывать, не разгибая спины, чтобы хоть как-то залатать ваш испоганенный образ.

Тут уж директору удалось кое-как вытащить Моргенштала из лаборатории. Он ушел, плюясь, ругаясь самыми грязными словами и клянясь отомстить.

Он ушел, а испуганная тишина осталась.

— Не нужно было так разговаривать с ним, — тихо сказал, наконец, Молодой Гарольд, который в душе сердечно приветствовал каждое слово Старого Гарольда. — Нам нужны его деньги.

— Конечно, конечно. Поскольку я оскорбил его, он станет угрожать прекратить пожертвования Фонду. Но не прекратит. А знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что он не жертвует свои деньги, он тратит их на надежду, что вы тут найдете какой-то способ сделать его снова молодым. Своими деньгами он пытается купить себе жизнь.

— Кажется, вы многое знаете о нем, — заметил Клерборн.

— Да, кое-что, и ничего хорошего.

— Но откуда вы о нем знаете?

— Он был не так уж неправ, — неразборчиво проворчал Старый Гарольд, — думая, что узнал меня. Я действительно был разок Джорджем Дэнби. Откуда бы я о нем знаю? Сорок лет назад я был вместе с ним в нефтяном бизнесе. Он обманул и разорил меня. Вот откуда я о нем знаю. — Его лицо на мгновение выразило гнев, который тут же исчез. — Ладно, какое теперь это имеет значение? Он заграбастал деньги, которых жаждал. И много пользы это ему принесло? Я не завидую ему ни на цент.

Он замолчал, потому что распахнулась дверь. В лабораторию ворвался директор Клакстон. Лицо у него было багровым, и он пыхтел, как паровоз.

— Коллеги, я стараюсь быть хорошим парнем. Я пытаюсь сделать вас всех счастливыми. Но для работы Фонду требуются деньги, много денег. Да, я признаю, что, как и вы, презираю Моргенштала — он напыщенный, властный тиран... Но он нам нужен. И, учитывая это, у вас нет оправданий за преднамеренное хамство. — Взгляд его остановился на Старом Гарольде. — Мне очень жаль, но я оказался перед необходимостью просить вас уйти. И, пожалуйста, не надо спорить.

Он взмахнул рукой, сокрушенно покачал головой и тихонько закрыл за собой дверь.

ГЛАВА IV

— **ДЖОРДЖ – ХОРОШИЙ** парень, — сказал Старый Гарольд. — Ему очень не хотелось выгонять меня. Но он был вынужден это сделать. Ну, ладно, признаю, что я наговорил много лишнего.

— Но вы нам нужны. Мы не можем просто так отпустить вас, — чуть ли не хором воскликнули Клерберн, Грофф и Молодой Гарольд.

Старый Гарольд усмехнулся.

— Я ведь не сказал, что уезжаю, верно? Я просто должен избегать лаборатории. И чтобы защитить тебя, сынок, мне нужно переселиться в отель. Так что вы ежедневно можете навещать меня, и никто и слова не скажет против. Можете задавать любые вопросы, какие хотите, брать кровь на анализы, делать рентген и все такое прочее. Нужен кто-то поважнее Моргеншталя, чтобы одолеть обоих Гарольдов Миллеров. — И он усмехнулся.

В этот же день он переселился из гостевой комнаты в доме Гарольда Миллера в небольшой отель. На следующий день биохимическая лаборатория продолжала работать, как обычно. В середине дня снова пришел директор. Если прежде он был взволнован, то теперь находился в настоящем бешенстве.

— Мистер Моргеншталь сидит сейчас в моем кабинете, — сказал он.

— Скажите, пусть он идет и проветрит свои мозги, — отозвался Эд Грофф. — Что ему нужно на этот раз? Мы выполнили ваше распоряжение и избавились от человека, который ему не понравился.

— Боюсь, что дело гораздо серьезнее, — ответил директор. — Мистер Моргеншталь убежден, что ваш кузен — некто, кого он называет Джорджем Дэнби, которого он хорошо знал много лет назад. — И он вопросительно взглянул на Миллера.

— Вот как? — спросил Миллер.

По условию, поставленному Старым Гарольдом, они не раскрыли директору правды. И теперь тоже не могли сделать этого, не обманув доверие Старого Гарольда.

Директор облизнул губы.

— Боюсь, вы не понимаете всей проблемы. Он думает, что ваш кузен — это Джордж Дэнби. Дэнби должен быть уже стариком. Но этого не случилось. Из этого Моргеншталь сделал логический вывод, что мы поработали с Дэнби и нашли метод омолаживать людей.

– Скажите ему, – медленно проговорил Грофф в последующей тишине, – что он просто спятил.

– А вы когда-нибудь пробовали сказать человеку стоимостью в сорок миллионов долларов что-то, чему он не хочет верить? – спросил директор. – Он *хочет* считать, что ваш кузен – Джордж Дэнби. А если это так, то верно и то, что мы обнаружили способ делать человека снова молодым. Моргеншталь хочет этому верить больше, чем чему-либо еще на Земле.

– Скажите ему очень вежливо, что он ошибается, – сказал Гарольд Миллер. – Скажите, что, если мы добьемся успеха, он будет первым, который узнает об этом.

– Я уже говорил ему это, – ответил директор. – Но он не успокоился. Он твердо убежден, что ваш кузен – Джордж Дэнби. Он так уверен в этом, что даже у меня начали возникать сомнения. – Клакстон пристально взглянул на Гарольда Миллера. – Моргеншталь утверждает, что мы скрываем от него этот метод. Я знаю, что это бессмыслица. Я ничего не скрываю от него. А *вы* ничего не скрываете от меня?

– Что?..

После этого слова, произнесенного Миллером, в лаборатории стало очень тихо. Грофф и Клерборн молчали.

– Кто этот человек, которого вы представили мне вашим кузеном? – продолжал директор.

– Н-ну...

Очевидно, лицо Миллера выдало его, потому что директор продолжал:

– Значит, вы все же что-то скрываете от меня!

– Я этого не говорил.

– Может, и не говорили, но выражение вашего лица все сказало за вас. Что происходит, Миллер? Я имею право знать.

– Я не могу сказать вам, – ответил Гарольд Миллер.

– Я имею право знать, – повторил директор.

Он не кричал, не махал руками. Он не угрожал и не упрасивал. Он говорил уверенно, спокойно и тихо. Гарольд Миллер съежился. Это было труднее вынести, чем вспышку директорского гнева.

– Я рассказал бы вам, если бы мог. Кое-что происходит, практически, мы гораздо ближе к цели, чем когда-либо.

– Что?!

Миллер кивнул.

– Чего вы добились?

– Это не мой секрет. Но я обещаю вам, что, если у нас все получится, вы будете первым человеком, которому мы все расскажем.

– Боже! – Глаза директора вспыхнули. – Вы хотите сказать, что близки к решению этой задачи?

– Пока еще нет, но, думаю, будем. Мы только начали работать над этим.

– И этот человек, ваш кузен, замешан в этом?

– Да.

– И вы не можете сказать мне, что это?

– Нет.

По директорскому лицу было видно, что он пытается принять какое-то решение.

– Ладно, – медленно проговорил он. – Я уважаю ваше право на тайну, но...

Его глаза снова вспыхнули. Он развернулся и ушел, хлопнув дверью.

– Вот теперь мы в дерьме, – глухо сказал Клерборн. – Он спустит на нас всех собак.

– Не думаю, – покачал головой Миллер.

Через десять минут дверь снова открылась, и вошел директор. Он тяжело дышал и на ходу снимал пиджак. Потом снял белый лабораторный халат, висевший на вешалке на стене.

– Не знаю, что у вас есть, парни, или что вы делаете, но я приму в этом участие.

– Что?

Директор энергично кивнул.

– С этого времени администрированием будет заниматься кто-нибудь другой. Да пусть ею занимается хоть ООН! Я возвращаюсь к исследовательской работе. Я с вами. Я дам вам любую клятву хранить тайну, какую вы потребуете от меня. Я сохраню ваш секрет, чего бы мне это не стоило, но я работал над этим в течение многих лет, и никто не помешает мне вернуться в науку.

Он говорил это, как человек, который точно знает, что говорит, и имеет в виду именно то, что говорит. Все трое уставились на него с недоверием.

– А как же Моргеншталь? – спросил Гарольд Миллер.

– К черту Моргеншталя! Я просто выставил его через парадную дверь!

Все трое биохимика глядели на него широко раскрытыми глазами.

– Вы имеете в виду, в буквальном смысле слова? – спросил, наконец, Миллер. – Вы вытолкали его из дверей?

– Я даже ушиб ногу на заключительной стадии. Ну что вы смотрите на меня, как три старые девы, попавшие на пляж nudистов?

В глубине души я уже много лет хотел дать Моргеншталю хорошего пинка под зад. И, наконец, сделал это. Давайте, парни, рассказывайте, что у вас есть. С этого момента я работаю с вами в лаборатории.

Оставшуюся часть дня они потратили, рассказывая ему все, что он хотел знать. Директор слушал, задавал вопросы, то кивал, то качал головой.

– Это невозможно. Но, раз вы говорите, это действительно произошло. И действительно, если направление нашей работы было верно, то что-то подобное должно было произойти с кем-то. Существует один шанс на миллиарды, что возникнет мутация, в результате которой человек станет стареть гораздо медленнее. Но то, что именно мы наткнулись на такого человека и можем использовать его для опытов, слишком уж хорошо, чтобы быть правдой. – Биохимики только поражались переменам, происшедшим в их директоре. – Нам нужен этот человек, Гарольд Миллер, Джордж Дэнби или как там его зовут. Пусть он придет сюда завтра с утра, чтобы исследования продолжались.

– А что будет с Моргеншталем?

– Да черт с ним! Он может забирать свои деньги и катиться ко всем чертям свинячьим! – Директор усмехнулся. – Главное, завтра утром верните сюда Гарольда Миллера. Он куда важнее, чем все Моргенштали на Земле.

Молодой Гарольд тут же позвонил Старому Гарольду, чтобы сообщить прекрасные новости.

– Хорошо, – ответил Старый Гарольд. – Заезжай за мной завтра утром. Я буду ждать тебя в вестибюле отеля.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро Гарольд зашел в отель. Старого Гарольда там не было. На звонок в номер никто не ответил. Ощущая неопределенную тревогу, хотя сам еще не зная, почему, Гарольд вместе с портье пошел в номер.

Но Старого Гарольда не было и там.

Служащий ничего не знал о нем, никаких сообщений он не оставлял. Молодой Гарольд тут же позвонил в лабораторию Фонда, очень надеясь, что Старый Гарольд сам приехал туда. Может, он просто рано поднялся?

Он там не появлялся.

– Может, он... гм-м... нашел себе подружку? – предположил Клерборн.

Они прождали все утро, все больше и больше волнуясь. Ничего. Прошел день. Никаких известий. Они продолжали названивать в

отель, но безрезультатно. На следующее утро он тоже не вернулся. В отеле его не видели и ничего не знали о нем.

Молодой Гарольд пошел в полицию, в отдел по розыску пропавших. Там его отнюдь не успокоили. Безразличный сержант записал приметы исчезнувшего, проверил, не замешан ли тот в каких преступлениях, и сказал, что полиция приложит все усилия.

Молодой Гарольд подумал о том, сколько уже раз в прошлом подобные отделы безрезультатно разыскивали Гарольда Миллера? И не находили. Ему вдруг пришло в голову, что Старый Гарольд был настоящим экспертом в исчезновениях и смене личности.

— Вы считаете, что он уехал добровольно? — продолжал расспросы сержант.

— Да.

— А он в самом деле ваш...

— Кузен.

— Он остался вам что-либо должен?

— Нет.

Сержант пожал плечами.

— Мы объявим его в розыск.

Неужели Старый Гарольд скрылся добровольно? Выйдя из отделения полиции, Молодой Гарольд думал над этим вопросом. Старик, казалось, горел нетерпением помочь им. Он знал, насколько важны их исследования. И при таких обстоятельствах ему не было никакого смысла никуда уезжать, даже не попрощавшись.

— Но из рассказанной им истории следует, что у него вошло в привычку внезапно исчезать, ничего не говоря даже ближайшим друзьям, — сказал в лаборатории Клерборн. — И еще одно: он наверняка многого не рассказал о себе. Может, он не в ладах с законом. Мы же ничего не знаем о нем, кроме как с его слов. Фактически, он может оказаться беглым убийцей.

— Я в это не верю, — горячо возразил Молодой Гарольд. — Он не убийца, он самый честный из всех, кого я видел.

— А сколько ты встречал по-настоящему честных людей? — язвительно бросил Клерборн.

— Не думаю, что он скрывается, и не читаю его преступником, — сказал Молодой Гарольд. — Мне кажется, он угодил в какую-то беду, и мы должны ему помочь.

— Сначала нужно еще найти его, — покачал головой Клерборн. — Мне почему-то кажется, что на это потребуется немало времени.

По крайней мере, в этом отношении Клерборн оказался хорошим пророком. Прошла неделя. Старый Гарольд так и не объявился, и от него не было никаких вестей. Молодой Гарольд с каждым днем

нервничал все больше, все время ждал телефонного звонка, который не звонил, телеграммы или записки, которая не приходила. Директор молча сходил с ума. Каждый день Молодой Гарольд заглядывал в отель, очень надеясь, что услышит там что-то новенькое. Но там никто ничего не знал. Багаж оставался в номере. Гарольд тщательно обыскал его и ничего не нашел. Машина Старого Гарольда, поврежденная в аварии, в результате которой тот и угодил в больницу, была починена. Из гаража, занимавшегося этим, позвонили узнать, куда ее нужно пригнать. Значит, Старый Гарольд не забрал свою машину. И не взял свою одежду. Что же случилось?

А может, его похитил Моргеншталь? Когда эта мысль пришла в голову Молодому Гарольду, он решил, что наконец-то напал на след. Насколько он знал, Моргеншталь был единственным на Земле, у кого мог быть повод для похищения старика. Моргеншталь, считавший, что Старый Гарольд был Джорджем Дэнби, мог похитить его, чтобы узнать, как тот сумел снова стать молодым.

Миллионеры обычно не похищают людей и стараются не нарушать законы, но Моргеншталь был законом сам для себя. Несомненно, он отчаянно хотел жить, и готов был заплатить за это любую цену.

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ, возвращаясь пешком из отеля, Молодой Гарольд не заметил, как его нагнали двое мужчин.

– Мистер Миллер? – спросил один из них.

Он был невысокий, но крепкий, с мощными плечами и длинными руками. Синий пиджак он держал перекинутым через руку. Рубашка была белой, но ворот расстегнут, открывая волосатую грудь. Лицо у него было округлым и тяжелым.

– Да, – ответил Молодой Гарольд, даже не взглянув на спросившего.

И тут же почувствовал, что слева от него появился второй.

Тот, что слева, был худым, с язвительным лицом. Шагал он как-то бережно, словно кругом на земле лежали яйца, и он боялся раздавить хоть одно. Пиджак был на нем. Глядя прямо вперед, он все же бросал на Миллера косые взгляды.

– Вы что-то хотите? – спросил Гарольд Миллер.

– Да, – ответил тот, что справа. – Мы хотим, чтобы вы проехали с нами.

Он сделал короткое движение правой рукой, на которой висел пиджак, и из его складок показалось круглое дуло пистолета.

– Успокойтесь, – сказал Синий Пиджак. – Просто не делайте глупостей. С вами хотят поговорить...

При виде оружия, по спине Миллера прокатилась волна холода.

– Кто... Кто вы? Чего вам нужно?

– Я сказал, успокойтесь. С вами хотят поговорить. Просто делайте, что вам велят, и вам не причинят вреда. А станете дергаться, получите пулю в живот.

Его усадили на заднее сидение невзрачного «седана». Худощавый, с изящной походкой, сел за руль. Машиной он управлял столь же изящно, тщательно соблюдая все правила движения. Синий Пиджак сидел на заднем сидении рядом с Миллером. Пиджак по-прежнему он держал на руке, скрывая оружие, и жевал незажженную сигару.

– Но что вы хотите сделать со мной? Я не могу заплатить выкуп. У меня нет денег. У меня ничего нет.

– С вами хотят поговорить, – монотонно повторил Синий Пиджак.

Миллеру это похищение показалось вообще бессмысленным. Врагов у него не было, денег, разумеется, тоже. Жена могла бы наскрести несколько тысяч долларов на выкуп, но это – предел. Что они хотели от него? Кто они? И кто тот человек, который возжелал поговорить с ним?

Постепенно, вкрадчиво наступили сумерки. Машина бесцельно моталась по улицам, словно его похитители чего-то ожидали. Миллер следил из окошка, пытаясь определить, где они колятся. Они явно сделали ошибку, позволив ему увидеть слишком много. Сумерки превратились в темноту. Зажглись уличные фонари.

– Ну? – буркнул водитель.

Синий Пиджак что-то согласно проворчал. Машина свернула в переулок и снизила скорость.

– Я сейчас ослеплю вас, – услышал Миллер голос Синего Пиджака.

– Что?! – дернулся он.

– Завяжу вам глаза.

– Но...

– Я могу вырубить вас, если вякнете хоть слово, – ровным голосом сказал Синий Пиджак. – Подумайте сами, как вы хотите, получить удар по голове или без него обойдетесь?

– Да ладно, – сказал Миллер.

Он понимал, что совершенно беспомощен. Машина была двухдверным седаном. Чтобы выйти из нее, нужно было поднять переднее сидение. Если бы он попытался сделать это, то Синий Пиджак сто раз бы успел огреть его рукояткой пистолета. Поэтому он подчинился. На глаза легла плотная повязка. После этого они ехали, казалось, много часов. Миллер потерял всякую ориентировку.

Наверняка он мог лишь сказать, что они выехали из города. Когда машина, наконец, остановилась, он услышал кваканье лягушек в каком-то водоеме поблизости. Придерживая за руки, похитители вывели Миллера из машины и провели через дверь куда-то, где воздух был влажным, и тянуло плесенью. Звуки отдавались здесь гулким эхо. Затем они прошли еще через какую-то дверь, и, наконец, с него сняли повязку.

Он был в небольшом помещении. Единственная лампа за металлической решеткой на потолке, бросала вниз тусклый свет. Стены и пол были бетонные. В углу комнаты стояла раскладушка.

— Сядьте и успокойтесь, — сказал Синий Пиджак. — Человек, который хочет поговорить с вами, придет через несколько минут.

Они оба вышли. Когда дверь закрывалась за ними, Миллер успел заметить, что она металлическая. Он услышал лязг задвигающегося снаружи тяжелого засова.

Он оказался один в небольшой комнатке, очень уж напоминающей камеру.

ГЛАВА V

ЗАГРЕМЕЛ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ засов, дверь открылась. Миллер поднял голову.

Вошедший был одет хорошо, со вкусом. Миллер видел сотни таких, выглядевших не блестяще, но чистенько и аккуратно. Профессора, исследователи, химики, физики, адвокаты, у которых было мало клиентов, врачи, которым не доставало пациентов. У него были темные волосы и оттопыренные уши. Вот и все, что мог сказать о нем Миллер. И ничего больше.

На лице у вошедшего была тонкая, резиновая маска с Хэллоуина, делая его похожим на усмехающегося гнома.

— Не удивляйтесь маске, — сказал Гном. — Я не хочу, чтобы вы могли меня впоследствии опознать.

— Не в упрек вам, — ответил Миллер, — но похищение — серьезное преступление, особенно если в нем принимает участие ФБР.

— ФБР тут ни при чем, — ответил Гном. — Ни Бюро, ни другие органы правопорядка. Напротив, я думаю, вы не станете спорить и согласитесь, что приехали сюда по своей доброй воле. — Он подчеркнул последние слова, словно они действительно были очень важны.

— Что же заставляет вас рассчитывать на мое согласие о добровольном приезде? — спросил Миллер.

— Сто тысяч долларов, — ответил Гном.

— Сто ты... — Миллер осекся, столько денег ему было бы не заработать и за всю жизнь. — Только за то, чтобы я подтвердил, что добровольно приехал сюда?

— За это и за сотрудничество.

— Гм-м... И чью же глотку я должен перерезать для вас?

— Не надо резать ничью глотку, — торопливо, даже излишне торопливо сказал Гном. — Никто никому не причинит вреда, особенно вам. — Голос у него был самым решительным.

— Что же вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Миллер.

— Я хочу, чтобы вы подробно рассказали о методе, при помощи которого вернули себе молодость, — спокойно ответил Гном.

— Что?! — совсем не так спокойно воскликнул Миллер.

— Этот метод уже не раз делал вас снова молодым, — сообщил Гном.

— Но...

Это было уже полной чушью. Не знал он никакого метода. По крайней мере, пока. Хотя ему хотелось бы думать, что, в результате, он все же добьется результатов.

— Кем же вы меня считаете?

— Я знаю, кто вы, — ответил Гном. — Вы Джордж Дэнби, превратившийся в Гарольда Миллера.

— М-м... — промычал Гарольд Миллер и расхохотался, ему стало все ясно, кристально ясно. — Вы взяли не того человека.

— О чем вы говорите? — с угрозой в голосе рявкнул Гном.

— Существует два Гарольда Миллера. Мы так похожи, что можем одурачить даже мою жену. Ваши ослы допустили ошибку, и у вас теперь не тот Миллер. Можете доложить Моргеншталю, что ему следует быть более внимательным при выборе головорезов, чтобы они похищали того, кого нужно.

— Что? — переспросил Гном так, словно плохо расслышал.

Миллер повторил то, что сказал. Слово в слово. На этот раз до Гнома дошло. На мгновение он застыл, словно потрясенный, но тут же восстановил самообладание.

— О ком вы говорите? — в голосе Гнома зазвучали ледяные нотки.

— О том, кто послал вас, — сказал Миллер.

Ему вдруг пришло в голову, что он сам и есть тот осел, который сделал ошибку.

За этими людьми, наверняка, стоял Моргеншталь. Ясно, что миллионер не станет сам преступать законы и похищать людей, но он достаточно богат, чтобы, не моргнув глазом, предложить сто тысяч за сотрудничество. Кроме того, он был единственным человеком с большими деньгами, кто знал наверняка, что Старый Гарольд

и Джордж Дэнби – один и тот же человек. Еще это знали Грофф, Клерборн и Клакстон, но с них автоматически снимались подозрения из-за денег, которые предложил Миллеру Гном. Да, за этим похищением мог стоять только Моргеншталь.

Гном внимательно глядел на него. В прорезях маски блестели глаза, но Миллер не мог судить об их цвете или выражении.

– Вы должны быть Джорджем Дэнби, – заговорил, наконец, Гном. – Мне не хотелось бы думать, что мы совершили ошибку.

– Но даже если бы я был Дэнби, то что с того?

– Как что? Тогда вы могли бы рассказать мне то, что я хочу узнать.

– И вы думаете, что способны понять это?

– Если вы намекаете, что технические подробности будут вне моего понимания, забудьте про это. Я опытный биохимик и могу понять любые ваши объяснения.

– Ясно, – сказал Миллер.

Он не сомневался, что человек в маске гнома говорит правду.

– Мне кажется, вы хорошо улавливаете ситуацию.

– Мне было все тщательно объяснено.

– И что вы получите за это? – поинтересовался Миллер.

– На мое имя в банк в Танжере депонировали сто тысяч долларов золотом. Эта сумма уже там и будет моей независимо от того, справлюсь я со своей задачей или провалюсь. Паспорт у меня в порядке. Если я добьюсь успеха, то мне депонируют еще четыреста тысяч золотом.

– Но золото незаконно.

– В этой стране, но не в Танжере.

Миллер знал, что Танжер является международным центром северного побережья Африки, своего рода нейтральной зоной, убежищем для международных мошенников, политических беженцев, таких горячих, каких не примет ни одна страна, и других выходцев из западного мира.

– Кажется, вы хорошо все спланировали, – сказал он.

– Мне помогли.

– Вы были бы не против сказать мне, где я нахожусь?

– Ничуть. На пустующем заводе неподалеку от города. Мы оборудовали тут биохимическую лабораторию.

– Вы быстро действуете.

– За большие деньги можно купить почти все, включая и расторопность.

– А также жизнь?

– И жизнь. И противоположность жизни – смерть, – в голосе его зазвучала холодная угроза. – Так вы будете сотрудничать?

– Но что, если я не Джордж Дэнби, как вы думаете?

– Тогда мы должны найти Дэнби.

– А что будет в таком случае со мной?

Гном пожал плечами.

– Это уж не мне решать. – Пожатие плеч говорило, что он подзревает, каким будет решение. – У вас есть ночь на размышления. Утром я к вам приду, и вы скажете мне о своем решении.

Дверь закрылась за ним, загремел засов. Миллер вытер со лба пот и полез в карман за сигаретами. Гном работает на Моргеншталя. Это очевидно. И также очевидно, что Моргеншталь не имеет никакого отношения к исчезновению Старого Гарольда.

Так что без ответа оставался вопрос, что же произошло с ним на самом деле.

МИЛЛЕР НЕ ЗНАЛ, как получить ответ на этот вопрос, имевший для него огромное значение. Он сам был в достаточно неважном положении, чтобы волноваться о посторонних проблемах.

Думаю, мне стоит оставаться пока что Джорджем Дэнби, – решил он.

Пока Гном считает его Дэнби, он не начнет искать настоящего Дэнби. К тому же Миллер считал, что сумеет водить за нос Гнома еще много дней, может, много недель. И уж за это время найдет возможность вырваться на свободу.

– Я согласен сотрудничать с вами, – сказал он, когда утром вернулся Гном.

– Прекрасно.

Они тут же начали. Сначала вопросы. Гном принес в камеру стул, сигареты, сел с ручкой и блокнотом в руках. Дверь была заперта, засов снаружи задвинут. Синий Костюм, а может, еще кто, были настороже.

– Для начала, сколько времени займет обработка, чтобы начать проявлять себя?

– Она сразу приводит к результатам, где-то за две недели.

– Сколько же времени нужно на полную обработку?

– Все зависит от того, насколько далеко вы хотите зайти, – ответил Миллер. – Прикидывая приблизительно, что за каждую неделю обработки снимается год возраста. Если обработка длится тридцать недель, пациент становится моложе на тридцать лет.

– Что-то уж слишком быстро, – с сомнением в голосе произнес Гном.

– Пациенту это покажется не так уж и быстро. Понимаете, тут происходят глубокие физиологические изменения. Артерии воз-

вращают гибкость, улучшается циркуляция крови, — на ходу импровизировал Миллер. — Снова растут волосы, кости теряют хрупкость. Печень, почки, легкие, сердце возобновляют свои функции в полном объеме. Практически, каждая клетка в теле претерпевает изменения. Разумеется, пациент должен быть на это время госпитализирован. При нем постоянно должны находиться врачи и медсестры. Диета пациента должна быть отрегулирована, увеличен прием витаминов. За ним должен наблюдать кардиолог, потому что иногда сердце просто останавливается. Под рукой должны быть реаниматоры, чтобы справиться с чрезвычайными ситуациями.

— Я прекрасно это понимаю. Врачи будут, — кивнул Гном.

— Практические изменения еще ничего, — продолжал фантазировать Миллер. — Гораздо более явными и важными будут психологические изменения. Чтобы семидесятилетний старик стал тридцатилетним человеком, нужны громадные психологические перемены. В обработке занята целая группа врачей, медсестер, психологов и психиатров.

— Это будет весьма дорого, — сказал Гном.

— Это будет безумно дорого, — возразил ему Миллер. — Сотни долларов ежедневно. Но, конечно, результат стоит денег. Не думаю, что найдется какой-либо семидесятилетний старик, который не заплатил бы за это любые деньги, при условии, что у него они есть. Конечно, крупномасштабные обработки уменьшат эту стоимость до разумных пределов.

Миллер говорил легко и охотно. Пока что он был в безопасности. Процесс сокращения возраста станет реальным на самом деле, как только будет усовершенствован. Сюда включены все факторы. Это процесс не простой, не просто выпить таблетку на ночь, а утром проснуться молодым, по крайней мере, не в первый раз, хотя, как только будет достигнут нужный возраст, поддерживать его в дальнейшем можно и таблетками.

Гном провел целый день, задавая вопросы и записывая ответы. В полдень принесли кофе и сэндвичи, а затем расспросы продолжились.

— Завтра поговорим подробнее о технических аспектах обработки, — сказал Гном уже вечером.

Он вышел. Дверь заперли за ним.

На следующий день он действительно начал с технических деталей. Ответив на дюжину наводящих вопросов, Миллер понял, что Гном льстил себе, притворяясь таким уж компетентным биохимиком. Но кое-что он все же знал. Поэтому Миллер стал отвечать осторожнее, стараясь не допускать ошибок. Большая часть химиче-

ских процессов человеческого тела была науке уже известна. Миллер предоставил стандартные формулы, сказал, где нужно внести в них изменения и зачем. Гном тщательно записал это в свой блокнот, затем нахмурился.

– Проверка этих формул займет целые месяцы, – сказал он.

Миллер молчал. Он знал, что проверка потребует не только массы времени, но и необходимое редкое, дорогостоящее оборудование. Именно поэтому он и предоставил для проверки эти формулы.

– Мне бы не хотелось допустить ошибку, – продолжал Гном. – В конце концов, обработку нужно проверить на человеке.

– Чего проще, – фыркнул Миллер. – Пойдите в любую ночлежку, выберите подходящую задницу и проверяйте на ней, что хотите.

– Это идея, – просиял Гном. – Так я и сделаю.

– Вы что, в самом деле? – спросил потрясенный Миллер.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Гном. – Кто-то же должен быть подопытным кроликом на случай, если вы солгали.

– Но я просто шутил!

– А я – нет!

– Но вы же не можете сделать из человека, без его согласия, морскую свинку!

Глаза вспыхнули в прорезях маски.

– Почему бы и нет? Мы же не спрашивали согласия у вас, когда привезли вас сюда, не так ли?

На третий день Гном перестал записывать, убрал ручку и заявил:

– Вы не Джордж Дэнби!

ГЛАВА VI

– **ЭТО ЕЩЕ ПОЧЕМУ?** – воскликнул Миллер.

– Потому что Дэнби понятия не имеет о биохимии, а вы прекрасно разбираетесь в ней! Чертовски прекрасно! – ответил Гном. – Нет, вы не Дэнби. Вы говорили правду, когда парни приволокли вас сюда.

У Миллера прямо-таки отвисла челюсть. Он понял свою ошибку, понял, что выказал слишком много знания в таком трудном предмете. Вопросы были такими естественными и задавались столь небрежно, что Миллер отвечал на них, не думая о том, что настоящий Джордж Дэнби не может знать об этом предмете столько, чтобы ответить на них.

– Ну, я вам уже говорил, что я не Джордж Дэнби, и вы мне не поверили, – воскликнул он. – Так что вы просто получили то, что требовали. Ну и что вы теперь будете делать?

Гном встал.

— Я найду настоящего Дэнби.

— Я имею в виду, что вы собираетесь делать со мной?

Гном снова пожал плечами.

— Понятия не имею. А это имеет значение?

Глаза в прорезях были совершенно невыразительными, резиновая маска не могла выразить эмоции на лице. Гном крикнул, чтобы открыли дверь. Загремел засов. Внутрь заглянул Синий Костюм. Гном вышел. Закрылась дверь, загремел засов.

Через час дверь снова открылась, и вошел Гном. Дверь закрылась за ним, засов, судя по звукам, встал на место.

— Ну, что еще? — спросил Миллер.

— По— настоящему, не имеет никакого значения, являетесь вы Джорджем Дэнби или Гарольдом Миллером, — ответил Гном. — Джордж Дэнби прошел обработку. Гарольд Миллер бы одним из тех, кто плотно контактировал с ним. Вероятно, Гарольд Миллер знает о процессе обработки куда больше, чем Джордж Дэнби. Так я готов записывать.

Он был достаточно вежлив. Сел и открыл блокнот.

— А что вы скажете, если я отвечу, что пока что не существует никакой такой обработки? — спросил Миллер.

— Есть люди, которые считают, что такие методы существуют, — последовал ответ. — И я получил от них заказ. На этот раз советую говорить правду. Потому что я нашел морскую свинку.

— Кого?

— Вас.

— Что?

— Необходимый процесс обработки будет проделан на вас, — ответил Гном.

Миллер невольно сжал кулаки и выдал хороший хук в челюсть замаскированного. Но тот ловко увернулся, причем замаскировал это движение так, словно поудобнее устраивался на стуле.

— Да нет еще никакого процесса омоложения! — закричал Миллер. — Мы работали над ним, но пока что не решили эту задачу. Поиски решения займут еще годы. Мы же только начали!

Кричал он с жаром, но Гном оставался совершенно спокойным.

— Значит, нет?

— Нет!

По лицу Миллера градом катился пот. От пота ладони стали липкими. Ему казалось, что и кровь в венах тоже заменил вездесущий пот.

Маска растянулась, когда Гном широко открыл рот и выкрикнул одно только слово:

— Макинтош!

Дверь тут же открылась. Внутри заглянул Синий Костюм с пистолетом в руке.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — ответил Гном. — Просто вы нужны мне здесь. — Его невыразительные глаза уставились на Гарольда Миллера. — Мне мало известно о методах Торквемады, не имел возможности научиться. Однако, я приложу все усилия даже со своими ограниченными знаниями.

— Торквемада? — дрожащим голосом повторил Миллер.

Не понравилось ему звучание этого слова. Кажется, Торквемада был известным инквизитором прошлого, специалистом по пыткам.

— Вы имеете в виду...

Гном кивнул.

— Да, именно это я и имею в виду. — Он взглянул на безразлично стоящего в дверях человека в синем костюме. — Макинтош, когда парень не хочет говорить, что вы порекомендуете?

СИНИЙ КОСТЮМ потер грязной рукой небритый подбородок.

— Иногда разговорам помогает воздействие на подошвы ног, — сказал он.

— Так вы серьезно? — дрожащим голосом воскликнул Миллер.

Он был ошеломлен, мысли о пытках ужаснули его. И он без тени сомнения знал, что они используют пытки, чтобы узнать от него секрет, который не знает вообще никто на всем белом свете.

— Я ведь уже сказал вам об этом, — ответил Гном. — Просто представьте себе, каким путем вы пойдете?

В голову Миллера пришла смутная мысль, ускользнула, но тут же вернулась. Входя в камеру, Синий Костюм не запер дверь. Она была приоткрыта дюймов на шесть. Миллер пронзительно рассмеялся, стараясь не глядеть на дверь.

— А вот таким! — крикнул он, бросился к двери, ударился в нее всем телом, вылетел наружу и захлопнул дверь за собой, затем отчаянно прижался к ней спиной.

— Мы поменялись местами, — проворчал он.

Засов не был прикреплен к двери, а стоял возле нее. Миллер схватил его. За дверью послышался звук пистолетного выстрела. Пуля со звоном ударила о металл, затем дверь начала открываться, поскольку Синий Костюм навалился на нее. Миллер изо всех сил пытался удержать дверь. Ему удалось сунуть засов в одну петлю, но тут дверь снова приоткрылась, когда Синий Костюм ударил в

нее всем своим весом. Ноги Миллера заскользили. Он уперся, толкнул дверь, и засов скользнул во вторую петлю.

Могучая волна радости пронеслась по нему. Он вырвался из камеры, да еще запер в ней Гнома и Синий Костюм! Теперь предстояло быстро найти выход отсюда.

Он находился в подвале, на это указывали многочисленные бетонные столбы, уходящие вдаль. Тусклые лампы на потолке испускали бледный свет на пространство возле железной двери, за которой была оборудована камера с раскладушкой и стульями. Картонные коробки, в которых приносили еду, валялись по всему полу.

Железная дверь дрожала под градом сыпавшихся на нее изнутри ударов. Миллер мельком подумал о том, как чувствуют себя Синий Пиджак и Гном, очутившись в собственной ловушке?

По тому, как они лупили в дверь, им там явно не нравилось. Но, волей-неволей, им придется смириться с этим. В тусклом свете ламп, горящих по всему подвалу, виднелась вдали ведущая наверх лестница. Миллер быстро пошел к ней.

И тут зазвучали шаги. Миллер вовремя услышал их и прижался к стене. Кто-то поспешно спускался с лестницы. У основания ее он остановился и крикнул:

— Макинтош!

Идущий звал Синий Пиджак. И Миллер тут же узнал его. Это был второй из похитившего его друга, тот, у которого была танцующая походка, словно он шел среди яиц.

Танцор не заметил Гарольда Миллера, присевшего у стены. Он шел в подвал с железной дверью. Если он доберется до этой двери, то тут же выпустит обоих запертых там мужчин. Миллер стал красться за ним, прижимаясь к бетонной стене, а потом рванулся, как бейсболист, решивший сбить с ног противника.

Танцор услышал его шаги, обернулся через плечо, увидел, как кто-то мчится на него, и попытался увернуться. Миллер, пригнувшись, схватил его за голени, и тот рухнул на пол. Танцор явно никогда не играл в бейсбол и не умел падать. Он рухнул ничком, ударившись подбородком о бетон. Миллер услышал, как лязгнули у него зубы, и упал на него сверху. Танцор забился под ним. Это были бессознательные судороги, а не попытка вырваться. Он уже лишился чувств.

Миллер достал у него из подмышки плоский пистолет. Вынул обойму, глянул — она была полностью заряжена. Передернул затвор — патрон полетел на пол.

Миллер сунул обойму на место, еще раз передернул затвор. Теперь он был уверен, что пистолет готов к действию. С ним в руке он пошел к лестнице, но тут же остановился.

НАВЕРХУ СНОВА раздались шаги. Там шел человек. В отличие от танцора шел он грузно, гулко стуча каблуками по металлическим ступенькам. Шел и вдруг упал, и скатился вниз по лестнице. Скорчился на полу, ударившись головой о последнюю ступеньку. Из уголка его рта потекла струйка крови. Он был без маски, совершенно лысый. Миллер не видел его прежде. Кровь изо рта уже образовала на полу лужицу.

Миллер не услышал, как сверху начал спускаться еще кто-то. Тот шел совершенно бесшумно. Миллер просто уловил движение какой-то тени. Он мгновенно отпрянул за ближайший бетонный столб и поднял пистолет.

Человек стоял посреди лестницы, рассматривая подвал. Держался он скрытно, была видна лишь часть его головы. Миллер ждал.

Осмотревшись, человек сделал еще пару шагов вниз и оказался весь на виду. Миллер чуть было не выстрелил, а долю секунды спустя чуть не выронил пистолет, который сжимал в руке.

– Старый Гарольд! – завопил он.

Да, это был Старый Гарольд. Это он скинул лысого с лестницы, а затем осторожно спустился сам.

При звуках голоса Миллера Старый Гарольд отпрянул и снова пропал из виду.

– Это я! – закричал Молодой Гарольд и бросился к лестнице.

Старик опять спустился, и они встретились.

В руке у Старого Гарольда тоже было оружие, под глазом набухал синяк, шляпу он где-то потерял, волосы были взлохмачены, а пиджак порван. Он лишь бросил беглый взгляд на правнука, затем снова стал осматривать подвал в поисках кого-то или чего-то. Его пристальный взгляд задержался на Танцоре.

– Твоя работа? – ободрительно проворчал он.

– Да.

– Хорошо. Наверху было двое. Теперь они обезврежены. А сколько тут?

– Еще двое. И тоже обезврежены.

– Что с тобой произошло, мальчик мой?

– Меня похитили, привезли сюда, – пояснил Молодой Гарольд. – Они хотели поймать вас, но совершили ошибку и схватили меня. Им был нужен процесс омоложения.

– Моргеншталь, – проворчал Старый Гарольд.

– Я тоже думаю, что это он, но не знаю наверняка. А что случилось с вами?

Много дней его занимал этот вопрос. Что случилось со Старым Гарольдом?

– Меня тоже похитили.

– Что?

– Я должен был заметить, что он замышляет, – в голосе старика прозвучало отвращение, – но не заметил. Он просто вошел ко мне в номер с пистолетом в руке и увел меня.

– Но кто это был?

– Клерборн, – буркнул Старый Гарольд, лицо его было мрачным и суровым.

– **КЛЕРБОРН?! –** выдохнул Миллер.

Это его изумило. Он много лет знал Клерборна и думал, что они друзья.

– Мало кто остается прежним, сунув нос в мою тайну, – сказал Старый Гарольд. – Мысли о бессмертии лишили Клерборна разума. Он понял, что если сумеет решить проблему омоложения, то автоматически станет самым главным на всей Земле. И он похитил меня, решив действовать в одиночку. Он собирался создать корпорацию и торговать жизнью. Он держал меня в заключении в каком-то сельском доме и готовился экспериментировать на мне, продолжив работы в Фонде. – В голосе Старого Гарольда зазвучала ненависть.

– Что... Что произошло с ним? – прошептал Миллер.

– Однажды ночью он пришел поработать и столкнулся с небольшой проблемкой. Так уж случилось, что горло у него оказалось разорвано. Я даже не знаю, как это произошло. – Старый Гарольд замолчал.

– Вы хотите сказать, что убили его? – воскликнул Миллер.

– О, нет! Это был несчастный случай. Никто, имеющий мозги, не допустит и мысли ни о чем, кроме несчастного случая. Тело его еще не нашли, а, может, и никогда не найдут. – Тон его тут же изменился. – Когда я стал свободным, то узнал, что ты куда-то пропал. По моему мнению, это значило, что до тебя добрался Моргеншталь. Я принялся искать тебя.

– Но как вы меня нашли?

– Это было не слишком трудно. Я просто заставил Гроффа и Клакстона составить список лучших биохимиков страны. Затем мы начали проверку, пока не нашли того, кого за большие деньги на-

нял адвокат Моргеншталя. Затем мы определили местонахождение этого биохимика, и я стал следить за ним. Его звали Хендриксон. Он и привел меня сюда.

— Маска Гнома, — сказал Молодой Гарольд. — Я не был знаком с ним лично, но слышал о нем. Сейчас он заперт вместе с Синим Костюмом.

— Там мы и оставим их, — решил Старый Гарольд. — Позже вызовем полицейских и сообщим им, где можно найти этих парней. А сначала нам нужно выбраться отсюда. Затем позвоним твоей жене. Затем свяжемся с Гроффом и Клакстоном. Я уж и не знаю, кто больше волновался о тебе. Мы сообщим им, что с тобой все в порядке.

— А что потом? — спросил Молодой Гарольд.

— А затем Грофф и Клакстон уволятся из Фонда, и мы все скроемся, чтобы продолжить работы над секретом омоложения. — Глаза Старого Гарольда сверкали, голос звенел. — Лет через пять мы раскроем этот секрет. И тогда будем продавать его по доступной всем людям на Земле цене...

Он уже планировал будущее. Слушая его, Молодой Гарольд понял, что это действительно хороший план. Во многом он совпадал с его собственными мечтами.

— Но сначала нам нужно скрыться, — продолжал Старый Гарольд, — Это единственный безопасный путь, пока мы не раскроем секрет и не будем готовы объявить о нем. Долгую жизнь должны получить все, а не отдельные люди.

— А что делать с Моргеншталем? Разве мы не собираемся арестовать его?

— Да мы и не будем его трогать. Он расплатится за все свои делишки. День за днем он будет все больше стареть, пока в один прекрасный день не умрет от старости и собственной подлости, в то время, как мы ищем секрет бессмертия!

Он замолчал и молчал довольно долго, затем спросил:

— Ну, и как это тебе?

— Что до меня, то это звучит прекрасно, — ответил Молодой Гарольд.

— Тогда вперед! Настало время начинать!

Они пошли рядом, внук и пра-пра-прадед. А где-то впереди, возможно, совсем рядом, а может, не так уж и близко, рождался новый мир, мир без старости. А может, в отдаленном будущем, и мир без смерти. Мир, который они помогут создать. И на душе у обоих было радостно.

Find me in eternity. (Amazing Stories, 1951 №4)

СОДЕРЖАНИЕ

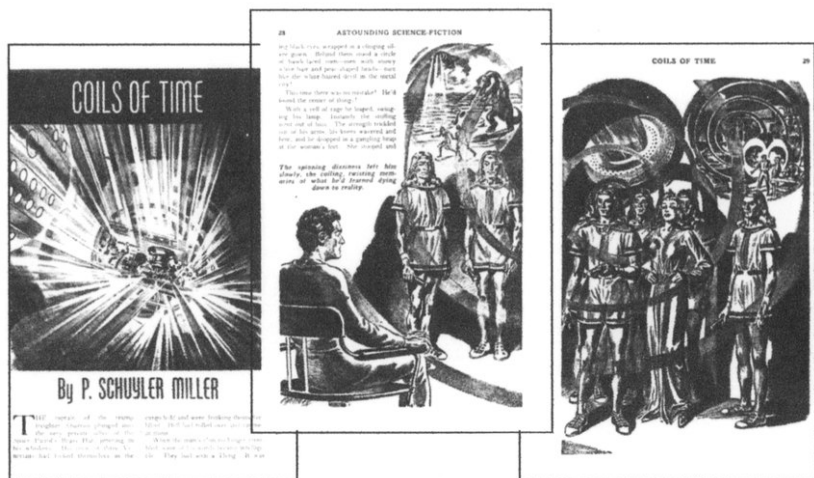
ОХОТНИЦА ИЗ АККАНА.....	7
The huntress of Akkan, (Amazing Stories, 1946 № 2)	
ЗА ЗАВЕСОЙ.....	95
Beyond that curtain, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 12)	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО	111
The warning from the past, (Thrilling Wonder Stories, 1939 № 8)	
ВЕЧНЫЙ СВЕТ	137
The eternal light, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 1)	
ПОТОКИ ВРЕМЕНИ.....	155
The tides of time, (Thrilling Wonder, 1940 № 4)	
НАЙДИ МЕНЯ В ВЕЧНОСТИ	183
Find me in eternity, (Amazing Stories, 1951 №4)	

Читайте в
следующем томе:

Питер Шуйлер-Миллер
«ВИТКИ ВРЕМЕНИ»

В 19-м выпуске «Библиотеки англо-американской классической фантастики» читайте повести и рассказы американского фантаста ПИТЕРА ШУЙЛЕРА-МИЛЛЕРА, ранее не выходившие на русском языке.

Библиотека англо-американской классической фантастики

РОБЕРТ МУР УИЛЬЯМС
(ВИЛЬЯМС)

Охотница из Аккана